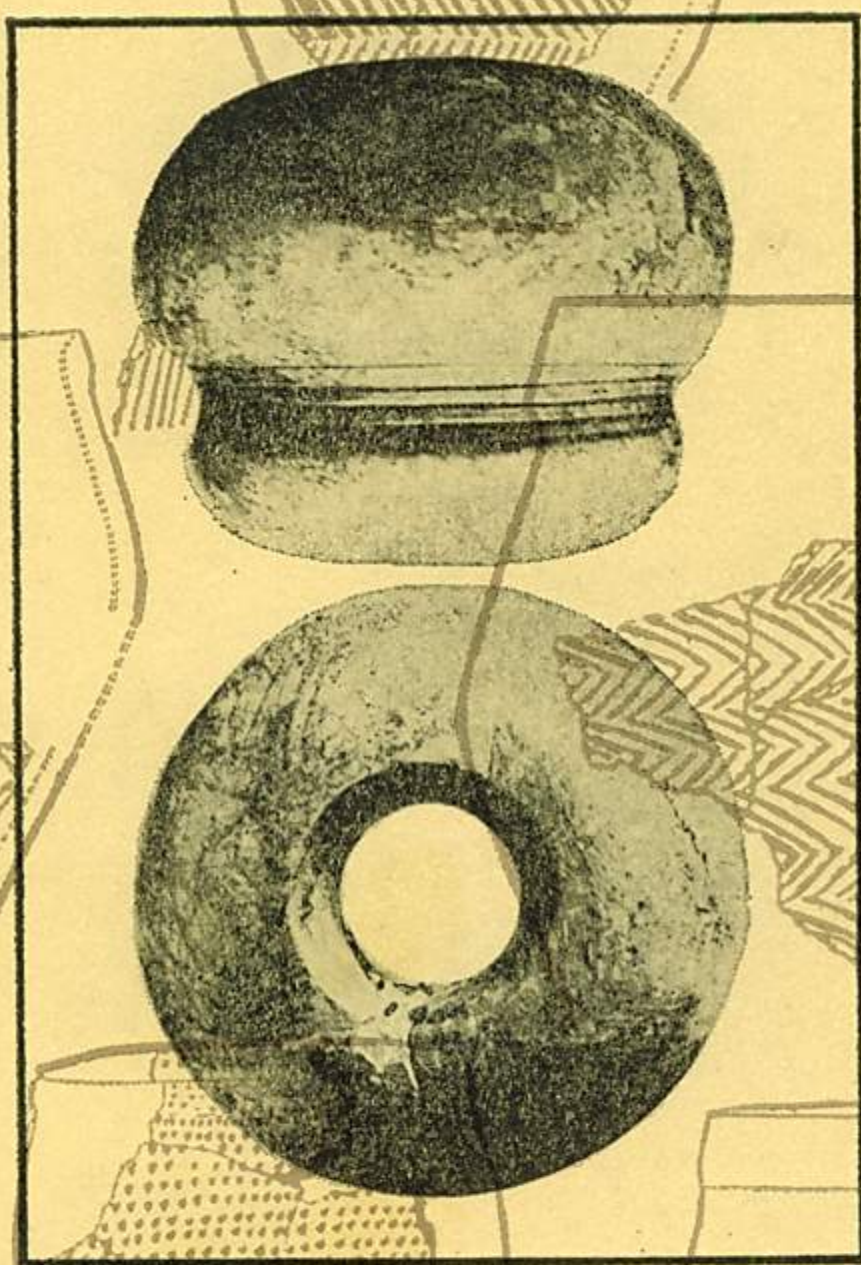

Д.Я. ТЕЛЕГИН

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МОГИЛЬНИКИ МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1991

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР

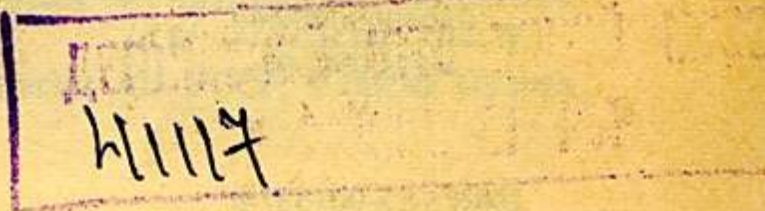
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Д.Я.Телегин

**НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МОГИЛЬНИКИ
МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА**

Свод археологических источников

Киев Наукова думка 1991

ТЕЛЕГИН Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа : (Свод археол. источников)
АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. С.В.Смирнов. — Киев : Наук. думка, 1991. — 96 с.
ISBN 5-12-001537-8.

В монографии на основе анализа материалов раскопок более 20 крупных некрополей Прикарпатья и юга Украины V—III тыс. до н.э. решаются вопросы этнокультурной принадлежности населения, его занятий, верований и др. Определен антропологический состав наших далеких предков.
Для археологов, антропологов, историков первобытной культуры.

Ответственный редактор С.В.Смирнов

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редакция литературы
по истории и археологии

Редактор Т.Н.Телиженко

Т 0504000000-403 79-91
M221 (04) -91

ISBN 5-12-001537-8

© Д.Я.Телегин, 1991

ВВЕДЕНИЕ

Более полувека назад на Украине был обнаружен и исследован известный Мариупольский могильник — крупнейший по размерам и богатейший по количеству погребального инвентаря неолитический некрополь в пределах Восточной Европы. За истекшие десятилетия количество памятников такого рода на территории Украины значительно возросло. Достаточно сказать, что в пределах УССР уже известно около 20 неолитических могильников, насчитывающих в целом сотни скелетов. Подавляющее большинство памятников сосредоточено в районе Днепровского Надпорожья. Среди них — могильники Вовнигские, Васильевские, Никольский, Марьевский, Чаплинский, Вольнянский, Капуловский, Ясиноватский, в уроч. Собачки, у Ненасытецкого порога, на Игреньском о-ве и др. Известны они и южнее Надпорожья — Лысая гора, Каиры. Открыты и исследованы могильники на более северных территориях Поднепровья, в том числе около с. Дерейка вблизи Кременчуга, у с. Осиповка на р. Орель и др. К этому следует добавить, что аналогичные могильники и группы погребений известны из близлежащих областей Украины — Степного Крыма (Долинка) и Оскола (Александрия). Видимо, такого же типа могильник разрушен в конце прошлого века при сооружении железной дороги через р. Чир у ст. Нижнетерская на Нижнем Дону [Яковлев, 1901].

В пределах Восточной Европы мы не знаем другой территории, столь богатой погребальными памятниками неолитической эпохи.

К сожалению, богатейший материал не получил до настоящего времени надлежащей интерпретации.

Между тем интерес к археологическим и антропологическим материалам могильников среди специалистов очень большой. Памятники давно привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных ученых в связи с решением ряда важных вопросов исторического развития первобытной эпохи Восточной Европы и сопредельных территорий, в частности при рассмотрении проблем древнейших степных влияний на Балканы и Подунавье (М. Гараганин), сложения культуры воронковидных сосудов (К. Беккер, И. Лихардус) и др. Можно назвать еще ряд проблем, имеющих прямое отношение к пониманию самих могильников, в том числе вопросы их культурной принадлежности, хронологии и периодизации. Одни исследователи, например, связывают неолитические могильники Надпорожья с местными стоянками, выделяя их как составную часть днепро-донецкой культуры (Д. Я. Телегин) или днепро-донецкой этнокультурной области (Е. Н. Титова), а В. Н. Даниленко относит их к так называемой азово-днепровской культуре.

Только в связи с раскопками последнего времени удалось значительно приблизиться к решению вопросов периодизации рассматриваемых могильников и их абсолютного возраста. Намечается несколько иная трактовка и культурной принадлежности могильников, которые в этом плане не совсем едины, а относятся к разным вариантам днепро-донецкого неолита с гребенчато-накольчатой керамикой.

В данной работе ставятся задачи, во-первых, полной публикации известных памятников этого рода в Поднепровье, за которыми уже укрепилось название могильников мариупольского типа, и, во-вторых, всесторонней характеристики погребального обряда в неолите Поднепровья, а также решения вопросов хронологии, периодизации и культурной принадлежности. Материалы могильника дают основные данные для определения антропологического состава неолитического населения Поднепровья V—IV тыс. до н.э. Изучение неолитических могильников Поднепровья и многочисленных здесь поселений днепро-донецкой культуры открывает перед исследователями возможности выяснения роли позднекриманьонских племен в истории неолитического населения Восточной Европы и сопредельных территорий.

Работа выполнена на материалах Института археологии АН УССР, а также музеев Ленинграда, Днепропетровска и других городов.

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Первые неолитические могильники на Украине были открыты на строительных площадках Днепрогэса в 1927—1933 гг. в Надпорожье и завода "Азовсталь" в Северном Приазовье. Тогда, в частности, Днепрогэсовской археологической экспедицией были исследованы в Надпорожье три небольших могильника, в том числе на стоянке Собачки, Виноградном о-ве и Игреном п-ове [Добровольский, 1949, 1954].

Известный у нас и за рубежом Мариупольский могильник, давший название группе памятников, исследован Н.Е.Макаренко [1933] при строительстве завода "Азовсталь" в 1930 г. Один из крупнейших некрополей (121 погребение), он выделяется среди других множеством и разнообразием находок.

Подавляющее большинство могильников мариупольского типа исследовано уже в 1948—1985 гг. Обнаружены они в основном на Нижнем Днепре А.В.Бодянским. Открытие такого количества неолитических могильников за столь короткое время и на ограниченной территории Нижнего Поднепровья связано с интенсивным размывом лессовых террас Днепра, который начался после поднятия воды в водохранилищах Днепрогэса (оз. Ленина) и Каховской ГЭС.

К памятникам, исследованным в Надпорожье в первое повоеенное десятилетие, относятся могильники: над Ненасытецким порогом, у с.Марьевка [Бодянский, 1951, 1956] и в с.Чапли [Добровольский, 1954], а также два некрополя у с.Вовниги — на правом и левом берегу Днепра [Рудинский, 1955, 1956]. Первые из них сравнительно небольших размеров, в то время как в I Вовнигском (левобережном) обнаружено более 30 захоронений, а во II Вовнигском (правобережном) — 130. Погребальный инвентарь относительно скудный, но благодаря хорошей сохранности скелетов впервые для Надпорожья получен обильный антропологический материал. Это тем более важно, что скелетные остатки Мариупольского могильника, за небольшим исключением, погибли в 1941—1945 гг.

Изучение скелетных остатков Вовнигских и других могильников Поднепровья позволило исследователям дать полное описание антропологического состава неолитического населения Поднепровья и юга УССР в целом. Г.Ф.Дебец [1966] относил его к позднекриманьонскому типу. В.В.Бунак [1959], уточняя это определение, выделил краниологические материалы неолитических могильников мариупольского типа в отдельный — "вовнигский" — тип. И.И.Гохман [1966, с. 175] называл его надпорожско-приазовским вариантом.

В 50-х годах в Запорожье и ниже в районе размыва берегов Днепра Каховским водохранилищем исследовано еще несколько крупных неолитических могильников, в том числе второй Васильевский (А.Д.Столяр, 1953), Вильнянский (Д.Я.Телегин, 1955), Лысогорский (А.В.Бородянский, 1959) и Никольский (Д.Я.Телегин, 1959). На последнем раскопки продолжены в 1967 г. Во многих из них (Никольский — около 140 скелетов, Лысогорский) собран большой и разнообразный вещевой материал, включающий орудия труда, украшения, а главное — керамику. Украшения, в том числе так называемые пластинки мариупольского типа из эмали клыка кабана, позволили определенно отнести памятники Нижнего Поднепровья и Приазовья (Мариуполь) к одному культурному типу, что ранее предполагали М.Я.Рудинский [1955] и А.Д.Столяр [1957].

Не менее важной и существенной частью находок был большой набор керамики, что указывало на принадлежность могильников и местных неолитических поселений с гребенчато-накольчатой керамикой типа Собачек и Среднего Стога I одному и тому же населению.

В 60—70-е годы в Надпорожье исследуются еще три могильника мариупольского типа: около с.Капуловка на Нижнем Днепре [Шапошникова, Бодянский, 1970], и

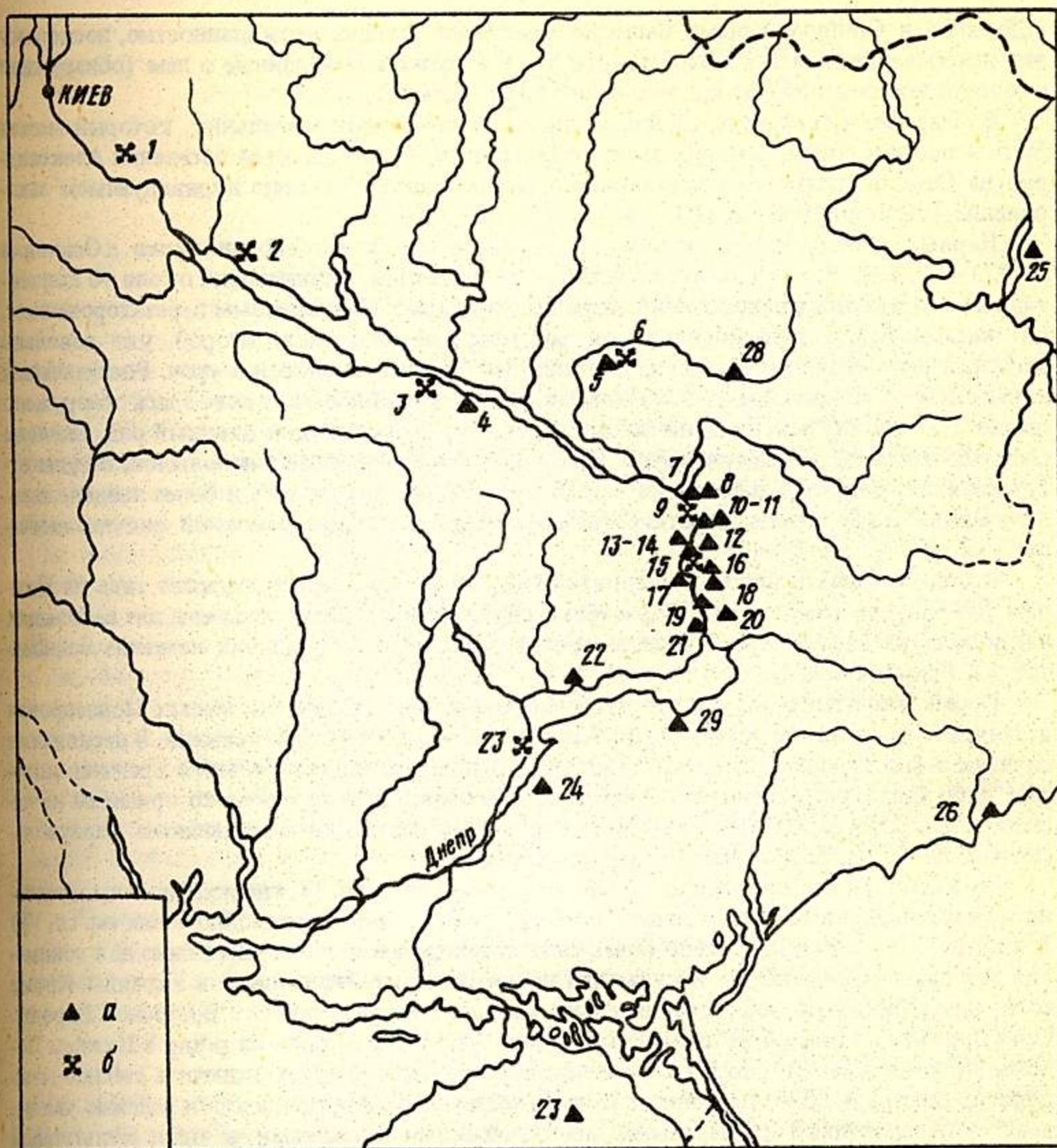

Рис. 1. Могильники мариупольского типа (а) и отдельные погребения (б):

1 - Козинцы; 2 - Бузьки; 3 - Каменные потоки; 4 - Дереевка; 5 - Осиповка; 6 - Засуха; 7 - Игренъ; 8 - Чапли; 9 - Сурской, Скеля-Каменоломня; 10-11 - Васильевка 2, Васильевка 5; 12 - Марьевка; 13, 14 - Никольский, Ненасытец; 15 - Клягуза балка; 16, 17 - Вовниги 1, Вовниги 2; 18 - Ясиноватка, Ясиноватое 1 и 2; 19 - Виноградный; 20 - Вильнянка; 21 - Собачки; 22 - Капуловка; 23 - Змиевка; 24 - Каиры; 25 - Александрия; 26 - Мариуполь; 27 - Долинка; 28 - Госпитальный холм; 29 - Лысая гора

в Надпорожье — V Васильевский [Телегин, 1968] и Ясиноватский. При раскопках последнего, как ранее Вильнянского некрополя, удалось проследить стратиграфию различных погребений, что, как увидим далее, важно для их периодизации.

Изучение могильников показало, что эти памятники распространялись не только в Степном Поднепровье и Приазовье, но и на некоторых иных смежных территориях Украины, в частности на Среднем Днестре, в Северном Крыму, на Северском Донце и р. Орель. Так, в 1961 г. при раскопках поселения медного века у с. Дереевка вблизи Кременчуга открыт неолитический могильник № 1, исследование которого с перерывами продолжалось до 1967 г., — наиболее крупный (173 погребения) среди памятников этого типа на Украине. Кроме обычных для могильников мариупольского типа находок (пластины, зубы рыб, подвески из недоразвитых зубов оленя и др.) здесь обнаружены два развала сосудов, аналогичных материалам стоянки местного неолита [Телегин, Жилиева, 1964].

Открытие в 60-х годах А.А.Щепинским могильника мариупольского типа около

с.Долинка в Степном Крыму было до некоторой степени неожиданностью, поскольку это наиболее южный памятник такого типа. К сожалению, данные о нем (обнаружено около 50 захоронений) до сих пор не опубликованы.

В бассейне Северского Донца исследован пока один могильник, который может быть отнесен к группе мариупольских памятников. Раскопан он на поселении Александрия на Осколе, включает коллективную яму (4 скелета) и одно индивидуальное захоронение [Телегин, 1968а, с. 101–102].

Первый небольшой могильник в долине р.Орель исследован около с.Осиповка в 1971–1973 гг. Это относительно небольшой памятник, включающий около 40 коллективных и одиночных захоронений, нередко, очевидно, со вторичным перезахоронением, что весьма редко для могильников рассматриваемого типа. Второй, уже довольно крупный могильник мариупольского типа на Орели исследован в уроч. Госпитальный холм около с.Залинейное И.Ф.Ковалевой [1984] в начале 80-х годов. Здесь обнаружено около 100 вытянутых на спине захоронений, образующих один длинный ряд. Скелеты местами залегают в два-три яруса. Инвентарь при погребенных небольшой, сосуды отсутствовали. Важность памятника в том, что при нем находились и более поздние энеолитические захоронения, стратиграфически перекрывающие основной ряд неолитических могил.

Чтобы закончить обзор исследований могильников мариупольского типа на Нижнем Днепре отметим, что С.Н.Кравченко обнаружены и раскопаны еще два небольших некрополя на левом берегу Днепра против с.Вовниги, получивших название Ясиноватое 1 и Ясиноватое 2.

Кроме могильников, о которых шла речь выше, во многих местах Поднепровья встречаются отдельные захоронения несомненно неолитического времени. В нескольких случаях зафиксированы следы и довольно крупных могильников этого времени, которые либо были разрушены до прихода археологов, либо по каким-то причинам не исследованы. Так случилось, например, с довольно крупным могильником мариупольского типа у с.Каиры на Нижнем Днепре.

На Украине известно около 30 местонахождений (рис. 1), где исследованы могильники мариупольского типа и отдельные погребения. (Более подробно о них см. гл. VI) В общей сложности обнаружено более тысячи захоронений, что очень важно для понимания многих сторон истории и культуры неолитического населения юга Украины. Кроме того, памятники занимают сравнительно большую территорию юга Восточной Европы. Если принять во внимание наличие могильника подобного рода на р.Чир в Нижнем Подонье [Яковлев, 1901], то в район их распространения следует включить степное междуречье Днепра и Дона. Во многих случаях керамика и другие находки надежно увязывают эти памятники с местными неолитическими стоянками в один культурный комплекс.

II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОГИЛЬНИКОВ. ПУТИ СЛОЖЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА

Могильники мариупольского типа относятся к категории бескурганых, плоских. Все они, за небольшим исключением (Собачки, Александрия), находились за пределами поселений. Это массовые могильники, включающие десятки, а иногда и более 100 погребений каждый. Подавляющее число их открыто на Нижнем Днепре, где они располагаются обычно на высоком коренном берегу — 15–25 м над естественным уровнем реки. Большинство из них довольно крупные: Никольский — 137 скелетов, II Вовнигский — 130, Ясиноватский (первый) — 68, Лысогорский — 50, Вильнянский — 50, I Вовнигский — 31, Капуловский — 25, V Васильевский — 37. Остальные — Собачковский, Чаплинский, Марьевский, Ненаситецкий и др. — включают от 7–9 до 15–16 погребений. Три могильника этого типа исследованы на более северных территориях Поднепровья и Левобережья Украины: два крупных — Деревский (137 скелетов) и Госпитальный холм (около 100), а также сравнительно небольшой (37) — около с.Осиповка. Как отмечалось, два крупных могильника (Мариуполь — 121 скелет и Долинка — 50) исследованы на юге Украины.

Несмотря на некоторые различия в погребальном ритуале, могильники мариупольского типа имеют ряд общих признаков: вытянутые погребения, групповой характер могил, наличие в могилах охры и специфического набора инвентаря при отсутствии среды приношений сосудов.

Положение погребенных. Погребения могильников мариупольского типа представляют собой труположения. Лишь в некоторых случаях в погребальном обряде применялся огонь, о чем подробно будет сказано ниже. Но трупосожжения как таковые отсутствуют полностью.

Погребенные, за незначительным исключением, лежали вытянуто на спине, лицом вверх, иногда повернутыми вправо или влево, ноги прямые, обычно плотно сведенные вместе, руки — вдоль туловища, кисти рук — около костей таза или же сверху. Создается впечатление, что разное положение кистей и повороты лица случайны и эти признаки не несут ритуальной нагрузки.

Многие скелеты очень сильно сжаты с боков, кисти рук прижаты к корпусу, голова как бы втянута в плечи, стопы ног вытянуты "на цыпочках" и тоже плотно сжаты (рис. 2, 2, 3). Такое положение указывает на то, что покойники были плотно спеленуты или связывались. В отдельных случаях, возможно, были втиснуты в очень узкую яму.

Среди общего числа погребенных выделяются лишь единицы с иным положением скелетов. Так, в некоторых групповых могилах крайние в ряду скелеты иногда лежат не на спине, а почти на боку (Деревка, Вильнянка). Как увидим ниже, в двух коллективных ямах Никольского могильника (Д и Е) верхние в группах погребенные (по одному в каждой яме) находились, видимо, в скорченном на спине положении, так как в момент раскопок длинные кости ног лежали "ромбом". Очевидно, в скорченном положении на спине залегало в Никольском и погребение под закладкой № 18/68. В этой связи интересно напомнить, что слабую скорченность отмечала Н.Макаренко [1933, с. 86] и у погребенного № 53 в основной яме Мариупольского могильника. В Никольском могильнике у погребенного № 59 кисть правой руки лежала на груди. Этот факт, как и вытянутое положение погребенных на боку из Никольского могильника, очевидно, следует расценивать как случайный. Что касается положения погребенных скорчено на спине, то это обстоятельство указывает на зарождение такого обряда, который затем широко распространяется в эпоху меди — бронзы. То же следует сказать о единственном сидячем погребении № 41 из Деревки.

Ориентация покойников в отдельных могильниках для всех погребений или некоторых групп довольно устойчива в том смысле, что они обычно укладывались головой

в одном направлении. Например, в I Вовнигском (левобережном) погребенные ориентированы головой почти точно на юг, в II Вовнигском — на северо-запад, в Марьевке — на северо-восток. В Никольском могильнике также почти все погребенные ориентированы в западном направлении, лишь несколько одиночных захоронений залегало по линии юго-восток — северо-запад, а один покойник уложен головой на север. В других случаях ориентация отдельных групп погребений в могильнике различна. В Деревинском, например, они залегают на запад, юго-восток, реже на северо-восток и север, в Вильнянском могильнике умершие погребены в красных ямах, лежат по линии север — юг, а остальные — под определенным углом к этому направлению. Различна ориентация основных групп погребений и в Ясиноватском могильнике.

Обычно погребения в этих группах с различной ориентацией отличаются и по иным признакам ритуала, зачастую разновременным. Интересно, что в нескольких могильниках (Мариуполь, Собачки, Ненасытец, Вильнянка, Госпитальный холм) отмечена ориентация покойников по принципу антитезы, когда они лежат головой в разные стороны. Чем объясняется такое разнообразие в положении покойников в могильниках мариупольского типа, сказать трудно. Можно лишь отметить, что такой обряд, скорее всего не связан с расположением светил (Солнца, Луны, звезд) на небосводе. Очевидно, следует отбросить и предположение о том, что покойников ориентировали в зависимости от направления течения реки, так как в разных случаях скелеты лежат то параллельно течению, то перпендикулярно к нему [Телегин, 1968, рис. 54]. Замечено, однако, что при решении вопроса об ориентации покойников, видимо, решающее значение имело направление склона, где погребенные укладывались головой в сторону повышения террасы, а ногами к реке или балке (Вовниги 1, 2, Никольское, Лысая гора, Чапли и др.). Известны и исключения — Вильнянка.

Из суммы изложенных фактов можно сделать вывод, что у неолитического населения Поднепровья ритуал ориентации покойников по солнцу и иным небесным светилам еще отсутствовал. Не находит пока удовлетворительного решения и вопрос о погребении покойников в одной и той же могиле по принципу антитезы. Предположение М.Е.Макаренко, что так хоронили разнополых индивидов, видимо, придется отбросить, так как в могильнике Госпитальный холм различий в ориентации погребенных мужского и женского пола не наблюдается [Ковалев, 1984].

Групповые могилы. Могильники мариупольского типа являются массовыми, коллективными, где важную роль играет групповой обряд захоронения. Возникнув еще в позднемезолитическое время (Васильевка 3), обряд групповых могил сохранился в течение неолитической эпохи, хотя характер их конструкции со временем претерпел заметные изменения. В более раннее время распространены ямы-гнезда типа А, округлоовальной формы, длиной около 2,2–2,5 м при ширине 1–1,5 м, т.е. их размер обычно соответствует количеству находящихся в них погребенных. Такие ямы содержат от 2–3 до 10–13 скелетов, которые залегали в 2–3 яруса. Ямы-гнезда хорошо представлены на Вильнянском и Ясиноватском могильниках (тип А), Никольском (ямы В, Г, Д, Е), Собачки и др. (рис. 3; 4, 1, 2; 5, 2). Ямы использовались для захоронения покойников многократно. Причем нарушение залегающих в яме предыдущих захоронений наблюдается редко. Засыпка ям обычно сероватого цвета — результат смешения лесса, в который они опускаются, с почвой и подпочвой. Кроме групповых могил в ямках-гнездах, контуры которых хорошо прослеживаются, такие же захоронения встречаются без следов ям (Марьевка, Ненасытец, Собачки и др.).

На некоторых некрополях (Вовниги, Капуловка, Деревинка) отдельные ямы-гнезда, расположенные рядом, нередко сливаются в одну или несколько общих "траншей" (рис. 5, 1). Засыпки в таких рядах-траншеях обычно красно-охристая; нарушения более ранних скелетов при повторных захоронениях отмечаются чаще, чем в ямках-гнездах. Скелеты и их остатки занимают зачастую 2–3 яруса и более. Такой ряд-траншею представлял собой и Мариупольский могильник, на примере которого А.Д.Столяр предлагал дать всем могильникам подобного типа название "траншейные". Ряд погребений зафиксирован на Госпитальном холме.

На более поздних этапах развития могильников мариупольского типа возникают большие коллективные усыпальницы подпрямоугольной формы (ямы типа Б), которые исследованы, например, на Никольском, Ясиноватском, Деревинском, I Вовнигском могильниках. Размеры ям различные: от 1,6 × 2,4 м на Никольском до 5,2 × 5,6 м в Ясиноватке (рис. 4, 3; 6). Такие ямы вы-

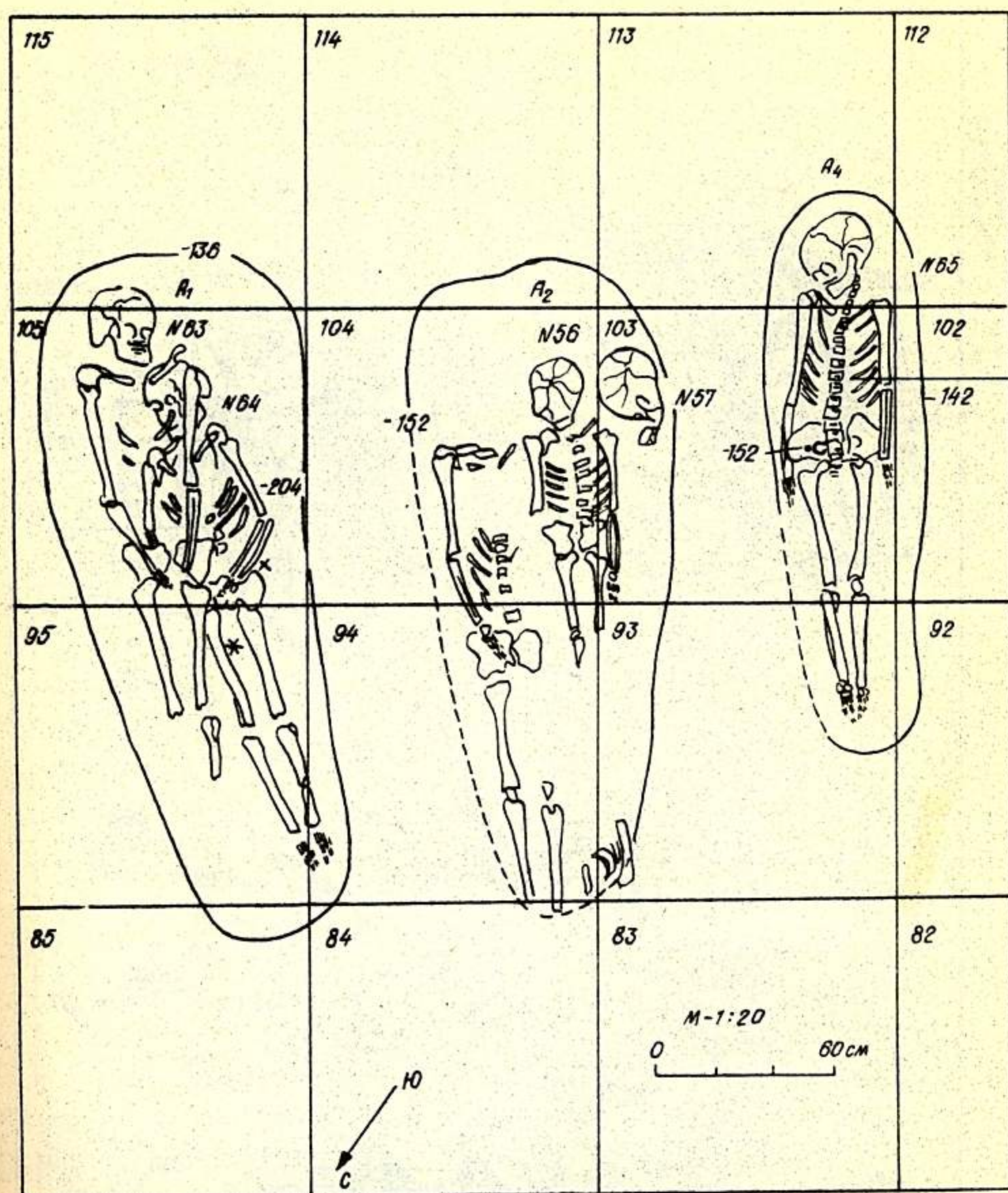

Рис. 3. Ясиноватский могильник. Погребения в ямах-гнездах подовальной формы

капывались, конечно, преднамеренно — для осуществления в них многократных захоронений. В отдельных случаях (или, может быть, во всех) они имели перекрытие, возможно, в виде шалаша, остатки перекрытия, которое сгорело, отмечены нами в Никольском над ямой Б. Над ямой и входом в нее, видимо, стояла деревянно-земляная конструкция, кровля которой была придавлена крупными камнями. Последние обнаружены главным образом на площадке перед входом в яму, где они лежали, образуя треугольник, направленный вершиной вниз к реке. Не исключено, что такое расположение камней отражает форму перекрытия — шатрообразную — которое после пожара рухнуло в сторону реки. Как известно, сложную бревенчатую конструкцию строения реконструировал для Мариупольского могильника А.Д.Столяр [1955].

Погребения в таких усыпальницах, как правило, сильно повреждены при повторных захоронениях. В отдельных случаях (Никольское, Лысая гора) усыпальницы, по существу, превращались в своеобразные хранилища черепов, так как иных костей скелетов сохранилось мало.

В связи с тем что в коллективных усыпальницах окрашенные охрой скелеты систематически нарушались, их засыпка имеет ярко-красный цвет. В том случае, когда яма переполнялась, ее содержимое вместе с человеческими костями выгребалось полностью и прикапывалось вблизи могильника. Это, например, скопления костей вокруг ямы Б

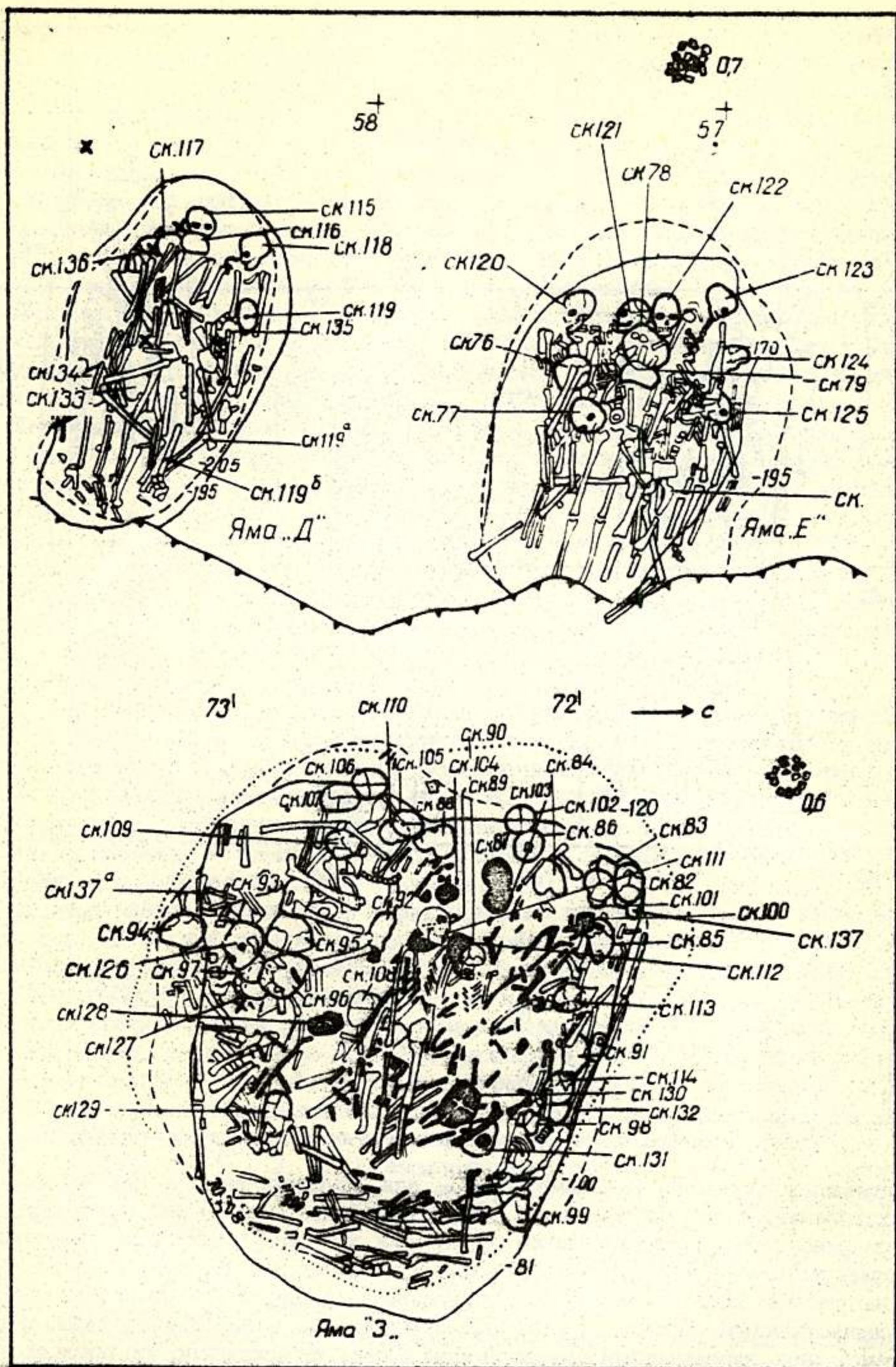

Рис. 4. Никольский могильник. Погребения в ямах-гнездах и яме подпрямоугольной формы

в Никольском, где насчитываются остатки около 20 погребенных, что способствовало образованию красного охристого слоя на площади всего могильника.

Несколько своеобразный вид имела коллективная усыпальница Лысогорского могильника, состоявшая из двух частей: удлиненной подовальной и округлой, более глубокой (рис. 5, 4). Она функционировала, видимо, в таком режиме: в длинной части ямы помещались погребенные в вытянутом положении, кости которых затем при переполнении этой части сдвигались или выбрасывались, а черепа отодвигались и "сбра-

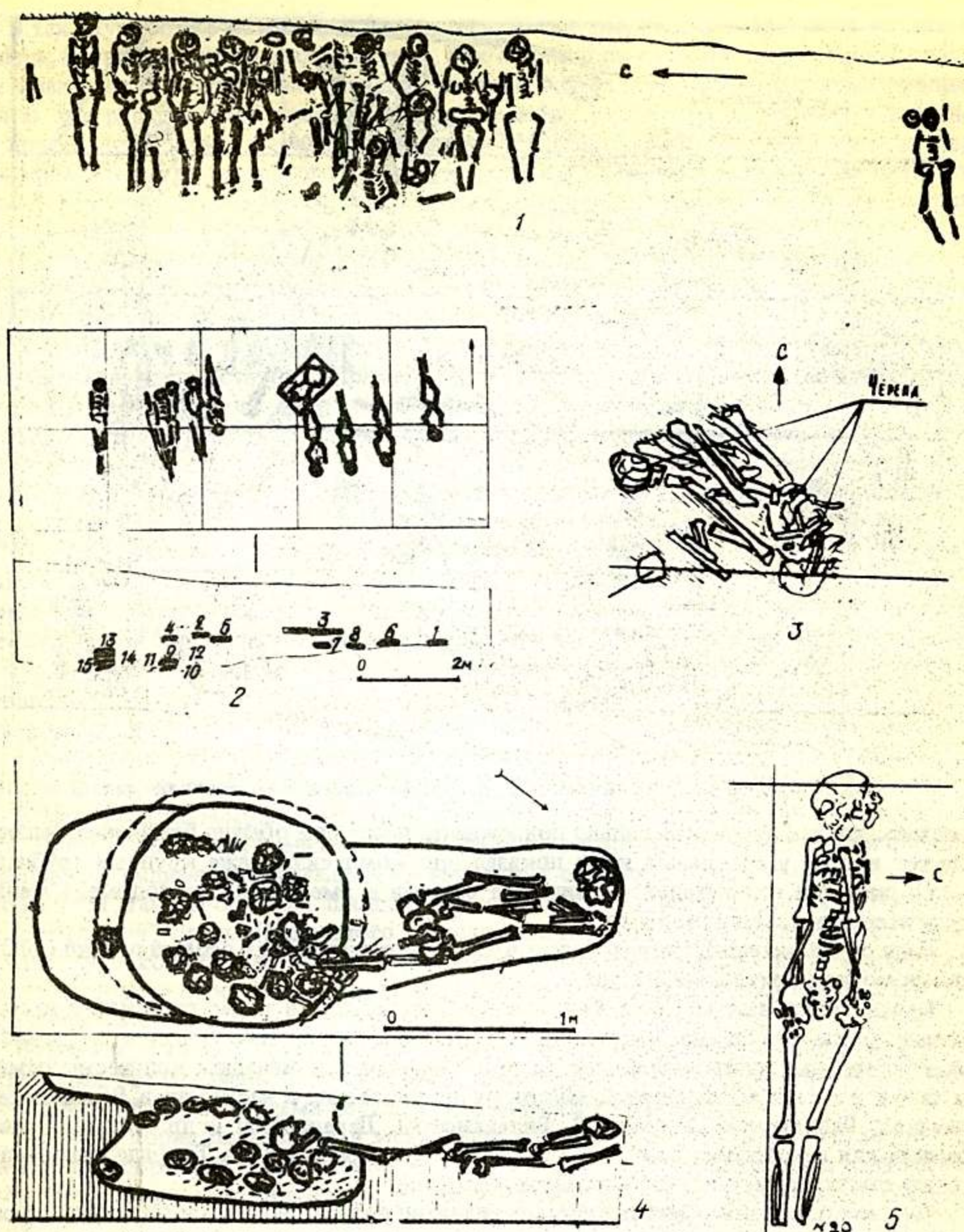

Рис. 5. Формы погребальных ям в могильниках мариупольского типа:
1 — Капуловка; 2 — Собачки; 3, 5 — Осиповка; 4 — Лысая гора

сывались” в круглую, более глубокую часть ямы. В момент раскопок в длинной части ямы обнаружены пять разрушенных взрослых погребений и один целый. Длинные кости скелетов лежали в несколько ярусов. В округлой части ямы обнаружены лишь черепа, которые образовывали два уровня: в верхнем лежали 3, а в нижнем — 18. Автор раскопок А.В.Бодянский отмечает, что при некоторых черепах сохранились шейные позвонки, что говорит о том, что головы покойников были отделены от туловищ еще при наличии мягких тканей. Интересно отметить, что в этой яме находились лишь взрослые захоронения, а детские обнаружены в иных ямах (I—III) могильника.

Говоря о коллективном, групповом обряде захоронений в могильниках Поднепровья, рассмотрим характер таких погребений в Осиповском некрополе на Орели. Здесь исследованы пять ям, в которых залегали от 3 до 11 скелетов (рис. 5, 3). Захоронения отличались тем, что кости всех скелетов находились не в анатомическом порядке. Это явно вторичные захоронения. Сказать, откуда они сюда перенесены, трудно. Важно

В тех случаях, где погребения засыпались суглинком, краска встречается значительно чаще, иногда в огромных количествах. Как отмечалось, ее несколько меньше в овальных ямах типа А и одиночных могилах, но очень много в коллективных усыпальницах типа Б, где нередко слой красной краски достигал 0,5–1,0 м. Объясняется это тем, что покойники обильно посыпались порошком красной охры. Когда же в яме оставалось мало места для очередного покойника, кости предыдущих погребенных отодвигались в сторону и дальний угол. Последние перемешивались с краской, образуя сплошной толстый слой краски и костных остатков.

В Никольском и Лысогорском могильниках значительно окрашена и вся площадь могильника вокруг погребальных ям, хотя интенсивность ее не всегда одинакова — большая в центре могильника и меньшая по его краям.

Порошок красной охры, очевидно, готовился непосредственно на площади могильника, о чем свидетельствует, например, находка в Никольском каменной ступки-краскотерки и растирального. Ступка небольших размеров, круглая в плане. Изготовлена из куска гранита. В верхней части округлое блюдцевидное углубление, хорошо сглаженное, глубиной около 1 см. Сохранилась лишь половинка ступки. Растиральный представляет собой гладкий камень (твердая сланцевая порода сине-зеленоватого цвета) удлиненной формы с сильно стертой рабочей поверхностью.

Как свидетельствуют этнографические данные, красная охра в погребениях первобытных народов символизирует огонь, кровь, тепло домашнего очага. Так, в яме Б Ясиноватки отмечены округлые пятна ярко-красной охры размерами 50–80 см, которые, возможно, заменяли по представлениям древних обитателей реальные кострища.

На позднейшем этапе в развитии могильников мариупольского типа в погребальном ритуале отмечаются и следы использования реального огня. Такие факты засвидетельствованы в Никольском, Лысогорском и Осиповском могильниках, где на костях скелетов зафиксирована значительная обугленность, в частности в ямах Б и 3 Никольского могильника, на трех скоплениях костей на Лысой горе и в погребении 53 Осиповки.

В Никольском могильнике хорошо прослежены и обстоятельства использования огня. Прежде чем внести очередного покойника в усыпальницу, остатки костей прежних покойников, видимо, отодвигались, а в некоторых случаях и удалялись вообще. На подготовленной таким образом площади раскладывался довольно сильный, очевидно, "очистительный" огонь. После этого площадка подсыпалась глиной толщиной 2–5 см по размеру покойника, на которую его затем укладывали. Сверху погребенный засыпался сплошную порошком красной охры. В яме 3 Никольского могильника так уложено парное погребение взрослого и ребенка.

Возможно, огонь в погребальном ритуале играл определенную роль и на других некрополях, где отмечены следы кострищ (Васильевка 5). В одной из ям Вильнянского могильника (№ 38) со следами обугленности найдены кости быка.

В целом, обряд погребения в могильниках мариупольского типа довольно выдержанный, своеобразный и неповторимый, что позволяет, как увидим ниже, выделить их среди синхронных памятников такого рода Европы и Азии в отдельную локальную группу.

О путях сложения погребального обряда

Среди основных черт погребального ритуала мариупольского типа выделяются вытянутый обряд захоронения и наличие групповых могил и коллективных усыпальниц. Надо полагать, что вытянутый обряд погребения как одно из стойких проявлений верований древнего населения сложился не сразу, а имеет длительную историю.

Обращаясь в этой связи к местным мезолитическим памятникам Поднепровья, приходится констатировать резкое отличие погребального ритуала неолита от мезолитических могильников волошско-васильевского типа, где основным обрядом погребения было скорченное на боку труположение [Телегин, 1982, с. 202–214]. Следовательно, искать генетические истоки могильников мариупольского типа в местных мезолитических погребениях было бы трудно. При этом напомним, что и антропологический состав погребений в этих двух типах могильников не одинаков.

Отсутствует какая-либо генетическая связь могильников мариупольского типа и с мезолитическими погребениями более южных территорий Европы и Азии, где в это

время также господствовал скорченный на боку обряд захоронений. Такое положение зафиксировано, например, в погребениях могильника Франкти на Балканах [Воев, 1969, S. 30—33], в могильниках натуфийской культуры (Вади-феллах, Амар и др.), на Переднем Востоке [Mellaart, 1975, p. 37], а также в мезолитическом слое Гарикамарбанд в Прикаспии [Coon, 1951], в докерамических слоях Тепе-Гурана в Луристане [Meldgaard, Movtensen, Thraane, 1963], в пещере Шанидар и др.

Совсем иные черты погребального ритуала отмечены на Среднем Дунае, в Центральной Европе и Прибалтике, где в мезолите хоронили в вытянутом положении на спине, реже — в сидячей позе. В вытянутом положении залегали захоронения в могильниках Шела Кладовой и Власач у Железных ворот на Среднем Дунае [Baroneant, 1973], а также погребения на поселении Лепенский Вир в том же районе [Srejobuĥ, 1969, с. 136 etc.]. Обряд одиночных захоронений в вытянутом положении на спине, обычно окрашенных охрой, характерен и для погребений раннего голоцена севера Центральной Европы и Скандинавии. Он хорошо зафиксирован, например, в мезолитическом могильнике Ведбек в Дании, где исследованы 22 могилы [Albrthsen, Brinch-Petersen, 1976], в нескольких могильниках переходного от мезолита к неолиту времени (конец VI—V тыс. до н.э.), Свифте-бант на территории Голландии [Meiklejohn, Constandse — Westermann, 1978]. В таком положении залегали и мезолитические погребения могильника Звейниеки в Латвии [Загорский, 1962, с. 18], Оленеостровского могильника [Гурина, 1956] и могильника Попово [Ошибкина, 1983].

Около десяти одиночных захоронений мезолитического времени известны в Центральной Европе, на территории ГДР и Польши. К сожалению, большинство из них обнаружено случайно при земляных работах, в связи с чем положение скелетов удалось проследить далеко не всегда. Однако некоторые из них (Ботендорф, Дюренберг, Яниславицы, Перкунов) были, видимо, сидячие [Cramsch, 1973, S. 16—17; Chmielewska, 1954; Closik, 1969].

Вытянутый и сидячий обряд мезолитических погребений Центральной и Восточной Европы ведет начало, очевидно, еще с позднепалеолитического времени. В пределах Восточной Европы обнаружено около десяти позднепалеолитических погребений, среди которых только два залегали в скорченном положении (Маркина гора, Костенки 18), остальные — либо в вытянутом (Сунгири), либо в сидячем (Костенки 2, 15) [Рогачев, 1955; Бадер, 1967].

Вытянутый обряд захоронений на спине наряду со скорченным труположением получил широкое распространение и в позднем палеолите Западной Европы — Кроманьон, Комб-Капель, Барма-Гранде, Арена Кандид и др. [Breil, Lantier, 1959, p. 308—311].

Однако истоки обряда вытянутых погребений в могильниках мариупольского типа скорее всего следует искать где-то среди позднепалео- и мезолитических памятников более северных районов Европы, прежде всего ее восточной части, и, очевидно, в Прибалтике.

Мезолитические могильники типа Ведбек, Звейниеки и др. близки к некрополям мариупольского типа и по антропологическому составу погребенных [Денисова, 1975].

О генетических связях могильников мариупольского типа именно с этим кругом позднепалео- и мезолитических памятников может свидетельствовать и частое применение в погребальном ритуале как в палеолите — мезолите, так и в неолите красной охры.

О северном происхождении людей, оставивших могильники мариупольского типа, говорят и антропологические исследования. В.В.Бунак [1959, с. 181], например, пришел к выводу, что ближайшие аналоги черепам из Вовниг следует искать среди серий мадленского типа Центральной Европы. И.И.Гохман [1966, с. 173] видит аналоги этому типу в находках из Костенок 2 и Оберкасселя. Прямыми "переселенцами из северных областей или их непосредственными потомками" считал носителей днепродонецкой культуры Г.Ф.Дебец [1966].

Если по рассмотренным признакам могильники на территории Украины действительно аналогичны мезолитическим некрополям более северных районов Европы, то по составу находок они не имеют с ними ничего общего. Речь идет прежде всего об украшениях в виде кольцевых плоских бус из гешира и других материалов, которые расцениваются как результат прямых контактов днепродонецких племен с населением Кавказа. Каменные булавы из Никольского и Мариупольского могильников тоже

безусловно древневосточного происхождения. Интересно отметить, что подвески из зубов оленя известны были в погребениях еще натуфийской культуры эпохи мезолита Переднего Востока [Cavvud, Bate, 1937, p. 14—20]. Возможно, что и разбитые сосуды на площади могильников, например в Никольском — какой-то отголосок похоронного ритуала, существовавшего также в натуфийской культуре [Брентъес, 1976, с. 36]. Об обычае преднамеренного разбивания сосудов при похоронах в халафской культуре сообщают Н.Я.Мерперт и Р.М.Мунчаев [1982, с. 34—35].

Переход на позднем этапе могильников мариупольского типа групповых могил к коллективным усыпальницам может в генетическом плане расцениваться двояко: либо это процесс внутреннего развития погребального обряда, либо такой обычай заимствован со стороны, прежде всего с более южных территорий Закавказья, Древнего Востока и Средней Азии. Близкий аналог усыпальницам Мариуполя и Никольского являет собой, например, могильник Галакан культуры Магмет в Кузистане, который датируется второй половиной V — началом IV тыс. до н.э., где в ямах, перекрытых каменными блоками, осуществлялись многократные захоронения, причем кости более ранних погребений часто сдвигались в сторону или выбрасывались и только черепа оставались на месте [Mellaart, 1975, p. 178].

Аналогичное смещение останков более ранних погребений в коллективных могилах отмечается и в других могильниках (Чатал-Гуюк, Библ и др.). Коллективные усыпальницы Мариупольских могильников в известной мере напоминают погребения в толосах Средней Азии, которые датируются IV—III тыс. до н.э. [Сарианиди, 1960].

Особо следует выделить появление среди мариупольских памятников могильников типа Осиповки с расчлененными скелетами, в которых также, видимо, следует видеть далекие отголоски подобного ритуала в могильниках Древнего Востока, в частности Чатал-Гуюка, халафской культуры и др. [Mellaart, 1975, p. 101—103; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 207].

Таким образом, погребальный обряд (вытянутое положение скелетов, охра) в могильниках мариупольского типа полностью сложился из ритуала позднепалеолитическо-мезолитических погребальных памятников более северных территорий Восточной Европы и Прибалтики. В своем развитии могильники, надо полагать, испытали заметные влияния культур Кавказа, Древнего Востока, откуда распространились некоторые виды привозного инвентаря и, возможно, заимствован обычай коллективных усыпальниц.

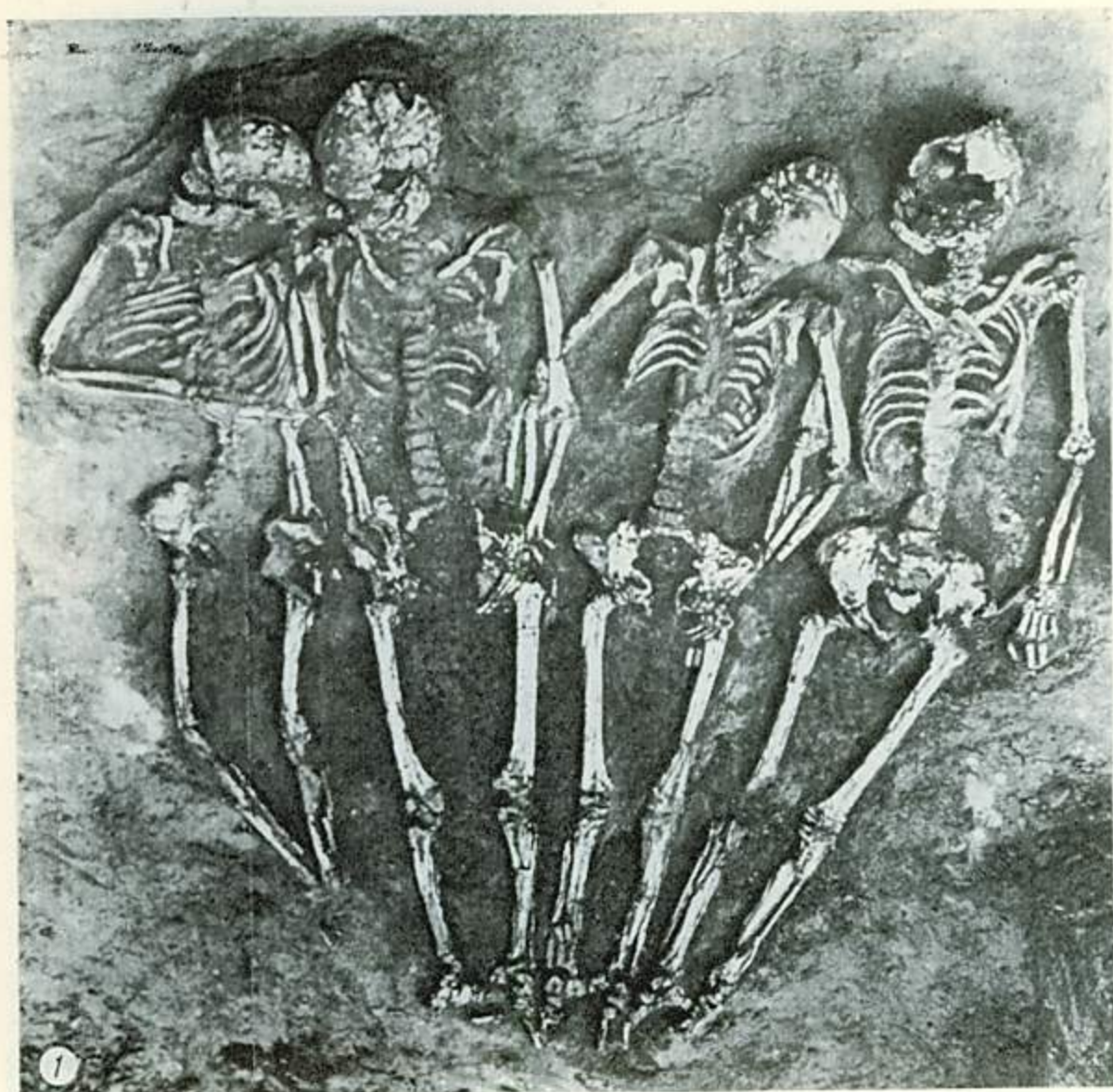

Рис. 2. Положение погребенных в могилах Александрийского (1), Вильнянского (2), II Вовнигского (3) и Никольского (4) могильников.

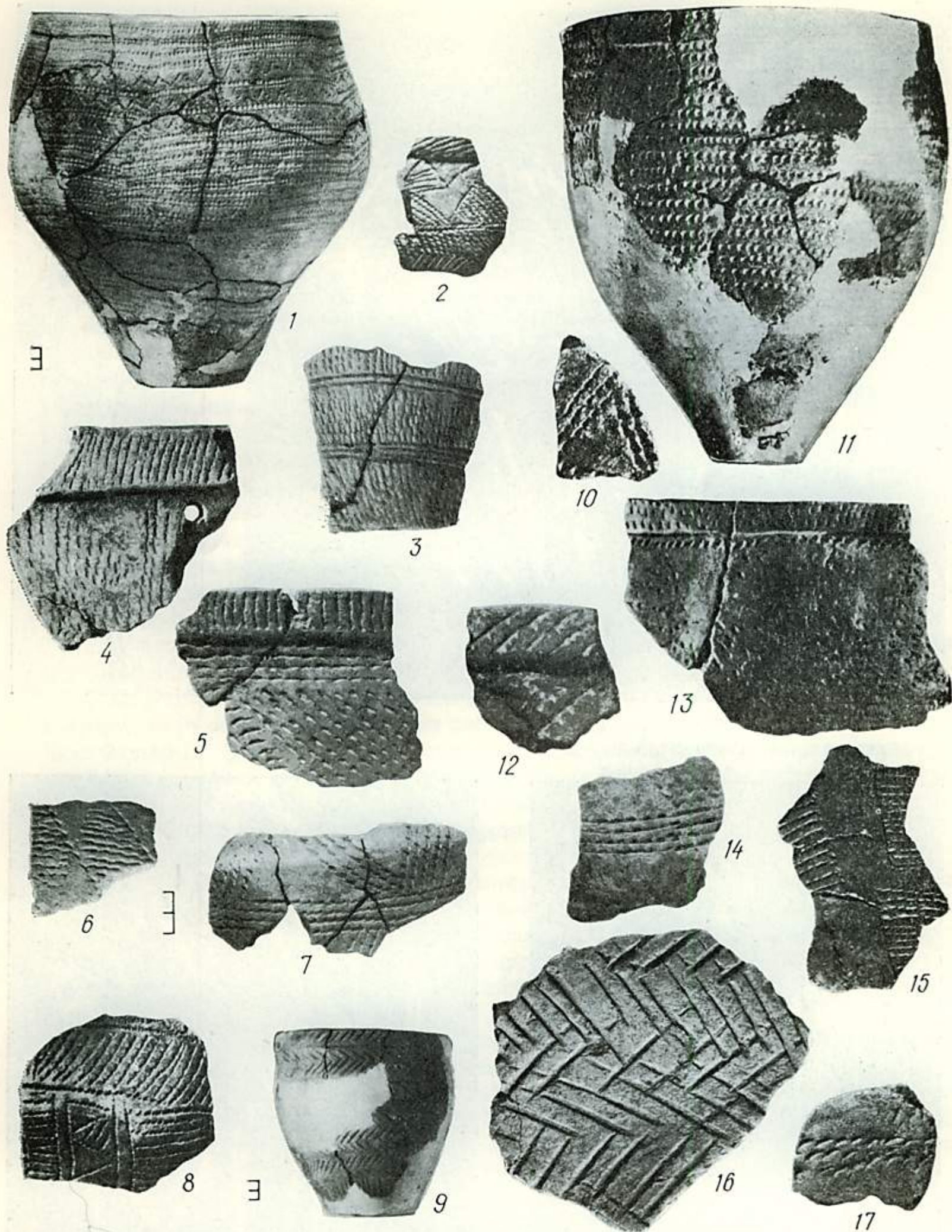

Рис. 11. Сравнительная таблица керамики из Никольского могильника (1—9) и поселений надпорожской культуры днепро-донецкой общности: 10—Собачки, 11—Каиры, 12—Каменная Могила, 13—17—Стрильча скеля.

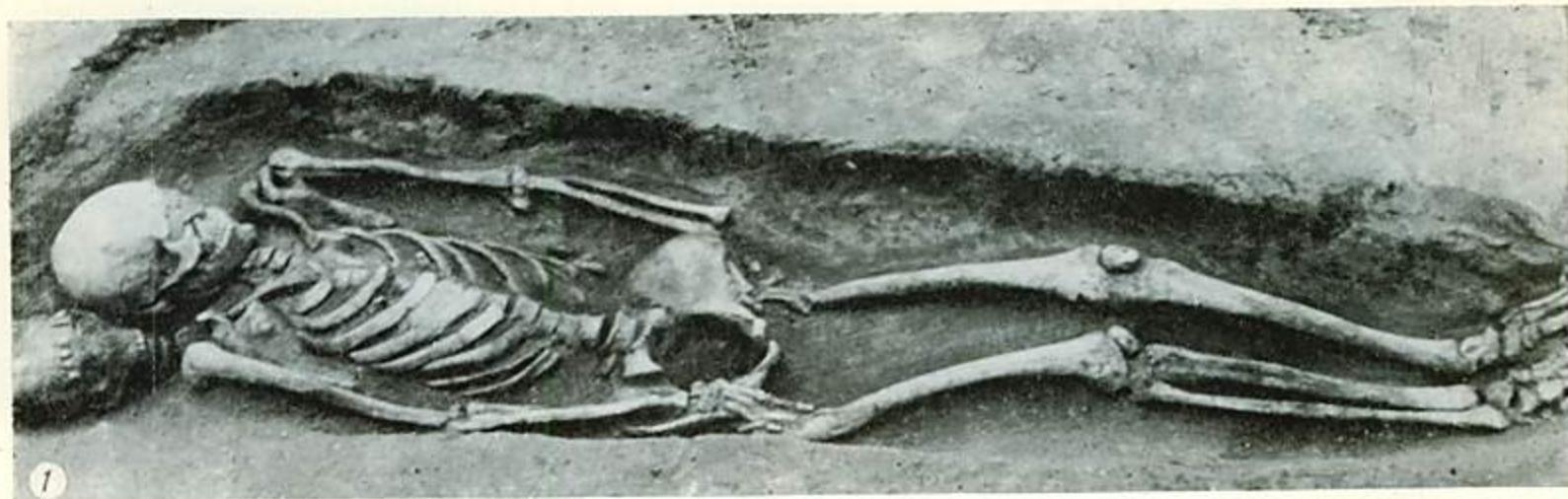

Рис. 21. Погребения из Вильнянского (1) и Никольского (яма 3) (2) могильников.

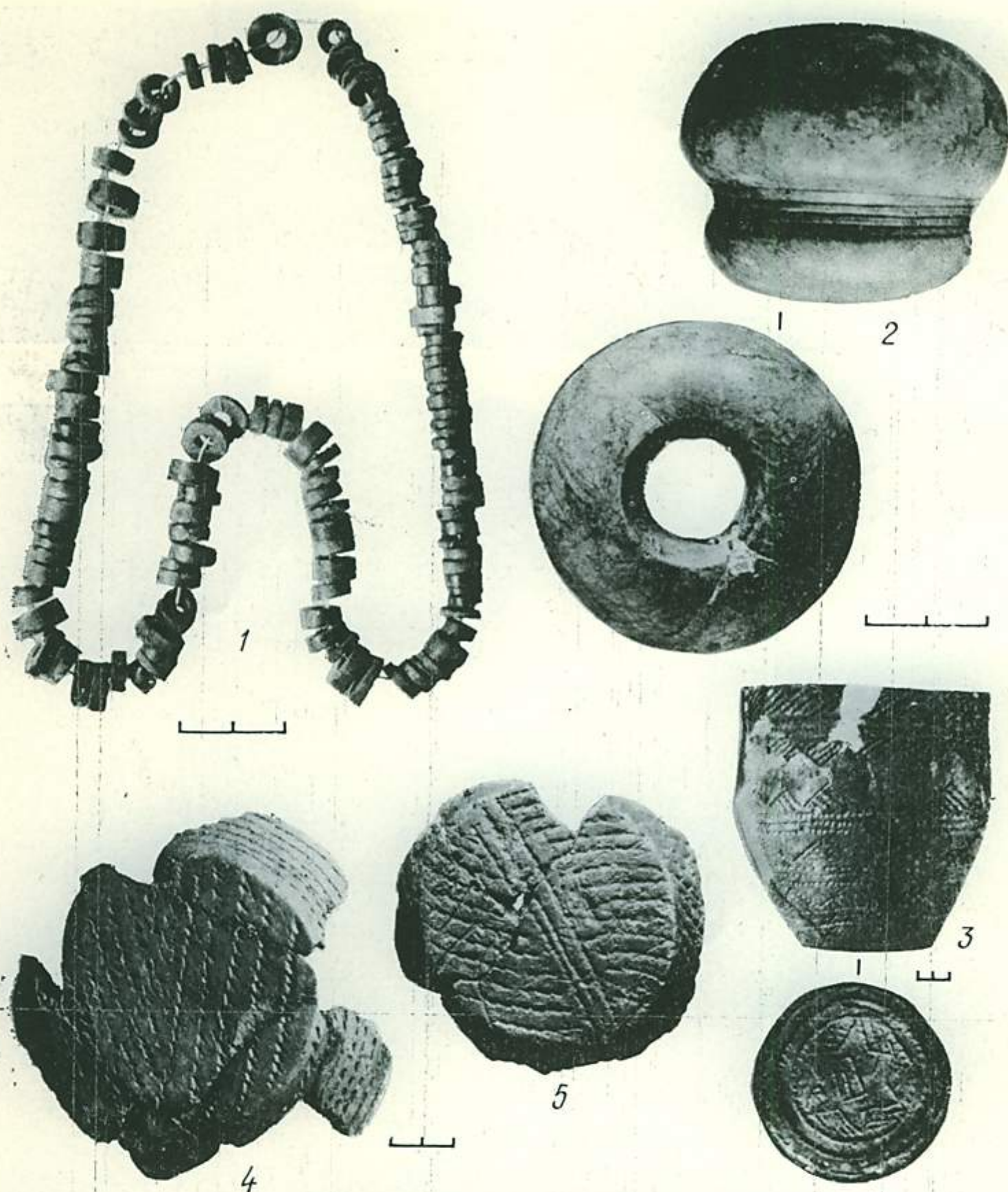

Рис. 22. Никольский могильник. Кольцевые бусы (1), каменная булава (2), глиняный горшок и доньшки сосудов с орнаментом (3—5).

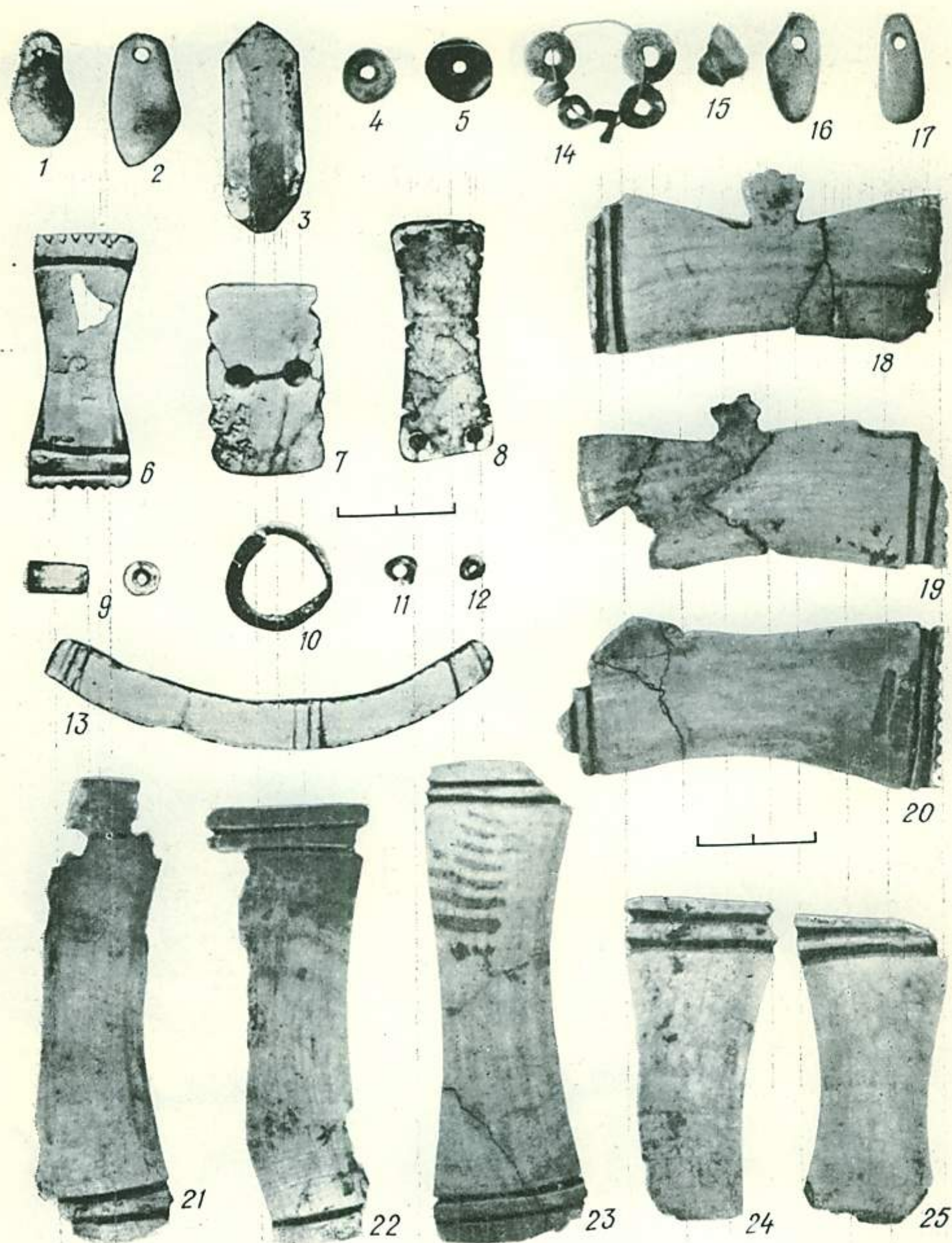

Рис. 23. Украшения из Никольского (1—14), Вильнянского (15—17) и Ясиноватского (18—25) могильников.

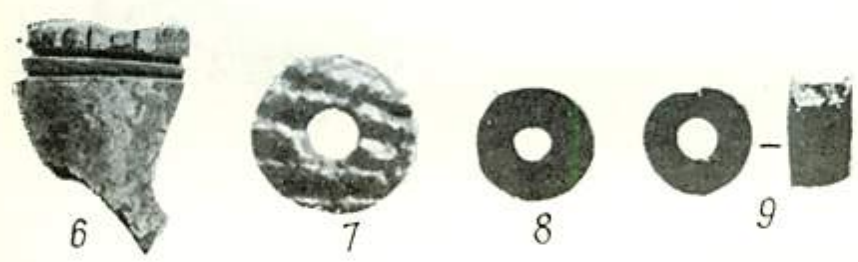
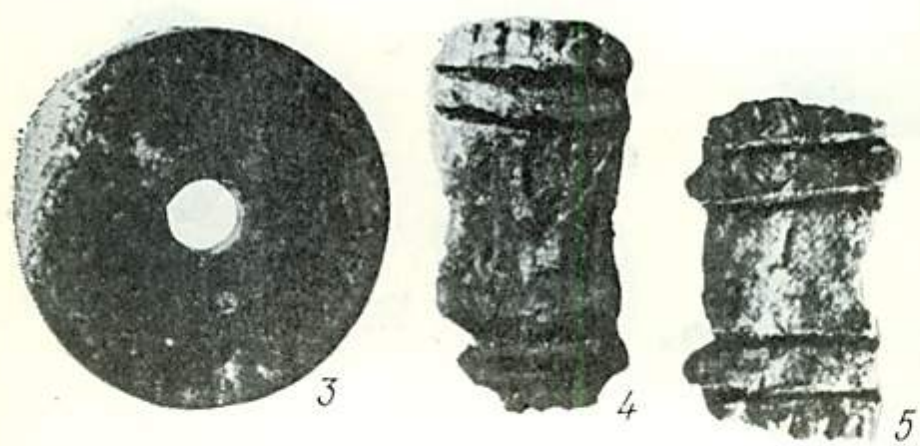

Рис. 32. Погребения Вильнянского могильника (1, 2) и украшения из Лысой горы (3—15).

(1, 2) и украшения из Лысой

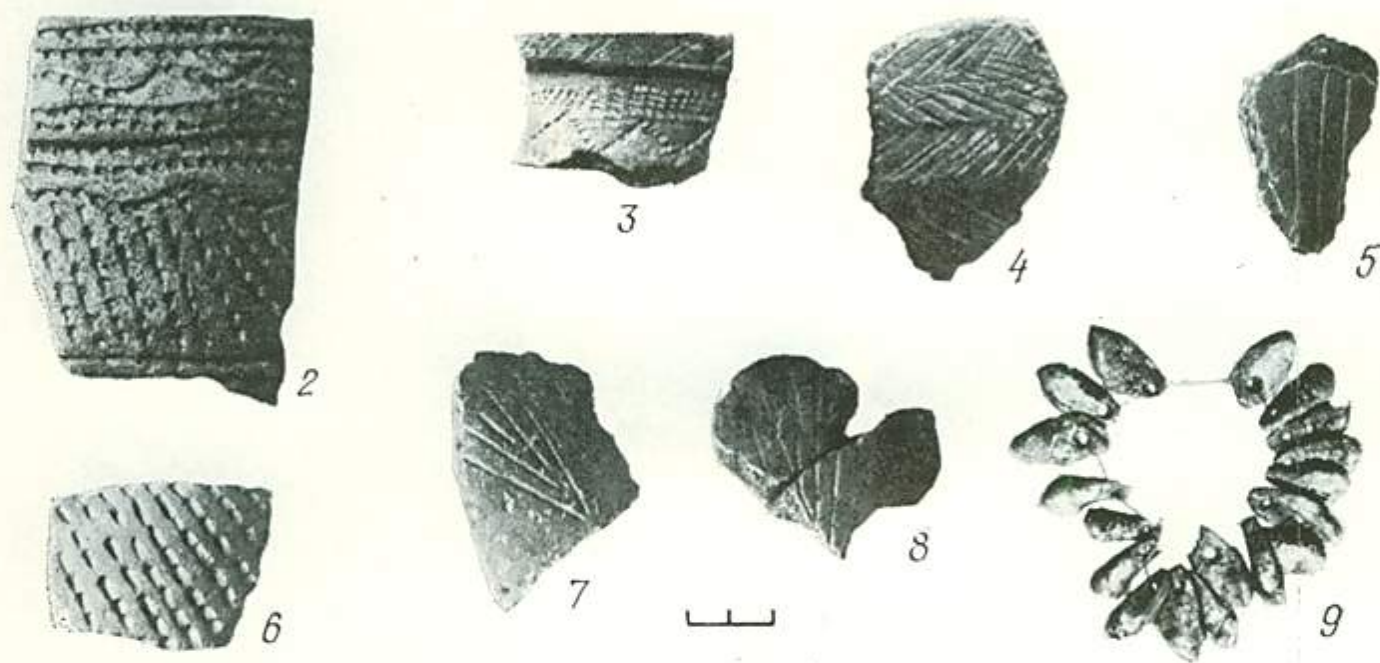
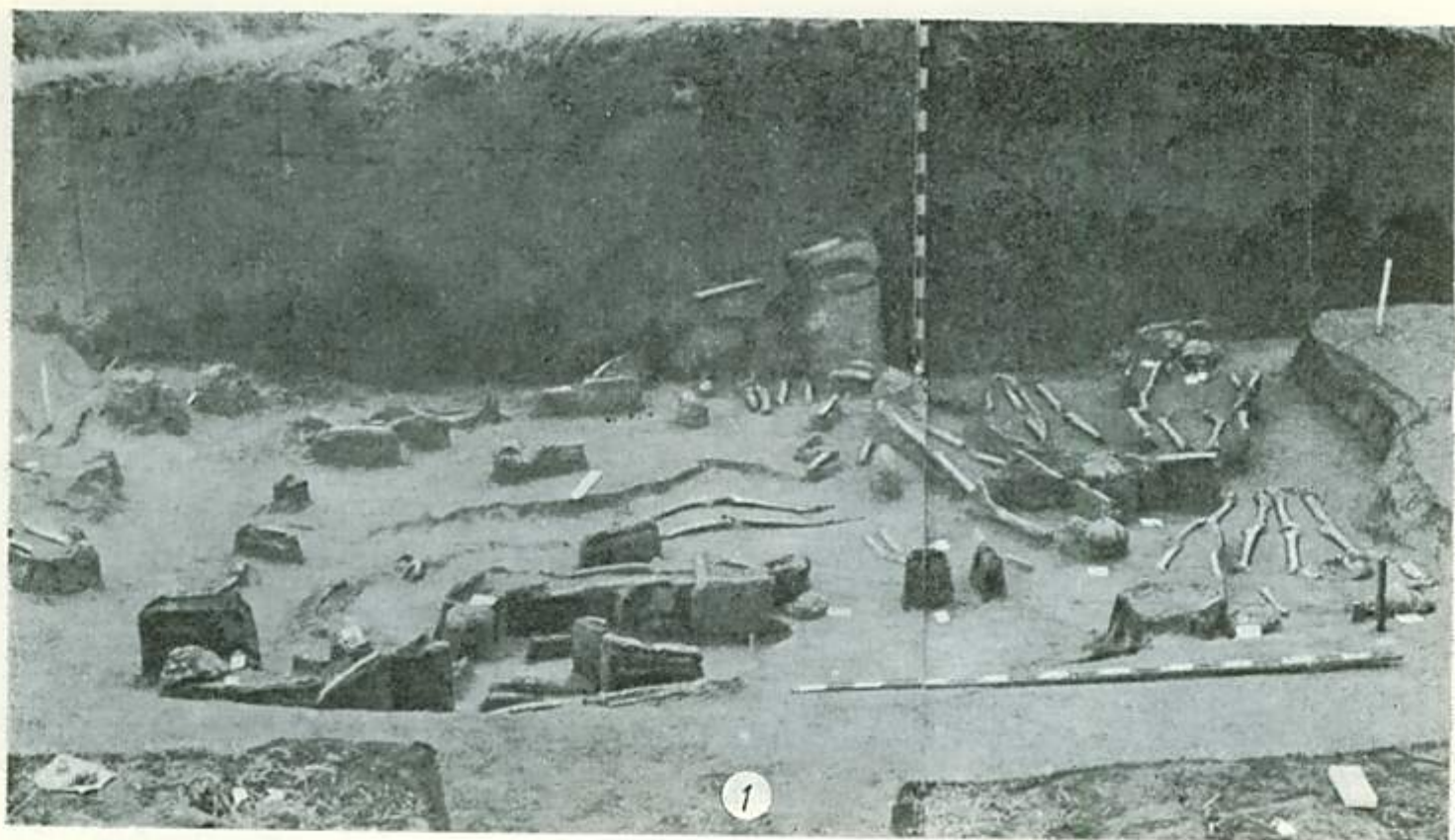

Рис. 37. Ясиноватский могильник. Яма Б (1) и находки из нее (2—9).

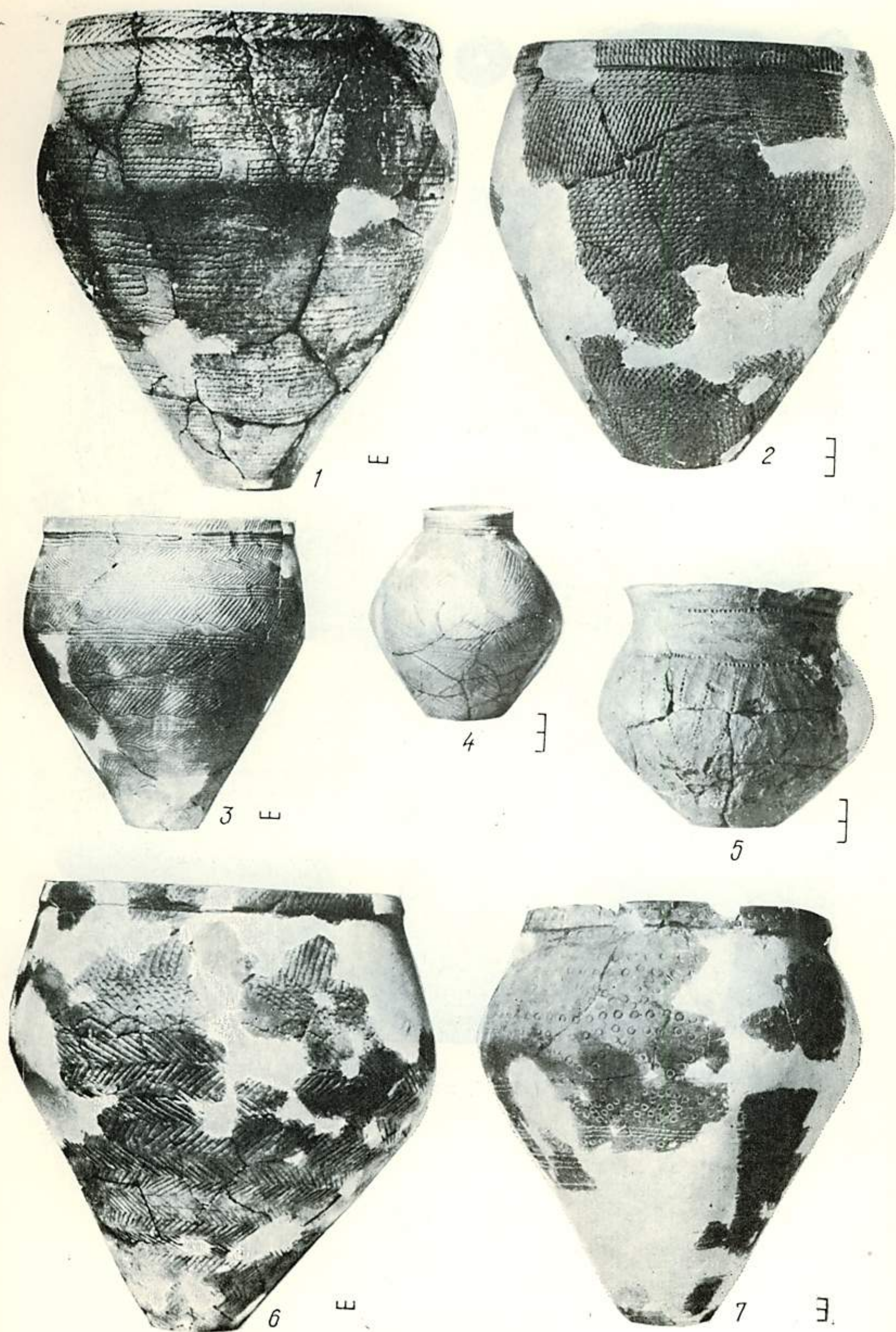

Рис. 25. Никольский могильник. Сосуды.

III. СОСТАВ ИНВЕНТАРЯ И ЕГО ТИПОЛОГИЯ. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МОГИЛЬНИКОВ МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА

Инвентарных погребений в могильниках мариупольского типа, в частности ранних, встречается в целом немного. Но благодаря тому, что памятников этого типа исследовано значительное количество, инвентарь собран довольно большой. Особенно много находок обнаружено в некоторых более поздних могильниках, например Мариупольском, Никольском и Лысогорском, в том числе керамические остатки. Инвентарными в большей или меньшей степени оказались все некрополи, кроме могильника на стоянке Собачки.

Инвентарь могильников включает ряд категорий: украшения, орудия труда и вооружение, а также керамику. Полный состав находок с их характеристикой приводится ниже, а также в таблицах по отдельным некрополям.

Среди украшений встречены следующие типы: зубы рыб карповых пород, подвески из недоразвитых зубов оленя (рис. 7, 1–7, 9, 10), кольцевые плоские пронизки в большом количестве (рис. 7, 11–16). Несколько меньше найдено пластин, вырезанных из эмали клыка кабана и получивших название пластинок мариупольского типа (рис. 7, 20–30). В отдельных случаях при погребениях обнаружены цилиндрические пронизки из известняка или гешира (рис. 7, 14–15).

В Мариуполе найдено много костяных подвесок шаровидной формы с У-образным сверлением [Макаренко, 1933]. Одна такая подвеска имеется среди украшений могильника Вовниги 1 (рис. 7, 17–19). Иногда, как в Мариуполе, скелеты сопровождали зубы хищников — собаки или волка и лисицы, а также барсука. Зубы хищника найдены в Чаплинском могильнике, а в погребении Васильевки 2 — резцы оленя. В Мариуполе собрано много целых клыков кабана с отверстиями для подвешивания [Макаренко, 1933, табл. XX].

Среди украшений совершенно уникальны фигурка быка из кости, порфириновая подвеска из мрамора, найденные в Мариуполе (рис. 7, 31, 32), а также костяные браслеты из Васильевки 2 (из раскопки А.Д.Столяра). Выделяется и ромбовидная костяная подвеска из Осиповки, аналоги которой в других могильниках не известны. Возможно, в качестве украшений использовались и створки ракушек речных моллюсков, найденные во многих могильниках.

Зубы рыб, подвески из зубов оленя, пронизки, пластины мариупольского типа использовались, видимо, и как украшения одежды и обуви, и как ожерелья. Очень хорошо это прослежено, например, в погребениях № 20, 29, 32, 34, 35 и др. Вильнянского могильника, где эти украшения по 2–3 экземпляра или целым рядом лежали в районе головного убора погребенного, на его груди или же выше коленей. В одном случае на подол одежды были нашиты два ряда зубов рыб. В нескольких случаях подвески из зубов оленя лежали на костях стопы, очевидно, они украшали обувь погребенного. На некоторых подвесках из зубов оленя видны короткие поперечные нарезки (рис. 7, 4). Вероятно, они служили и застежками — например, в Ясиноватке они обнаружены вдоль позвоночного столба "головками" в одну сторону. Возможно, подвески из них были ценным украшением, так как в отдельных случаях встречена их имитация из кости. Подвески из недоразвитых зубов оленя в жизни населения днепро-донецкой культуры имели, видимо, культовое значение, как предполагал Н.Е.Макаренко, и использовались в виде талисманов или других абстрактных символов.

Плоские кольцевые бусы изготовлены из различных материалов: стенок ракушек, какой-то зеленокаменной породы, гешира, редко из сердолика (Никольское) и кости (Лысая гора). Они, как правило, небольших размеров (в поперечнике 0,3–0,7 см, иногда до 3,5 см — Лысая гора). Украшения этого типа хорошо представлены в Мариуполе, где, кроме них, присутствуют такие же изделия с обрезанным краем [Макаренко, 1933].

Пластинки мариупольского типа встречаются в Приазовье, а также Никольском, Лысогорском, Деревинском и Ясиноватском могильниках. В Поднепровье количество их

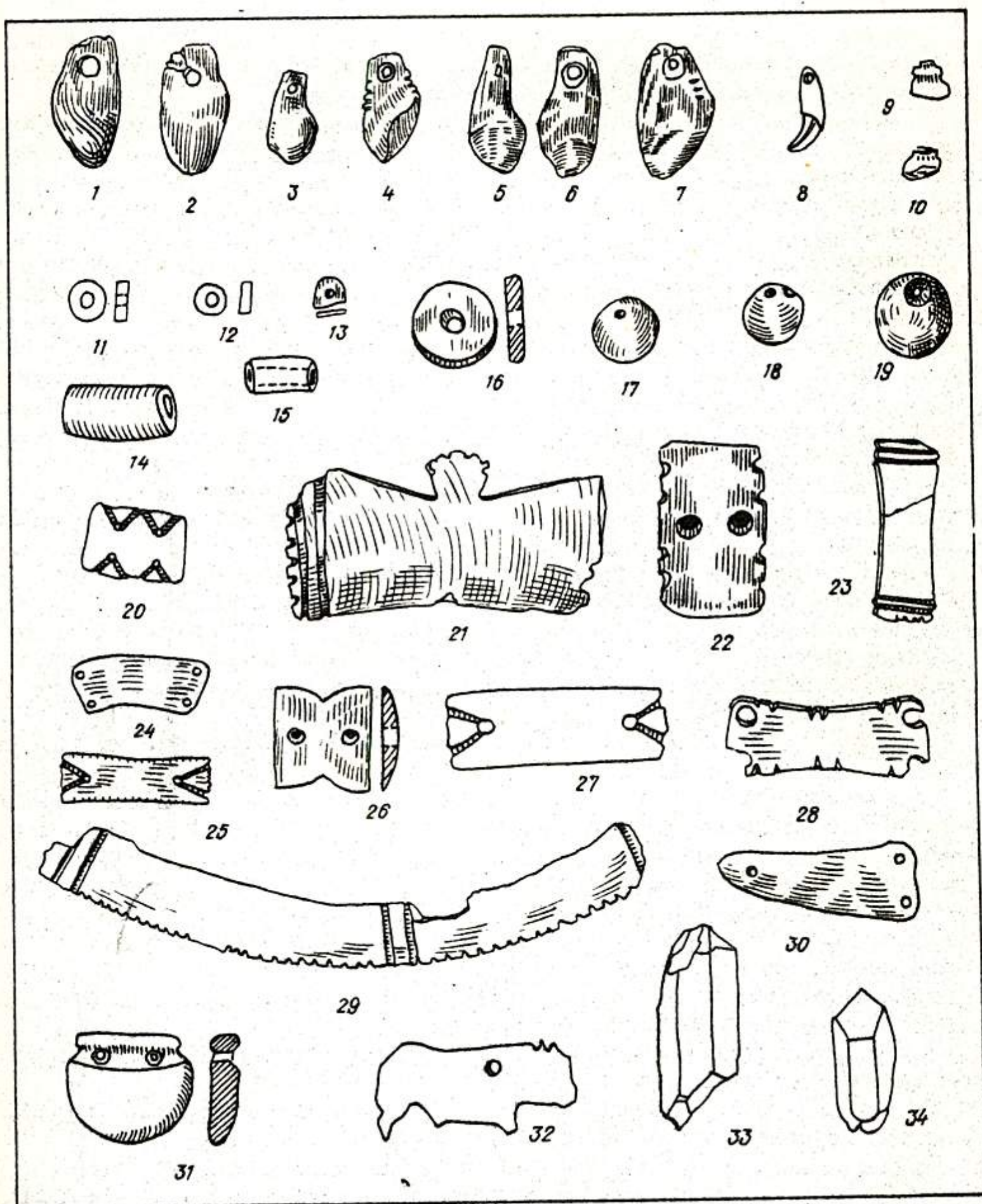

Рис. 7. Украшения из могильников мариупольского типа:

подвески из зубов оленя (1-7), хищника (8) и зубы рыб (9, 10); бусины из камня или ракушек: плоские кольцевые (11, 12, 16), с обрезанным краем (13), цилиндрические (14, 15), шаровидные из кости (17-19); пластинки мариупольского типа из эмали клыка кабана (20-30); порфириновая подвеска (31), фигурка быка (32) и кристаллы горного хрусталя (33, 34).

1 - Вильнянский; 2, 3, 19 - Вовниги 1; 4 - Ненасытец; 5-7, 21 - Ясиноватка; 8, 13, 17, 18, 20, 23-25, 27, 30-32, 34 - Мариуполь; 9-10 - Надпорожье; 11, 12, 15, 22, 26, 28, 29, 33 - Никольское; 14-15 - Лысая гора

форм значительно больше, чем в Мариуполе, где А.Д.Столяр [1955] выделил три основных типа. Общими для Поднепровья и Приазовья являются только пластины с двумя или одной поперечными нарезками на концах. Иным типам пластинок из Мариуполя в Поднепровье есть лишь отдаленные аналогии. Зато встречаются пластины весьма сложных очертаний, например в виде бабочки, бабочки "с короной" (Ясиноватка, Никольское), с двумя отверстиями посередине, длинные, с нарезками по краям (рис. 7, 26, 28) и др. Такое разнообразие этих изделий в Поднепровье, видимо, свидетельствует о более поздней датировке, чем в Мариуполе. Часть пластинок этого типа из Мариуполя изготовлена из мрамора [Макаренко, 1933, с. 27].

Количество украшений в могильниках далеко не равновелико, как и неодинаков их состав в погребениях разных типов, что важно для решения вопроса относительной хронологии и периодизации этих могильников.

В позднейших погребениях Никольского могильника найдены отдельные медные украшения и золотая подвеска. Находки из меди указывают на наличие культурных контактов неолитического населения Поднепровья с трипольской культурой медного века Правобережной Украины и позволяют синхронизировать исследуемые памятники с ранним этапом Триполья.

Наиболее полный состав украшений собран в погребениях Мариупольского, Никольского и Лысогорского могильников. В Никольском могильнике наибольшим количеством (более 200 экз.) представлены кольцевые плоские бусины. При одном парном захоронении, например, их собрано 173 экз. Подавляющее большинство — это плоские кружочки с цилиндрическим, чаще слегка коническим отверстием в центре (рис. 7, 11, 12). Диаметр их колеблется от 3—4 до 15 мм, толщина — от 3 до 9 мм. Кроме плоских кольцевых бус, в яме Б найдены две цилиндрические пронизки, из которых одна гешировая, а другая — белокаменная.

Несколько более ранних погребений Никольского могильника сопровождалось подвесками из недоразвитых зубов оленя (4 экз.). Найдено также более 250 экз. зубов вырезуба.

Украшения из эмали клыка кабана составили 12 экз., среди них — четыре целых изделия (рис. 7, 28). Обращают на себя внимание формы украшений этого типа, которые почти точно повторяют очертания пластин Мариупольского могильника, его более поздних погребений (№ 24). Некоторые пластины, наоборот, встречаются впервые. Так, одна пластина стилизована под зоо- или антропоморфное изображение (рис. 7, 22), другая выполнена в виде "летающей бабочки" (рис. 7, 21, 26).

По условиям залегания пластины из клыка кабана связываются с более поздним периодом существования могильника.

Украшения из металла — меди и золота — появились в заключительный период существования могильника. Обнаружены они в поздних ямах. Спектральный анализ медных изделий проведен Е.Н.Черных. Примеси других металлов составляют сотые доли процента. Их набор, однако, дает основание Е.Н.Черных [1966] увязать никольскую медь с раннетрипольским металлом, в частности Карбунским кладом. Аналогов изделиям из меди Никольского могильника среди находок энеолитических памятников Украины мало. Это цилиндрическая бусина из погребения № 24 Мариупольского могильника. Встречаются они и в энеолитических погребениях. Золотая подвеска — одна из древнейших находок на территории Украины.

В качестве украшений использовались кристаллы горного хрусталя (Никольский 2), а также ракушки унго.

Орудия труда в погребениях и на площади могильников разнообразны. Среди них выделяются изделия из кремня, камня, кости и рога.

Кремневые орудия представлены ножами и ножевидными пластинами неодинаковых размеров — от микролитических до довольно крупных (рис. 8, 8, 9, 12, 13, 16), разного рода скребками — округлыми на отщепах небольших размеров и из крупных пластин (рис. 8, 10, 11, 15, 18). В комплексе Мариуполя найдены три клиновидных топора из кремнистой породы с хорошо пришлифованным лезвием [Макаренко, 1933, с. 28—29]. Обломок аналогичного инструмента обнаружен в Никольском могильнике.

В комплексах могильников мариупольского типа довольно много микролитических изделий, прежде всего трапещей средневысокого типа, иногда со струганой спинкой (рис. 9, 1—4). Последние найдены в Мариуполе (3 экз.), Вовнигах 2 (5 экз.), Марьевке (1 экз.), Васильевке 5 (1 экз.), Вильнянке (3 экз.) и Ясиноватке (4 экз.). В последней отмечены также разного рода тупоспинные острия и пластины-вкладыши (рис. 9, 5—10). Крупные пластины такого рода есть и в комплексе Мариуполя [Макаренко, 1933, рис. 23].

В Никольском могильнике обнаружено семь крупных наконечников копий различных очертаний, изготовленных в технике двусторонней обработки (рис. 8, 1—6). Такой же наконечник сопровождал погребение в Деревке, известны они и в Мариуполе. Из других одиночных находок кремневых изделий можно отметить нуклеусы (Капуловка, Мариуполь) и др.

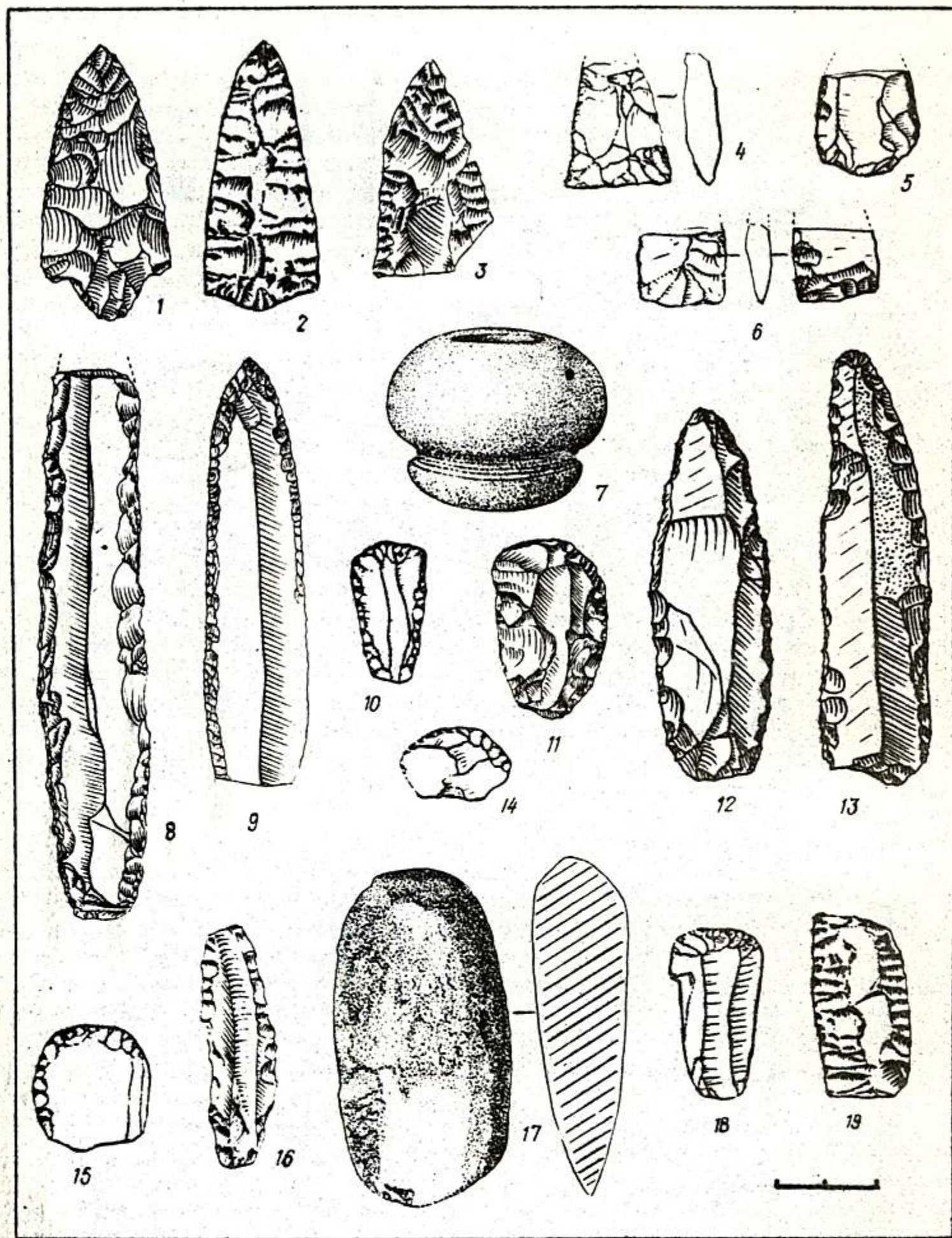

Рис. 8. Никольский могильник. Изделия из кремня (1-6, 8-16, 18, 19) и камня (7, 17)

Показательно, что кремниевый инвентарь более ранних некрополей заметно отличается от находок из более поздних могильников, о чем подробнее см. ниже.

Каменные орудия в комплексах могильников немногочисленны, хотя иногда весьма выразительны, например ступка-краскотерка и пестик к ней, а также топорик из Никольского, несколько шлифовальных плиток-гладилок из Мариуполя и др. Но более интересны и важны каменные навершия булавы из Мариупольского и Никольского могильников как источник культурных связей населения Степного Приазовья и Поднепровья конца неолита — начала эпохи металлов, когда они распространяются к юго-востоку, в район Подонья и Северного Кавказа. Как очевидно правильно полагал Н. Макаренко [1933, с. 33], крестовидные булавы первоначально проникли на Северный Кавказ и в степи Восточной Европы из стран Двуречья. Диапазон существования каменных булав во времени чрезвычайно велик. Изделия такого рода как боевое оружие и символ

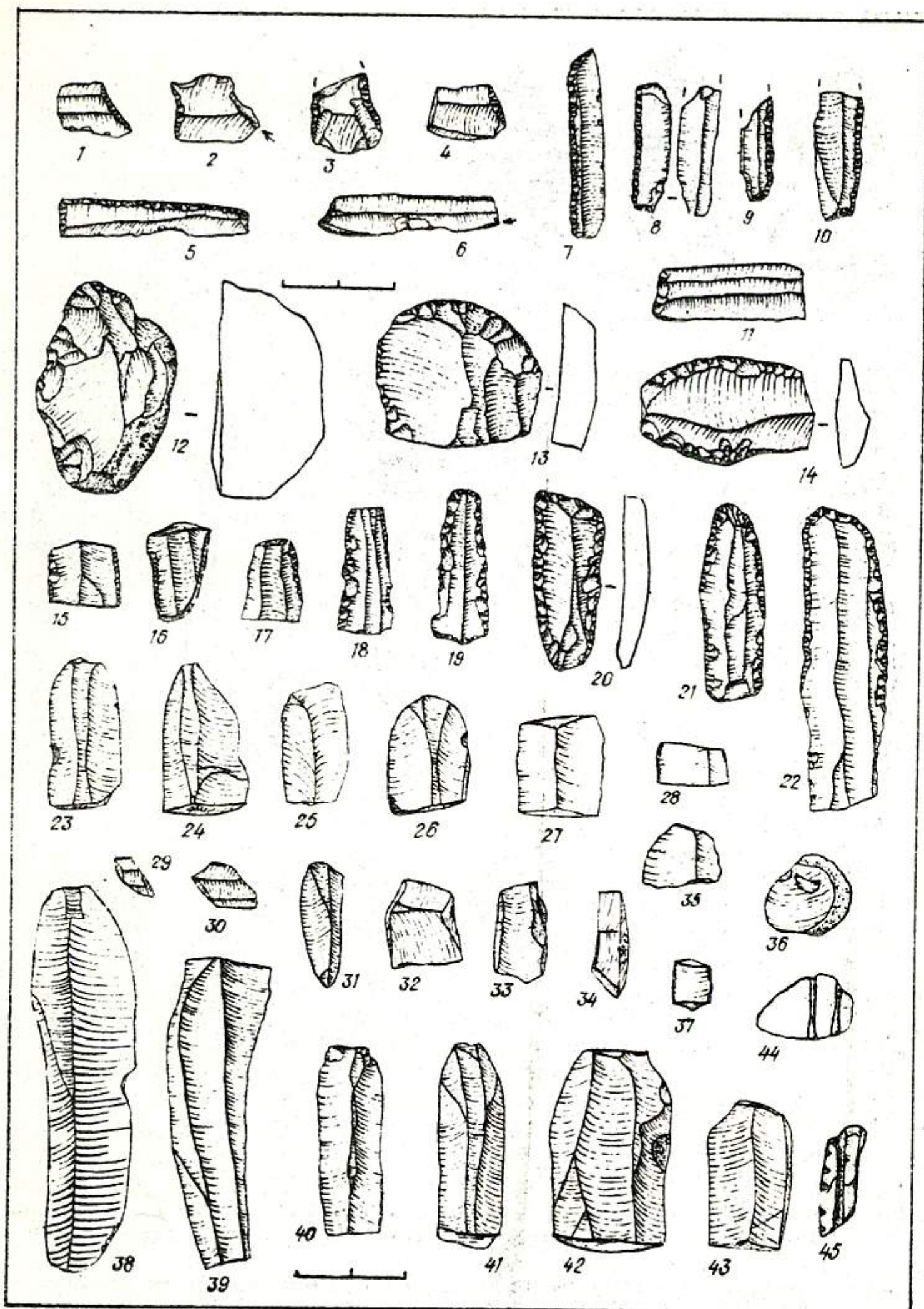

Рис. 9. Ясиноватский могильник. Кремневые изделия (1-43) и обломки украшений из клыка кабана (44, 45)

власти появились у некоторых групп населения Старого Света довольно рано (IV тыс. до н.э.) и существовали на протяжении всей первобытной эпохи.

Эти изделия довольно обстоятельно описаны в археологической литературе [Макаренко, 1933, с. 29-34; Телегин, 1968, с. 149-151]. Поэтому на их характеристике остановимся очень кратко. Отметим лишь, что по форме они не одинаковы: булавы из Мариуполя округлорестовидные, а из Никольского — округлые с перехватом в нижней части (рис. 8, 7). Изготовлены в технике шлифования и полировки. В области перехвата булавы из Никольского могильника имеет пять тонких резных линий, опоясывающих ее. Отверстие для насадки булавы на рукоятку цилиндрическое, слегка расширяющееся

к краям, особенно в верхней части орудия. Изготовлена она, как и мариупольские, из змеевика.

Костяные изделия в могильниках мариупольского типа малочисленны. Обнаружены они в Мариупольском, Вильнянском, Деревском и других некрополях. Наиболее полный набор изделий из кости найден в Мариуполе. Среди них — редкая находка зубчатого штампа, очевидно, для орнаментирования керамики, семь трубочек с нарезками, которые использовались, возможно, как музыкальный инструмент, а также несколько пластин неизвестного назначения с округлыми отверстиями [Макаренко, 1933, табл. X, XII, 63]. В ряде случаев, например в Капуловском и Ясиноватском 2 могильниках, обнаружены наконечники копий или рогатин, а в Деревке — выпадающий гарпун и "жерлица". В комплексах Мариупольского, Вильнянского могильников числится по несколько костяных шильев.

Подавляющее число кремневых, каменных и костяных изделий (топор, наконечники копий, ножи и др.) находят аналогии среди инвентаря местных неолитических стоянок с гребенчато-накольчатой керамикой Поднепровья.

Керамические изделия обнаружены главным образом в двух могильниках — Никольском и Лысогорском, насчитывающих развалы десятков сосудов (рис. 10) и большое количество их фрагментов. Два развала больших сосудов относятся к Деревскому некрополю. В I Вовнигском и Ясиноватском могильниках найдено несколько фрагментов глиняных сосудов: по два черепка в засыпке ямы Мариуполя и Капуловки и один — во II Вовнигском.

Полный типологический анализ керамики по каждому памятнику будет дан ниже. Здесь же отметим, что керамика, собранная на площади могильников и в заполнении погребальных ям, типологически и хронологически не едина. Фрагменты из Ясиноватки, Вовниг 2 по ряду особенностей тяготеют к более раннему этапу позднего периода надпорожского неолита (тип Собачки). Основная масса керамических находок из Никольского и Лысогорского могильников, безусловно, относится ко второй, более поздней, фазе неолита (тип Среднего Стога I). Такого же характера и фрагменты керамики из Вовниг 1.

Для более полного представления о составе керамики этих двух фаз кратко остановимся на материалах из Ясиноватского и Никольского могильников.

В засыпке красной ямы Б Ясиноватского могильника собрано около 20 фрагментов керамики, в том числе венчики, стенки и доньшки. Венчики двух типов: ровные без утолщения и в одном случае с воротничком, дно плоское. Сосуды изготовлены из глины с небольшой примесью песка, иногда заметна растительная примесь. Черепки украшены отрисками гребенки, насечками или проглаженными линиями. На венчике с утолщением орнамент нанесен в технике отступающей палочки. Мотивы узоров разнообразны: горизонтальные ряды, зигзаг, диагонально заштрихованные поля, треугольники и елочка и др.

В Никольском могильнике в отличие от остальных некрополей этого типа обнаружены керамические остатки более 60 сосудов. Важно подчеркнуть однородность комплекса, за исключением трех явно чужеродных сосудов (трипольского, амфоровидного и округлодонного). Практически здесь представлена одна форма — плоскодонный горшок, хотя размеры сосудов (по высоте) различны — от 10 до 50 см. Венчик горшков в основном хорошо выделен, утолщен и представляет собой снаружи своеобразный воротничок. Изнутри чаще всего скошен внутрь и лишь иногда ровно срезан (рис. 10, 1—6). Корпус сосуда обычно круглый, но иногда отмечается менее резкий перелом формы (рис. 10, 6). Небольшой диаметр сосуда чаще приходится на верхнюю его треть, но иногда на верхнюю четверть (рис. 10, 1—4) либо середину. Половина сосудов, в основном крупных, имеет сравнительно малое дно, из-за чего они неустойчивы. Дно снизу чаще всего немного вогнутое. Стенки некоторых больших сосудов тонкие — менее 1 см.

Глиняное тесто включает техническую примесь — песок и дресву, иногда довольно крупных размеров. Отмечена незначительная растительная примесь, два черепка — с графитом. При изготовлении сосудов использовался и шамот. На изломе одного из черепков, например, обнаружен кусочек керамики с кольчатой орнаментацией. Техника изготовления ленточная. Поверхность сосудов сглажена довольно хорошо. Лишь в отдельных случаях изнутри заметно сглаживание гребенкой.

Сосуды, как правило, украшены от венчика до дна. Орнамент почти всегда переходит на внутреннюю сторону венчика и нижнюю поверхность дна. Среди орнаменталь-

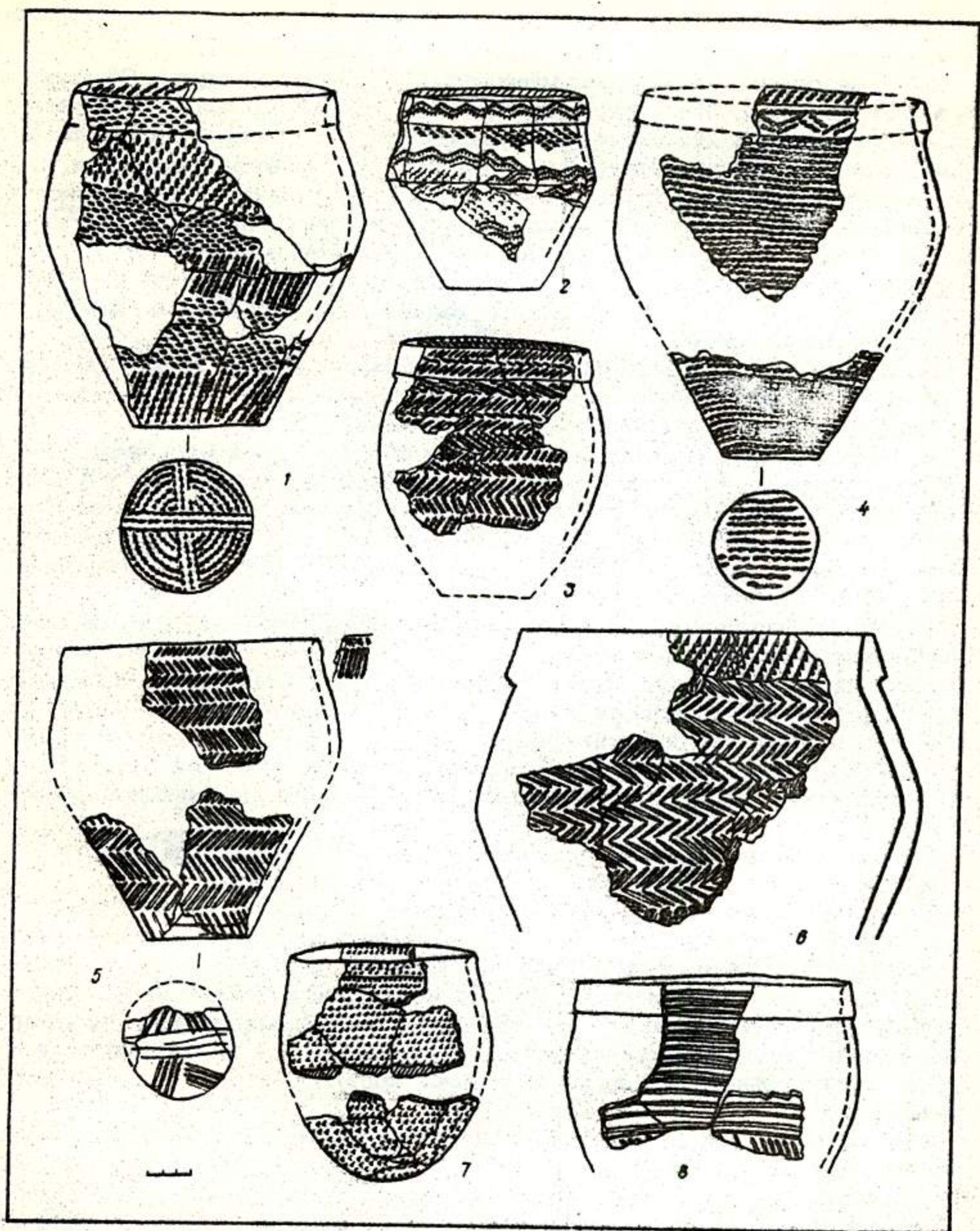

Рис. 10. Никольский могильник. Керамика из ямы Б (1, 2) и красного заполнения могильника (3 - 8)

ных элементов преобладают накольчатые бороздки, второе место занимают линии и короткие насечки, а затем идет гребенка и дву- или трехзубчатые штампы. Кроме того, в единичных случаях отмечены кружочки. Обычно отдельные сосуды покрывались каким-либо одним элементом орнамента, но иногда они сочетаются: наколы и линии, линии и гребенка, гребенка и наколы и т.д.

Основной состав керамики Никольского могильника орнаментирован наколами (45 сосудов). Обычно это так называемые отступающие наколы, соединенные в цепочки разной длины одной общей бороздкой (рис. 10, 1-4). Лишь на отдельных фрагментах ряды наколов общей бороздки не имеют. Иногда, наоборот, наколы в проглаженных бороздках едва заметны. Форма наколов чаще всего подтреугольная, но иногда продолговатая, без четко выраженных контуров. Глубина нанесения орнамента небольшая, в некоторых случаях наколы совсем поверхностные.

С прочерченным орнаментом обнаружено 10 сосудов. На нескольких горшках от-

мечено сочетание проглаженного и накольчатого орнаментов, основной мотив которых елка (рис. 10, 5). На двух сосудах кососетчатая композиция. Верхняя часть одного сосуда сплошь покрыта горизонтальными линиями (рис. 10, 8). Орнаментальные линии узкие, резные глубокие, иногда очень мелкие, лишь в отдельных случаях более широкие, проглаженные.

Сосудов, украшенных гребенкой или приближающимся к ней по типу зубчатым штампом, обнаружено всего четыре. Причем среди них настоящей мелкозубчатой гребенкой украшен только один сосуд: вертикальными полосами. Орнамент заходит и на его дно, а на венчике — резной орнамент в виде отрывков косой сетки. На другом сосуде оттиски гребенки, нанесенные по венчику, сочетаются с расположенными ниже цепочками отступающих наколов, еще ниже идут диагональные ряды отступающей гребенки. Два сосуда сплошь украшены горизонтальными рядами отступающего трезубчатого штампа. Причем на одном из них в верхней части тем же штампом сделаны два гребенчатых зигзага, опоясывающих сосуд. В комплексе есть черепки, украшенные двузубчатым штампом в отступающей манере.

Орнамент, как правило, покрывает поверхность сосуда полностью. Лишь на немногих сосудах он разрежен. Мотивы узоров довольно разнообразны, иногда сложные, но в целом композиция подчинена горизонтальной зональности. Узоры на керамике можно разделить на три основных мотива: горизонтальных линий, когда прочерченные линии иногда ломанные или волнообразные или накольчатые бороздки опоясывают сосуд (рис. 10, 2, 4); диагонально-елочный, когда косые (диагональные) линии или бороздки, стоящие рядами наклонов в разные стороны, образуют елочку (рис. 10, 1, 3, 5, 6); заштрихованных геометрических фигур — треугольников, прямоугольников и ромбов.

Среди мотивов явно преобладает второй и наименее представлен последний. Чаще всего геометрические фигуры на сосудах — неотъемлемая часть общей композиции узора с простым линейным или елочным орнаментом; они доминируют в системе орнамента. На некоторых сосудах композиция орнамента весьма сложна, включает все или почти все мотивы. На этих сосудах принцип горизонтальной зональности обычно нарушен.

Разнообразны узоры на доньшках сосудов, среди них — кососетчатые композиции, штриховка из параллельных линий, концентрические круги и т.п. (рис. 10, 1, 4, 5). На одном — шестиугольная звезда, в которую вписаны прямоугольники. Доньшки без орнамента в коллекции не встречаются.

В целом, керамический комплекс могильника находит прямые аналогии в поздне-неолитических комплексах местного неолита. В силу хороших условий залегания, гомогенности и многочисленности керамический комплекс Никольского могильника может служить своеобразным эталоном для этапа II-в надпорожской культуры.

В красном заполнении могильника, кроме обычных для комплекса этапа II-в днепро-донецкого неолита, обнаружены три сосуда, которые типологически выпадают из него. Это округлодонный сосуд — в виде узкогорлой амфорки и трипольский горшочек. На их описании остановимся ниже.

От керамических комплексов Надпорожья заметно отличаются сосуды из Дреивского могильника. Венчики последних без утолщения, под срезом их — ряд глубоких цилиндрических ямок. Один из них украшен наколами, другой — оттисками мелкозубчатой гребенки. Аналогии им находим среди материалов неолитических стоянок Среднего Поднепровья (Бузьки, Мутьки, Пищики).

Анализ инвентаря в могильниках мариупольского типа важен как для выяснения вопросов хронологии, периодизации, так и для определения культурной принадлежности этих памятников.

Культурная принадлежность могильников мариупольского типа

Важными проблемами изучения истории неолитического населения юга Украины являются определение культурной принадлежности могильников мариупольского типа и увязка их в одном культурно-хронологическом комплексе с неолитическим поселением этого района.

Первооткрыватель могильников мариупольского типа М.Макаренко [1933] в целом относил исследованный им некрополь к неолитической эпохе, поскольку неолитические памятники на Украине только начинали изучаться, а вопрос о культурах этой эпо-

хи еще не ставился. Решению вопроса культурной принадлежности Мариуполя, кроме того, мешало отсутствие керамики, которая бы надежно увязывалась с погребениями.

Впервые вопрос о культурной принадлежности могильников мариупольского типа поставил А.Д.Столяр [1955], который решал его с привлечением широкого круга памятников Надпорожья — начиная от нижних горизонтов Игрени 8 (горизонты E, E₁) и кончая верхним вторым слоем Среднего Стога. Памятники этого типа он объединил в одну культурную группу надпорожско-приазовского неолита. В состав группы, кроме явно неолитических стоянок (Вовнигские стоянки, Собачки, Волчек, Средний Стог I и др.), были включены, как теперь стало ясно, памятники, которые относятся к мезолиту (Игрень 8) и медному веку (Средний Стог II), с которыми могильники мариупольского типа в классическом проявлении имеют мало общего. Более осторожно и, видимо, правильно к определению места I Вовнигского могильника подошел М.Я.Рудинский [1956], который на основании анализа гребенчато-накольчатой керамики в культурном плане сопоставлял его с Вовнигскими неолитическими стоянками. В.Н.Даниленко [1974], относил могильники мариупольского типа к выделяемой им азово-днепровской культуре.

Вопрос об отнесении культурной принадлежности могильников мариупольского типа тесно переплетается с трактовкой понимания днепро-донецкой культуры в целом и ее отдельных вариантов [Телегин, 1968]. По мнению Е.Н.Титовой [1985], с которой можно согласиться, днепро-донецкие памятники Волыни, Поднепровья и Левобережной Украины представляют собой не одну культуру, а ряд родственных культур и типов памятников в рамках днепро-донецкой этнокультурной общности с гребенчато-накольчатой керамикой. На среднем этапе развития культур этой общности здесь выделяются шесть культур, в том числе волынская, восточнополесская, верхнеднепровская, киево-черкасская, донецкая и надпорожская, а в позднее неолитическое время — памятники типа Пустынки и Засухи.

К предмету наших исследований прямое отношение имеют три культуры — надпорожская, киево-черкасская и донецкая, на территории распространения которых обнаружены могильники мариупольского типа. В связи с этим надо считать несостоятельной точку зрения В.Н.Даниленко [1974] об отнесении всех могильников мариупольского типа только к надпорожской (азово-днепровской, по его терминологии) культуре, так как, по имеющимся данным, в культурном плане они увязываются по крайней мере с тремя культурами днепро-донецкой общности.

К такому заключению мы пришли, исходя из двух фактов: территории распространения могильников и состава керамики.

В Надпорожье известны четыре могильника, где обнаружены фрагменты сосудов (Вовниги 1, Ясиноватка) или их развалы (Никольское, Лысая гора). Подробная характеристика этих находок, в частности из Ясиноватки, Никольского, дана выше. Здесь же еще раз подчеркнем, что керамическая посуда, найденная на могильниках, относится к типу гребенчато-накольчатой керамики, которая обычна для местной надпорожской культуры (рис. 11). Причем керамика из разных могильников, видимо, не совсем одновременная — находки Ясиноватки и Вовниг 1 в культурно-хронологическом плане стоят ближе к памятникам типа Собачки, а сосуды из Лысой горы и Никольского прямо сопоставляются с керамикой Среднего Стога I.

Общей для Дереевского могильника и местных стоянок киево-черкассской культуры также является керамика. Сосуды из Дереевки мы типологически сопоставляем с находками из таких стоянок Черкасщины, как Бузьки и Мутыхи, которые, как и поселение типа Собачки — Средний Стог I Надпорожья, относятся ко второму периоду днепро-донецкого неолита.

Значительно труднее решить вопрос о культурной принадлежности группы погребений из Александрии на Осколе, где керамика отсутствовала. Наличие здесь в могиле крупных ложевидных пластин указывает, однако, на принадлежность погребений к концу неолита — раннему энеолиту. В это время в Поорелье и на Северском Донце бытовали поселения среднестоговской культуры и выделенной в последнее время группы памятников типа Засухи. Керамика типа Засухи в значительном количестве обнаружена и на поселении в Александрии, где исследована групповая могила. Не исключена воз-

возможность, что эта керамика в культурном плане имеет прямое отношение к групповой могиле. Кстати, одиночная (№ 9) могила с вытянутым на спине погребением исследована нами и на самом поселении Засуха на Орели. Поселения типа Засухи генетически связаны с памятниками второго периода днепро-донецкого неолита Среднего Поднепровья, представляя на Левобережье Украины третий период этой культуры. Следовательно, у нас есть основания относить групповое погребение Александрии и могилу из Засухи к памятникам типа Засухи и датировать их третьим периодом днепро-донецкой культуры [Телегин, 1988].

Таким образом, могильники мариупольского типа Надпорожья и Приазовья, Черкасщины и Донеччины следует отнести к трем культурам днепро-донецкого неолита — надпорожской, киево-черкасской и памятникам типа Засухи.

IV. ПЕРИОДИЗАЦИЯ МОГИЛЬНИКОВ И ИХ АБСОЛЮТНЫЙ ВОЗРАСТ

Нет сомнения в том, что отдельные могильники мариупольского типа существовали довольно продолжительное время. На некоторых из них захоронения осуществлялись, возможно, даже с перерывами. Весьма продолжительным, надо полагать, был и общий период существования этих памятников, которые далеко не одновременны, что отмечали, в частности, А.В.Добровольский и А.Д.Столяр. Наиболее полную периодизацию неолитических могильников Надпорожья предложил А.Д.Столяр [1953], который, несмотря на весьма ограниченный материал (шесть некрополей), в общем правильно, на наш взгляд, определил их хронологическую последовательность. Новые работы подтвердили, например, отнесение к ранней группе некрополей Ненасытец и Марьевка, к поздней — одиночных захоронений из Чапли, Игрени 8 и др. Вызывает возражение лишь отнесение к ранней группе одиночных захоронений из Собачек, уточняется хронологическое взаимоотношение I и II Вовнигских могильников. При ограниченности стратиграфических наблюдений А.Д.Столяр каждый из могильников Надпорожья рассматривал в одной хронологической плоскости, что, как оказалось, не совсем правильно.

Всесторонний анализ материалов могильников позволяет нам в значительной степени уточнить как их периодизацию, так и абсолютный возраст.

Выше шла речь о том, что в развитии погребального обряда некрополей намечается такая общая последовательность признаков: от погребальных ям-гнезд типа А к рядам-траншеям и коллективным усыпальницам типа Б. На заключительном этапе развития могильников господствующим остается обряд одиночных погребений. Такая последовательность типов погребальных сооружений подтверждается рядом стратиграфических наблюдений; она в значительной степени коррелируется с изменениями в составе находок при погребенных — кремневых орудий и украшений (рис. 12; 13; табл. 1).

Кремневые изделия из могильников типологически явно распадаются на две основные группы. Первая, более ранняя, включает исключительно мелкий кремль, пластины средних и мелких размеров, ножи на таких же заготовках, небольшие подокруглые скребочки на отщепах, а также микролитические изделия, в том числе трапеции, тупоспинные и косые острия и др. Среди трапеций встречаются их поздние типы с подструганной спинкой. Кремль этой группы представлен главным образом в ямах-гнездах типа А и рядах-траншеях Вильнянского, II Вовнигского, Марьевского и других могильников. Такой же кремль собран в яме Б Ясиноватки. Здесь он наиболее многочислен и разнообразен; выделяются пять основных категорий вещей: ножевидные пластины средних размеров без следов обработки и утилизации, обычно сломанные, пластины с ретушью — ножи, часто целые, скребки на отщепе, а также микролитические изделия — трапеции, тупоспинные острия и пластины (см. рис. 9). Трапециевидные микролиты (4 экз.) изготовлены из пластин средних размеров с помощью крутой краевой ретуши. На некоторых из них ретушь только с одной стороны. В одном случае нанесен резцовый скол. Условно к числу трапеций или их заготовок можно отнести и удлиненное сечение пластины с ретушью в торцевой части, тупоспинные острия и пластины, среди которых выделяются пластина-вкладыш бондарихинского типа, крупное острие абuzовского и обломки тупоспинных остриев.

Кремль второй группы крупный, массивный. Это большие пластины энеолитического типа, ножи и скребки из таких же заготовок, наконечники копий с двусторонней обработкой. Наиболее полно кремль второй группы представлен в Мариупольском, Никольском и Лысогорском могильниках, где он связывается с погребениями в усыпальницах типа Б и красным заполнением на площади этих некрополей.

В комплексе Никольского могильника, например, насчитывается более 70 изделий из кремня (см. рис. 8), в том числе 13 ножей, 8 скребков, 10 наконечников копий и дротиков, 36 ножевидных пластин и отщепы. Ножи крупных и средних размеров изго-

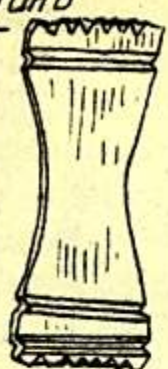
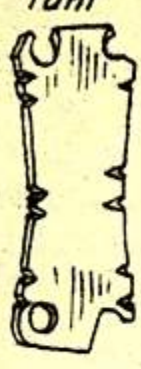
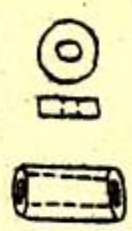

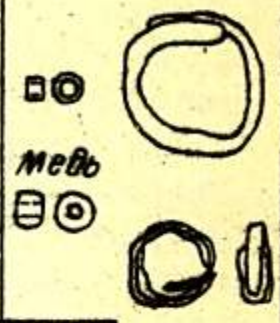
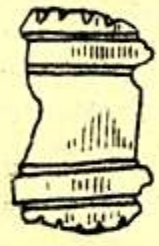

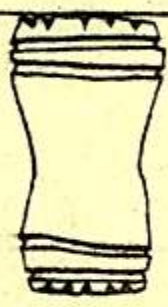
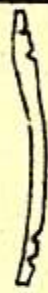
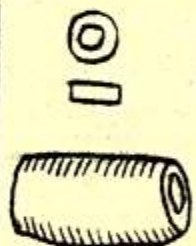

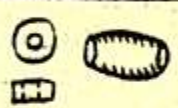

	a			b	б	2	θ	e
I	 Tun AB	 Tun B	 Tun Γ					
II								 Meбo Залото
III								
IV								
V								
VI								
VII								
VIII								
IX								

Рис. 13. Украшения в погребениях могильников мариупольского типа: Мариупольского (I), Никольского (II), Лысогорского (III), Деревянского (IV), Вильянского (V), I и II Вовнянского (VI, VII), Чаплинского (VIII) и Марьевского (IX)

три основных этапа: ранний — А, поздний — В и позднейший — С, из которых первые два распадаются на два подэтапа (фазы) каждый — А₁₋₂, В₁₋₂ (табл. 2; см. рис. 12).

Ранний этап А. К этому этапу относится около десяти некрополей полностью или наиболее ранняя их часть. Основным типом погребальных сооружений являются ямы-гнезда типа А, которые затем перерастают (часто, очевидно, сливаясь) в ряды-траншеи. Ямы-гнезда небольших размеров, в них помещалось от 1 до 10–11 погребенных, скелеты часто слегка слегка окрашены. Засыпка ям над погребениями обычно темно-серого

Т а б л и ц а 1. Типы погребальных ям и находки в погребениях раннего (А₁₋₂), позднего (В₁₋₂) и позднейшего (С) периодов могильников мариупольского типа

Возраст	Пе-ри-од	Этап	Могильник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Середина IV тыс. до н.э.	С		Вильнянский (один скелет)											
			Дерезинский (один скелет)		+		+		+					+
			Чапли		+									+
			Собачки (один)											
			2 Никольский, ямы Б, Д-3	+			+++	+	+++	++	+++	+++	+	
			Мариупольский				+++	+	+++	++	+		+	+
			Лысая гора, ямы I-V				+++		+++	++	+++	+++		
			В											
			Дерезинский, яма I		+		+	+	+	+		+		+
			Вовниги 1		+	+		+		+	+	+		+
Начало IV тыс. до н.э.	В	1	Ясиноватка, яма Б			++		+			+			
			Осиповка		+									+
			Вильнянский, ямы Б		+	+	+	+						
			Вовниги 2		+	+	+							+
			2 Капуловка		+									
			Никольский, ямы В, Г	+	+		+							+
			Ненасытец	+	+	+	+							
			А											
			Вильнянский, яма А	+	+++	+								
			Ясиноватка, яма А	+	+++	+								
	А	1	Васильевка 5	+		++								
			Марьевка	+		+								
			Васильевка 2											+
			Собачки, ямы 1, 2	+										+

П р и м е ч а н и е. 1, 5 — ямы овальной и подпрямоугольной формы; 2 — подвески из зубов оленя; 3, 7 — кремневые изделия микролитического облика и крупные формы; 4 — кольцевые плоские пронизки; 6 — пластинки мариупольского типа; 8, 9 — керамика в виде отдельных фрагментов и развалы сосудов; 10 — бусы шаровидной формы из кости; 11 — зубы рыб; + — есть, ++ — мало, +++ — много.

Т а б л и ц а 2. Периодизация могильников и поселений днепро-донецкой этнокультурной общности

Абсолют- ный воз- раст, по С-14	Пе- ри- од	Этап	Надпорожье		Среднее Поднепровье		Орель, Се- верский Донец	Периоди- зация поселений
			могиль- ники	поселения	могиль- ники	поселения		
Середина IV тыс. до н.э.	С		Вильнянка 3		Дерезинка	Успенка	Засуха	III
			Чапли 2		(одиночные погребения)		Александрия	
		2	Никольский Б					II-в
			Лысая гора	Средний	Дерезинка 1	Бузьки		
		В	Мариуполь	Сток I		Пищики		
			Ясиноват- ка I	Собачки				II-а
		1	Вовниги 1	Волчок				
			Вильнянка					
		А	Б				Осиповка	I
			Осиповка					
Начало IV тыс. до н.э.	А	2	Капуловка	Вовнигские			Госпитальный	I
			Вовниги 2	стоянки			холм	
			Вильнянка А					
			Ясиноватка А					
			Ненасытец					
			Марьевка					
	1		Васильевка	Игренъ 8				
			2, 5					
			Собачки					

цвет, без примеси охры. Кремневый инвентарь мелкий, микролитический. Тип украшений довольно стабильный — зубы рыб и подвески из зубов оленя, которые встречаются в значительном количестве. В более поздних памятниках изредка появляются первые кольцевые пронизки из ракушек и гешира.

Керамика в могилах не обнаружена. Более ранний возраст погребений подтвержда-

ется стратиграфически в Вильнянском, Ясиноватском и Никольском могильниках. В первом отмечены два случая, когда погребения в овальных ямах типа А перекрывались красным заполнением усыпальниц типа Б. То же зафиксировано в Ясиноватке, где под дном "красной" усыпальницы Б расчищено несколько овальных ям типа А. В Никольском могильнике пожарный слой над ямой Б перекрывал край ямы В, а последняя частично прорезала край ямы Г. Яма В и южная часть ямы Г этого могильника относятся к типу А.

Судя по некоторым наблюдениям, погребения этапа А также не одновременны. Такое заключение вытекает прежде всего из анализа общего направления развития погребальных сооружений. Как отмечалось, групповые ямы-гнезда типа А, сливаясь, образуют ряды-траншеи. Исходя из этого можно предполагать, что ряды-траншеи, очевидно, более поздние по сравнению с отдельными ямами-гнездами. Об этом свидетельствует и появление в рядах-траншеях кольцевых бус (Вовниги 2). Последние в более ранних ямах-гнездах типа А, за незначительным исключением (Никольский, яма Г), не встречаются. Это позволяет говорить о несколько более раннем возрасте погребений в ямах-гнездах без кольцевых бус (Собачки, Марьевка, Ясиноватка — ямы А, Вильнянка — ямы А, Васильевка 2,5), чем погребений в рядах-траншеях (Вовниги 2, Капуловка, Деревка — ямы-ряды II—VI). Первые мы относим к фазе А₁, а вторые — к А₂. Впрочем, хронологическая граница между фазами не очень четкая, хотя, безусловно, намечается.

Поздний этап В — время расцвета и совершенствования погребального ритуала могильников мариупольского типа, когда здесь появляются большие коллективные усыпальницы и культ почитания предков, в частности сохранения их черепов; по погребенным теперь справляется какая-то тризна. К этому этапу относятся также около десяти некрополей. Основное погребальное сооружение — большие ямы подпрямоугольных очертаний, как правило, наполненные останками скелетов, сплошь засыпанных порошком красной охры. Обычным при новых захоронениях становится нарушение прежних скелетов, за исключением черепа, который отодвигался в дальний угол ямы. Возможно, в некоторых случаях, как в Осиповке, практиковались и перезахоронения черепов в отдельных групповых ямах. В это время (очевидно, к концу этапа В) в погребальном ритуале заметное место отводится огню (Никольское — ямы Б, 3, Лысая гора).

Инвентарь при погребениях, особенно в более поздних некрополях, многочислен и разнообразен. Кремневые изделия, если они присутствуют, относятся к поздней группе (Никольское, Лысая гора). Это ножи и скребки на крупных "энеолитических" пластинах, пластины без вторичной подправки, наконечники копий с двусторонней обработкой и др. Лишь в одном случае (Ясиноватка — яма Б) кремневый инвентарь мелкого, микролитического характера. Заметно изменяется на этапе В и состав украшений. Зубы рыб и подвески из зубов оленя встречаются редко. Подвески из зубов оленя, например, отсутствуют в усыпальницах Б и 3 Никольского могильника. Очень мало их обнаружено и в яме этого типа в Деревке. И наоборот, весьма многочисленны кольцевые бусы. Они разных размеров, изготовлены из различных материалов: камня, кости, ракушки. Характерным признаком погребений являются украшения в виде пластинок мариупольского типа из клыка кабана. Последние, однако, присутствуют не во всех могильниках этапа В, что, возможно, также следует расценивать как хронологический показатель.

Не во всех могильниках этого типа встречается и керамика. Ее совершенно нет в ямах типа Б Вильнянки и Осиповке. В Ясиноватке и Вовнигах появляются лишь отдельные фрагменты, а в наиболее поздних могильниках с коллективными усыпальницами уже присутствуют развалы целых сосудов — Деревка — яма 1, Никольское, Лысая гора. В двух последних собраны, как отмечалось, остатки многих сосудов.

Таким образом, материалы позднего этапа В свидетельствуют о некоторой разновременности памятников, среди которых выделяются два подэтапа (фазы). К фазе В₁ следует относить, очевидно, коллективные усыпальницы, где еще отсутствуют пластины мариупольского типа, — Вильнянка — ямы Б, Вовниги 1. Видимо, к этой же фазе принадлежит яма Б в Ясиноватке, где хотя и присутствуют (в одном случае) пластинки мариупольского типа, но состав кремня в засыпке ямы мелкий, микролитический, т.е. явно ранний. Здесь также обнаружены только черепки, а развалы сосудов отсутствуют.

К фазе В₂ мы относим могильники Никольский — ямы Б, З, Лысогорский и Деревский — яма 1, где обнаружены пластинки мариупольского типа различных типов; развалы неолитических сосудов. В двух случаях (Никольский, Лысая гора) отмечено применение в ритуале огня. По этому признаку к числу позднейших могильников этапа В, возможно, относятся групповые захоронения черепов из Осиповки. Этот могильник, как и Мариупольский, возможно, отражает и некоторые локальные особенности. Что касается Мариупольского могильника, то, по нашим представлениям, он относится ко второй фазе позднего этапа В могильников этого типа, но, возможно, не к самому ее концу. Чтобы закончить характеристику особенностей позднего этапа могильников, следует отметить появление среди погребального инвентаря каменных изделий типа булав, топоров и других украшений из меди и золота и т.п. (Никольское, Мариуполь).

Позднейший этап С могильников рассматриваемого типа — время их деградации и явного разложения. Исчезает основной признак памятников — коллективные усыпальницы, хотя групповые и парные могилы еще встречаются. Охры становятся меньше. Одиночные захоронения, которые спорадически встречались и на предыдущих этапах А и В, теперь господствуют. Погребальный инвентарь представлен крайне редко, он весьма немногочислен. В некоторых погребениях встречены лишь зубы рыб и по одной подвеске из зубов оленя. В Деревке в одиночных захоронениях найдены в одном случае низка кольцевых бус, а в другом — пластинка мариупольского типа. Последнее захоронение оказалось сидячим.

Хронологическое взаимоотношение одиночных погребений в могильниках мариупольского типа и погребений этапов А и В решается во многих случаях также на основании стратиграфических наблюдений, в частности при раскопках Собачковского, Деревского, Вильнянского и других могильников. В Собачках, например, одно одиночное погребение (№ 4) полностью перекрывало групповую могилу № 1. В Деревке такое же погребение (№ 134) перерезало ряд погребений VI ряда с иной ориентацией покойников. Но наиболее ясные доказательства позднего возраста одиночных могил зафиксированы в Вильнянском могильнике, где восемь одиночных захоронений залегали в верхней части подпочвы, т.е. выше других, а два из них непосредственно перекрывали более ранние ямы типа А и Б. Отметим, что и в основной яме Мариуполя среди верхних погребений также прослеживается явная тенденция к индивидуализации.

Периодизация могильников мариупольского типа — весьма сложный и не всегда поддающийся удовлетворительной интерпретации вопрос. В этой связи следует отметить появление в двух ямах-гнездах (Д, Е) из Никольского могильника скорченных на спине захоронений, а также находку в одной из них наконечника копья, который хронологически скорее увязывается не с типом погребального ритуала в этой яме, а с ямами типа Б. Если это не случайные факты, то, возможно, следует допускать сосуществование в некоторых случаях наряду с коллективными усыпальницами типа Б отдельных ям округлых очертаний типа А. Весьма сложную конфигурацию (но не прямоугольную) имели и коллективная усыпальница на Лысой горе, а также ямы из Осиповки. Отличается и яма Мариупольского могильника, которая скорее напоминает ряд-траншею. Все это еще раз подчеркивает сложность путей развития погребального ритуала неолитического населения Поднепровья и Приазовья, где, возможно, имели место и локальные особенности, для понимания которых необходимы новые факты.

Абсолютный возраст могильников мариупольского типа определен главным образом по инокультурному импорту и методу С-14.

Среди прочих некрополей рассматриваемого типа лучше всего датируются памятники этапа В₂. В этой связи важное значение имеет трипольский сосуд из Никольского могильника (см. ниже), обнаруженный в его красном заполнении около ямы Б. Сосуд тонкостенный, сравнительно высокорослый. Глина без видимых примесей. Венчик без утолщения, слегка отведен наружу. Дно небольшое, плоское. Сосуд по шейке покрыт горизонтальными каннелюрами. Такие же каннелюры идут по корпусу сосуда под углом друг к другу, образуя острые углы, направленные поочередно острием вверх и вниз. По гребням между каннелюрами расположен ряд мелких наколов гребенки. Таким же рядом наколов подчеркнут венчик, корпус отделен от шейки очерченной нижней границей орнамента, которая немного не достигает дна. Аналоги сосуду известны на раннетрипольских поселениях Правобережной Украины, в частности в комплексе из Борисовки и нижнего слоя Печоры на Южном Буге. Сосуд, безусловно, импортный,

что указывает на синхронность могильников этапа В₂ с Триполем этапа А — начала В₁. Синхронизация позднейших погребений Никольского могильника с ранним этапом Триполья устанавливается и на основании анализа медных изделий [Черных, 1966].

Ранний этап Триполья (этап А, Прекукутени III), по радиоуглеродным и археомагнитным данным, относится ко второй четверти IV тыс. до н.э. [Телегин, 1985], что, видимо, имеет прямое отношение к определению возраста могильников мариупольского типа, фазы В₂. Этот вывод согласуется с некоторыми радиоуглеродными датами, полученными в Киевской лаборатории для трех могильников этого типа: Никольского, яма 3 — Ки 523 — 3690 ± 400; Ясиноватского, яма Б — Ки 1171 — 3700 ± 700; Осиновского — Ки 519 — 3990 ± 420 лет до н.э. (Даты не калиброваны). Следовательно, фазу В₂ Мариупольских могильников мы можем датировать, как и Триполье этапа А, второй четвертью IV тыс. до н.э. Что касается абсолютного возраста могильников этапа А и фазы В₁, то они могут относиться к первой четверти IV тыс. до н.э. и, видимо, к концу V тыс. до н.э. Разложение исследуемых могильников (этап С) относится уже, очевидно, к началу второй половины IV тыс. до н.э. В целом, могильники мариупольского типа бытовали с конца V до начала второй половины IV тыс. до н.э.

V. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО МОГИЛЬНИКОВ МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА

Вопрос о культурно-историческом месте исследуемых могильников ставился неоднократно. М.Гарашанин [Garašanin, 1961] связывал Мариуполь с решением проблемы степных причерноморских влияний на Балканах, что им прослежено, например, в могильнике Дечия на Мурешах. О культурно-хронологическом соответствии Мариуполя и Дечии на Мурешах говорили А.Хейслер [Häusler, 1962, S. 1067; Мерперт, 1965] и другие исследователи. В настоящее время вопрос о могильниках мариупольского типа приобрел актуальность наряду с рассмотрением проблемы взаимоотношения днепродонецкой культуры Приднепровья и культуры воронковидных сосудов северных районов Европы [Lichardus, 1976; Häusler, 1981; Долуханов, Третьяков, 1979]. Проблемы решались, однако, на относительно узкой источниковедческой базе из-за отсутствия полной публикации могильников мариупольского типа на Украине и сравнительно ограниченного количества исследованных погребальных памятников на смежных территориях.

За последнее время положение значительно изменилось. Кроме известных некрополей, памятники этого времени раскопаны во многих местах Евразии. Большинство из них относится к эпохе неолита или энеолита, но все они во многих случаях синхронны с могильниками мариупольского типа или хронологически с ними тесно смыкаются.

Задача по определению культурно-исторического места могильников мариупольского типа и выяснению роли оставившего их позднечеловекообразного населения в истории Европы в V—III тыс. до н.э. значительно облегчается с появлением ряда работ о погребальных памятниках Европы, в которых подводится итог изучению последних по отдельным культурам или территориям [Comsa, 1974; Mellaart, 1975; Sing, 1976; Титов, 1980; Тодорова, 1980; Авилова, 1981, 1984; Мерперт, Мунчаев, 1982; Алекшин, 1986; и др.]. Некоторые сведения о погребальном ритуале на Балканах мы находим и в антропологических работах по неолиту и энеолиту [Boev, 1972].

В середине 60-х годов автор уже ставил вопрос о культурно-историческом месте могильников мариупольского типа среди памятников такого рода мезолита, неолита и энеолита Восточной Европы [Телегин, 1966, 1968]. Тогда отстаивалась мысль о наличии на Евразийском континенте двух больших областей, или зон, с разными чертами погребального ритуала: северной зоны с вытянутыми на спине захоронениями, куда относятся и могильники мариупольского типа, и южной, где господствовал обряд скорченных погребений. Могильники этих зон различаются и по ряду иных признаков. Несколько позднее к этой точке зрения присоединился Г.Н.Матюшин [1970].

Новые исследования могильников V—III тыс. до н.э. в общей сложности подтвердили предыдущие наши выводы, хотя и внесли в понимание этой проблемы некоторые коррективы.

Чтобы яснее представить культурно-историческое место могильников мариупольского типа, кратко остановимся на общей характеристике погребальных памятников двух областей, или зон, — северной А и южной В.

Зона А, которую условно можно назвать европейско-сибирской, охватывает огромные территории от северных районов Западной и Центральной Европы до Сибири и Прибайкалья включительно (рис. 14). Общий перечень могильников этой области по состоянию на 60-е годы уже приводился [Телегин, 1961; 1968, с. 179—180]. Это прежде всего крупные некрополи Прибайкалья (Серовский, Китайский и др.), отдельные погребения и небольшие могильники Волго-Окского бассейна (Панфилово, Языково, Караванха, Гавриловка, Володари и др.), Прибалтики (Тамула, Крейчи, Нарва, Вальма и др.) и Скандинавии (Эртебелле). К этой же группе северных погребальных памятников относятся поздненеолитические могильники на севере Центральной Европы типа Осторф, Тангермюнде [Häusler, 1962], многочисленные захоронения культуры воронковидных сосудов и др.

В настоящее время количество исследованных могильников с вытянутыми погребениями северной части европейско-сибирской области возросло по крайней мере в два-три раза. Причем открыты они в той части Евразии, где ранее не были известны, в том числе на Лене в Якутии, в Урало-Иртышском междуречье, Приаралье, на Средней Волге, в Прикамье и Приуралье, на севере европейской части СССР и в Центральной Европе и т.п.

На р. Лене С.А. Федосеевой [1980, с. 67—93], например, исследован Чучур-Муранский могильник с вытянутыми на спине погребениями и инвентарем, характерным для местной неолитической культуры. Могилы одиночные, но иногда встречаются групповые: от двух до пяти скелетов в каждой, чем несколько напоминают захоронения мариупольских некрополей в ямах-гнездах типа А. Заметим, что здесь, как и в Мариуполе, отмечены кольцевые плоские бусы.

Опубликован ряд погребений на известном Батайском поселении IV—III тыс. до н.э., где покойники лежали вытянуто на спине. В отдельных случаях при скелетах обнаружены кольцевые бусы из раковин [Рыкушина, Зайберт, 1984].

Определенного рода неожиданностью для специалистов было открытие могильника Тумек-Кичинджик в Приаралье, который по обряду погребения (вытянутое трупоположение на спине, "спеленатые" скелеты, охра) также полностью может быть отнесен к группе северных памятников этого рода Евразии [Виноградов, Итина, Яблонский, 1986].

В Приуралье, на востоке Татарской АССР, в бассейнах рек Ик и Сюнь Е.П. Казаков исследовал два Мелетомакских могильника (3 и 5), а также одиночные неолитические погребения Минярово и Русско-Шуганское [Казаков, 1978]. Мелетомакские могильники включают более 30 вытянутых на спине, сильно стиснутых с боков захоронений*. Ямы одиночные, скелеты часто посыпаны красной охрой. Многие из них инвентарные при отсутствии в качестве приношений керамики, за исключением погребения на Русско-Шуганской стоянке, где собрано некоторое количество черепков, украшенных мелкозубой короткой или длинной гребенкой. Могильники Татарии, видимо, не одновременны, хотя составляют отдельную компактную группу. На это указывают общие типы находок: наконечники стрел на пластинах оленеостровского типа, крупные роговые и костяные орудия типа серпов и остриев с кремневыми вкладышами, оригинальные гирьковидные подвески с перехватом из маленьких кремневых конкреций, а также кольцевые бусы из ракушки, крупное тесло из нефрита, каменный "челнок" и др.

Из новых исследований погребальных памятников неолитической эпохи европейской части СССР чрезвычайно важны раскопки Тенишевского могильника вблизи Казани и некрополя у с. Съезжее Куйбышевской обл. В Тенишевском могильнике, исследованном в 1982—1983 гг. Р.С. Габяшевым, обнаружено более 20 вытянутых на спине погребенных: ямы располагались тремя или четырьмя параллельными рядами**. Часть погребений размыта, о чем свидетельствует значительное количество находок, собранных в размыве реки. Обнаружен богатый и разнообразный инвентарь, прежде всего целые ожерелья плоских каменных (филит) подвесок различных очертаний, наконечники копий из кремня и кварцита, изготовленные в технике двусторонней ретуши, и "уточка" из кремня. В одном погребении найдены обломки трех медных колец, изготовленных из круглой в сечении проволоки. В целом, инвентарь Тенишевского могильника, который относится, видимо, к концу неолита — началу эпохи меди, своеобразен, хотя по обряду захоронения не выделяется среди иных некрополей эпохи неолита европейской части СССР, в том числе могильников мариупольского типа. С последними его сближает, кроме обряда захоронения, расположение могил рядами.

В могильнике у с. Съезжее исследованы девять захоронений, шесть одиночных и одно тройное. Покойники были уложены в вытянутом положении на спине, засыпаны охрой и сопровождались богатым погребальным инвентарем [Васильев, Матвеева, 1979]. Залегали они в индивидуальных ямах. На площади могильника (у культовой площадки) обнаружено большое количество керамики, преимущественно развалы сосудов, форму которых во многих случаях удалось реставрировать. Сосуды в отличие

* Материалы Мелетомакских могильников, с которыми нас любезно познакомил автор раскопок, еще не опубликованы.

** С неопубликованными материалами могильника нас любезно познакомил автор раскопок в Казани в 1985 г.

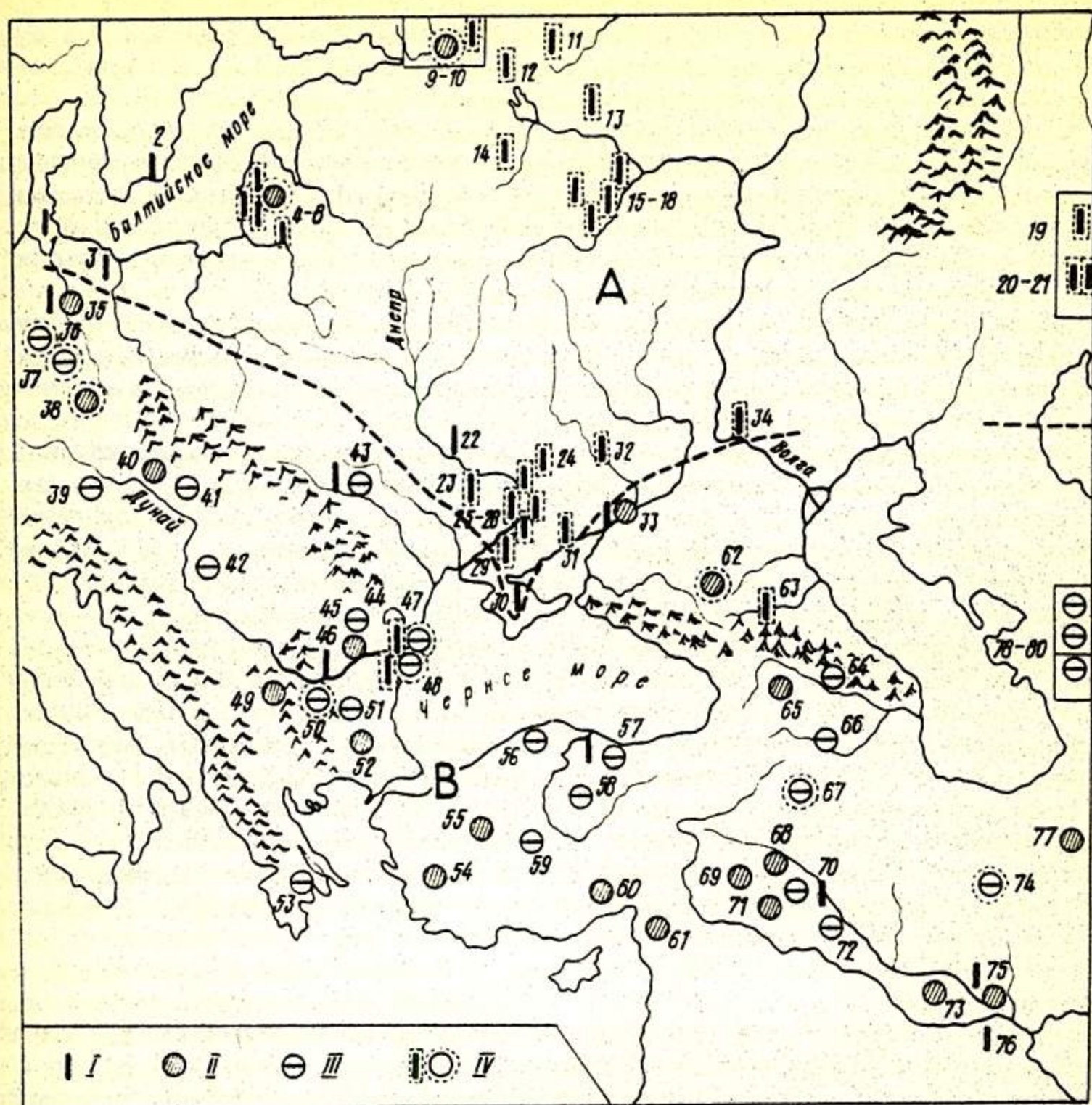

Рис. 14. Могильники эпохи неолита — раннего металла европейско-сибирской (А) и дунайско-древне-восточной областей (В).

I — вытянутые погребения на спине, II—III — скорченные погребения с сосудами и без них, IV — погребения с охрой.

1 — Эртебелле; 2 — Вестербьерс; 3 — Осторф; 4—8 — Тамула, Краутонас, Крейчи, Звейниекы, Абора; 9, 10 — Олений остров; 11 — Кубенино, Караваиха; 12 — Попово; 13 — Сахтыш; 14 — Языково; 15—18 — Гавриловка, Панфилово, Володари, Черная гора; 19 — Чучур-Муранский; 20, 21 — могильники Прибайкалья; 22 — Бужьки; 23 — Деревка; 24 — Осиповка, Засуха; 25—28 — могильники Надпорожья; 29 — Лысая гора, Каиры; 30 — Долинка; 31 — Мариуполь; 32 — Александрия; 33 — Ракушечный яр; 34 — Съезжее; 35 — Энцгейм; 36 — Котценгейм, Фломборн; 37—38 — Зондергаузен; 39 — Клайн-Гадерсдорф; 40 — Забродовицы; 41 — Подохов; 42 — Зенковаргоны; 43 — Незвиско; 44 — Троян; 45 — Ботош; 46 — Черника; 47, 48 — Гаманджия, Варна, Дуранкулак; 49 — Винча; 50 — Русе; 51 — Кубрат; 52 — Караново; 53 — Зигурия; 54 — Бабакой; 55 — Алатлибель; 56 — Келедоруг; 57 — Тетеккой; 58 — Алишар; 59 — Касура; 60 — Мерсин; 61 — Рас-Шамра; 62 — Нальчик; 63 — Луговое; 64 — Мингечаур; 65 — Аликме-Тепеси; 66 — Степанакерт; 67 — Тильки-Тепе; 68 — Хасуна; 69 — Халаф; 70 — Гавр; 71 — Ярм-Тепе; 72 — Самарра, Арпачия; 73 — Гакалан; 74 — Сялк; 75 — Сузы; 76 — Эль-Обейд; 77 — Гиссар; 78—80 — Кара-Тепе; Намазга-Тепе, Туткал

от другого чрезвычайно богатого и интересного инвентаря с отдельными погребениями не увязываются. Они, как и в Поднепровье, оказались там, видимо, в результате поминальной тризны.

Ряд новых могильников эпохи мезолита — неолита недавно исследован в лесной полосе и на севере европейской части СССР, в том числе Кончанский, Репище, Владычино-Береговая, а также на стоянках Сахтыш 1, 2, 8 [Гадзяцкая, Крайнов, 1965; Крайнов, 1973].

На Кончанском могильнике в Новгородской обл. М.П.Зиминой [1979, 1980] вскрыты, судя по размерам ям (скелеты в песке не сохранились), погребения, залега-

шие вытянуто на спине. Почти все они были интенсивно засыпаны красной охрой. При скелетах много украшений, главным образом янтарных. Керамика отсутствует.

Во многом аналогичен Кончанскому могильник в уроч. Репище Новгородской обл. [Зими́на, 1984]. Вскрыто 62 одиночные погребальные ямы, контуры которых определялись по красной охристой засыпке на уровне скелетов, от которых иногда сохранились только зубы. Как и в Кончанском могильнике покойники находились в вытянутом положении. Среди находок встречаются главным образом янтарные подвески и пуговицы, в отдельных случаях — кремневые изделия.

Небольшой могильник в 1974 г. исследован И.К.Цветковой [1980] на стоянке Владычино-Береговая Рязанской обл. Всего раскопано пять могил. Некрополь аналогичен могильнику Володари, который, по мнению автора раскопок, относится к волосовской культуре.

Среди могильников эпохи мезолита — неолита Прибалтики наиболее крупный (более 300 погребений) — Звейниеки, исследованный Ф.А.Загорским [1974] на территории Латвии. Два новых небольших могильника с вытянутым обрядом захоронений открыто и в Литве — Краутонас и Донкальнио [Бутримас, Гирининкас, 1980]. Восемь таких могильников известны в Карелии, в том числе Сандермох, насчитывающий 107 погребений [Панкрушев, 1978], и ряд более мелких (Черная губа, Сямозеро).

Могильники V—III тыс. до н.э. с вытянутым обрядом захоронения в Европе характерны также для Скандинавии, Южной Прибалтики и в значительной степени для Центральной Европы. Размежевание между территориями сосредоточения могильников северной и южной зон в Центральной Европе прослеживается, однако, значительно менее отчетливо, чем в пределах европейской части СССР. То же можно сказать о Западном Прикарпатье и Нижнем Подунавье, где, по существу, в неолитическое время бытовали два различных ритуала погребений — вытянутое на спине и скорченное на боку. Но об этом речь пойдет несколько ниже. Следует отметить, что в более северных районах Центральной и Западной Европы, кроме упоминавшихся поздненеолитических могильников с вытянутым обрядом захоронения, открыт ряд новых — Ведбек в Дании [Albrithsen, Brinch-Petersen, 1976], Певерсдорф в Саксонии [Häusler, 1981], Дретц в бассейне р.Шпрее [Kirsch, Plabe, 1984], Свифтербант в Нидерландах [Meiklejohn, Constandese-Westermann, 1978] и др. Первый датируется мезолитом, остальные — разными этапами неолитической эпохи. Большинство из них относится к типу Осторф — Тангермюнде, которые Г.Беренс связывает с так называемой говеландской культурой позднейшего неолита [Behrens, 1973, S. 114].

Всего в Сибири, Приаралье, европейской части СССР и на севере Центральной Европы насчитывается теперь несколько десятков могильников эпохи мезолита — неолита с вытянутым обрядом погребения, которые относятся к европейско-сибирской зоне А. Их объединяет ряд общих весьма устойчивых признаков. Погребенные зафиксированы в вытянутом положении на спине, ноги прямые, положение рук строго установлено — прямые или чуть согнутые в локтях, кисти около корпуса или в нижней части живота. Лишь в могильниках типа Осторф — Тангермюнде руки иногда согнуты в локтях, кисти находятся в области груди.

Иное положение погребенных в зоне А встречается как исключение. Например, пять скорченных скелетов (3,6 %) отмечено в Оленеостровском могильнике и несколько — в Аборе. Кроме того, на Оленьем острове зафиксировано пять вертикальных захоронений, а в Крейчи, Звейниеки и могильниках Волго-Окского бассейна — единичные погребения на животе.

Могилы в основном индивидуальные, реже встречаются парные или тройные. На Оленьем острове последних было всего три, в Аборе — две; несколько могил в Звейниеки включали до пяти погребений в одной яме. Групповые могилы отмечены в Певерсдорфе, Сахтыше 2 и других местах.

Планировка погребальных ям на площади могильников, особенно крупных, обычно рядовая — в один или несколько рядов (Сахтыш 8, Попово, Тенишевский). В погребальном ритуале этой области выделяется обычай связывать или "пеленать" покойников, что отмечено в могильниках мариупольского типа, Звейниеки, Ведбеке (Дания), Тумек-Кичингжике, Средней Азии, Серовском могильнике Прибайкалья и др.

Почти во всех без исключения некрополях зафиксирована красная охра. В некоторых случаях, например в Языково, Кончанском, Репище, Иловец [Урбан, Ивановская,

1970, с. 30, 35], Наволок [Сидоров, 1979, с. 70] и др., от погребений сохранились, как отмечалось, лишь продолговатые ямы, слегка окрашенные охрой, и некоторые украшения.

Довольно часто в погребениях встречаются в основном украшения из зубов животных, янтаря, кремневые и костяные орудия труда. Но глиняные сосуды как погребальные дары, за незначительным исключением, не встречаются. В засыпке ям иногда находят неолитические черепки, которые, очевидно, попали туда случайно. В лесной полосе это фрагменты ямочно-гребенчатой или волосовской керамики, в Карелии — культуры Сперрингс и др. На площади могильника Съезжее, правда, найдено относительно много развалов сосудов, но ни один из них непосредственно с погребенным не связывается. Как и в могильниках мариупольского типа, они появились, видимо, в результате проведения тризны по покойникам. Лишь в наиболее поздних некрополях гавеландской культуры в Центральной Европе (Певерсдорф, Таргенмюнде) покойников сопровождали глиняные сосуды.

Следует подчеркнуть, что погребальный обряд на очерченной территории европейской части СССР был довольно устойчивым, стабильным, твердо канонизированным. Существовал он на протяжении нескольких тысячелетий — от мезолита (VI—V тыс. до н.э.) до конца медного века — ранней бронзы (III тыс. до н.э.). Более того, начинался он, без сомнения, еще в позднепалеолитическое время (Сунгир, Костенки). И только в конце III—II тыс. до н.э. постепенно заменяется обрядом скорченных захоронений. Причем, видимо, не везде и не полностью. Об этом свидетельствуют, например, вытянутые на спине погребенные в культурах шнуровой керамики Поднепровья и Волыни [Артеменко, 1977], а также открытие на территории Латвии большого (230 погребений) Кивут-Кальского могильника эпохи бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) с вытянутым обрядом захоронения.

Зона В. В отличие от северной европейско-сибирской области могильников южной зоны В, которую мы условно назвали дунайско-древневосточной, погребальный обряд характеризуется совершенно иными признаками. На огромной территории, которая длинным поясом тянется южнее зоны А от Подунавья и южной Европы до Двуречья и Средней Азии, известны десятки могильников, иногда включающих сотни погребенных. Общий обзор их мы проводили ранее [Телегин, 1966; 1968, с. 180—182], когда речь шла о могильниках VI—III тыс. до н.э. многих культур Подунавья, Прикарпатья и Балкан, наряду с ними упоминались многие некрополи этого времени с таким же обрядом захоронения в Малой Азии (Мерсин, Алишар, Алатлибель, Бабакой и др.), Месопотамии, Сирии и Палестины (Рас-Шамра, Библ, Тепе-Гавр), Закавказье (Мингечаур и др.), Ирана (Сялк, Гиссар) и Средней Азии (Намазга-Тепе, Кара-Тепе и др.).

За последние два десятилетия количество могильников в дунайско-древневосточной зоне значительно возросло. Принадлежность их к отдельной области еще более очевидна в свете обобщающих разработок по неолиту и энеолиту В.С.Титова, Е.Комши, Л.И.Авиловой, Д.Меллаарта, Н.Я.Мерперта, Р.М.Мунчаева, П.Синга, В.А.Алекшина и др.

На основании этих и многих других исследований можно считать установленным, что к выделяемой по погребальному обряду дунайско-древневосточной зоне В полностью относятся многие культуры неолита и медного века Европы и Азии. На Балканах, в Подунавье и Прикарпатье это культуры Гура-Бачулуй, Криш-Старчево, линейно-ленточной и линейной альфельдской керамики, культуры Винча, Лендель, буковогорская культура, культуры Дудешти, Вадастра, Боян-Видра, Боян-Джулешти, Кукутени-Ариушта-Петрешти и др. [Boev, 1974; Comsa, 1974; Dumitrescu, Bolomey, MogoSany, 1983, p. 155—162].

Обряд адорации, кроме того, довольно широко распространен в ряде иных культур неолита — меди; тисской, тисаполгарской, Бодрогкерастур, Гумельница и др., хотя здесь представлены и вытянутые на спине захоронения (см. ниже).

Среди новых исследований памятников неолита — халколита Месопотамии можно назвать, кроме упоминавшихся выше, некрополь Тель-эс-Савван, Шимшара, Самарра, Арпачия [Mellaart, 1976], Ярим-Тепе и др. [Мунчаев, Мерперт, 1981].

В неолите и энеолите на Кавказе и в Средней Азии, погребальный обряд развивался, видимо, всецело под влиянием верований цивилизации Древнего Востока. Об этом свидетельствует господство здесь обряда скорченных на боку захоронений, которые часто сопровождались керамическими сосудами. В Закавказье несколько десятков таких захоронений раскопано, например, в нижнем слое Кюль-Тепе, скорченные на боку

погребения открыты на поселении Аликме-Тепеси [Мунчаев, 1975, с. 106, 117]. Энеолитическим временем Р.М.Мунчаев [1975, с. 188—189] датирует и группу ранних погребений Нальчикского могильника на Северном Кавказе, где зафиксирован тот же погребальный обряд. Энеолитические погребения Северного Кавказа от стран Древнего Востока отличает то, что здесь большинство погребенных окрашено красной охрой. В отдельных случаях отмечаются и вытянутые на спине захоронения — Луговской могильник [Крупнов, 1954].

Обряд скорченных на боку погребений, обычно окрашенных красной охрой при наличии глиняных сосудов, бытовал и в нео-энеолитических культурах Средней Азии — Намазга-Тепе, Кара-Тепе, Геоксюр 1 и др. [Массон, 1960; Сарианиди, 1965].

В целом, для могильников дунайско-древневосточной области В, охватывающей Центральную Европу, Балканы, страны Древнего Востока, Кавказа и Среднюю Азию (см. рис. 14), в отличие от северной зоны основными чертами погребального ритуала в неолите и халколите были скорченные на боку (правом или левом) труположения, обычно с расположением кистей рук перед лицом. Скорченность скелетов различная — от слабой до очень сильной. Умершие сопровождалась погребальным инвентарем, а также, видимо, пищей, которую ставили в глиняных сосудах. Последние обнаружены во многих могильниках (Тепе-Гавр, Тель-Галаф, Сузы и др.). Не исключено, что сосуды использовались в чисто ритуальных целях, о чем свидетельствует, например, их местонахождение: в руках перед лицом покойника. Такая, типично молитвенная, коленопреклоненная, поза неоднократно отмечалась, например, в могильнике Джемдет-Наср [Hrozny, 1943].

Погребения, как правило, одиночные, редко двойные и тройные, хотя раскопан, как упоминалось выше, могильник раннеобейдского времени — Гакалан в Луристане, где открыты могильные ямы, которые служили для многократных захоронений. Отмечены нарушения останков более поздними захоронениями. Здесь, как и в усыпальницах мариупольского типа, кости, кроме черепа, сдвигались в сторону или выбрасывались из могилы. При скелетах обнаружены сосуды, каменные булавы, топоры, пуговицы-печати [Vanden-Berghe, 1973].

Выделяются могильники южной зоны и тем, что погребения располагались часто на площади поселений, а не за их пределами. Захоронения находят под полом жилища или стенами зданий, что позволяет считать их "строительной жертвой". Но ранее здесь появляются и могильники за пределами поселений (Самарра).

В отличие от могильника северной зоны А погребальные ямы на площади некрополя располагаются не рядами, а без видимого плана, бессистемно.

Красная охра в погребениях южной зоны В встречается намного реже, чем на севере, и интенсивность окрашенности костей очень незначительная. Интересно подчеркнуть, что, кроме красной краски, например в Тепе-Гавре, здесь в отдельных случаях применялась голубая или зеленая [Tobler, 1950, p. 78].

Следует подчеркнуть, что описанный обряд погребения в странах Древнего Востока и Средиземноморья сложился задолго до появления керамических культур, где он обычен, например, для могильников Байдга, Абу-Хурейра, Иерихон, Алишар, которые датируются VIII—VII тыс. до н.э. [Mellaart, 1975; Singh, 1976; Boev, 1972]. Обряд был довольно устойчив. В Месопотамии, в частности, лишь в отдельные периоды, например обейдское время (конец V—IV тыс. до н.э.), появляются могилы с вытянутыми на спине захоронениями. Последние отмечены в Уре [Вулли, 1961], Сузах [Морган, 1927, с. 51], Эриду и др. Однако в более позднее, послеобейдское, время в странах Двуречья, включая его юго-восточную часть (Шумер), снова господствует скорченный на боку обряд погребения. В раннединастическое время в Уре обнаружены, например, тысячи скорченных захоронений. У многих в руках перед лицом находился глиняный сосуд.

Мы уже говорили о двух группах могильников нео-энеолитического времени в пределах Евразии, образующих две зоны, или области, — северную А и южную В. Такие же зоны, или областч, прослеживаются и на поселениях различных культур. Причем эти культуры различаются по ряду кардинальных признаков, в том числе способам ведения хозяйства, составу материальной культуры, верованиям и т.п. Во многих случаях носители культур этих областей различались и по антропологическим признакам.

Как известно, племена северных районов Евразии (Сибирь, Приуралье, лесная зона Восточной Европы, Прибалтика) были на протяжении неолитической эпохи охотниче-

рыболовческо-собираТЕЛЬскими. Они связаны с носителями разных культур: волго-камской в Приуралье, ямочно-гребенчатой керамики и волосовской в Волго-Окском бассейне, нарвской в Прибалтике, Сперрингс в Карелии и др. Производящие формы хозяйства проникли сюда в позднем неолите лишь в отдельных случаях и только в более южные лесостепные культуры. И наоборот, всем без исключения культурам дунайско-древневосточной области свойственны земледелие и скотоводство, часто в высокоразвитой форме. В основном эти типы хозяйства начали складываться здесь еще в докерамическое время.

Большое различие у населения двух областей Европы проявлялось и в материальной культуре, прежде всего керамике — наиболее чутком показателе палеоэтнографического состава древних племен. Глиняные сосуды северных культур зоны А — весьма примитивной горшковидной формы, как правило, с острым дном, толстостенные, изготовлены из плохо вымешанной глины. В орнаментации преобладают прямолинейные композиции, выполненные различными штампами — гребенки, острой палочки, лопаточки и т.п. Керамическая посуда южных культур зоны В по форме, технологии, а также орнаментальному стилю совершенно иная. Здесь бытует несколько форм и типов сосудов — горшки, кубки, миски и др.; за незначительным исключением, все они плоскодонные. Сосуды изготовлены из хорошо промешанной глины, тонкостенные. Совершенно иной и орнамент, где часто встречаются весьма сложные меандровые, волотовые, спиральные композиции, выполненные линиями и бороздками. Часто такие узоры наносились красками, что в зоне А не встречается.

Охотничье-рыболовческие культуры отличались от земледельческо-скотоводческих и по ряду иных признаков, в том числе домостроительству и планировке поселений, степени совершенства пластики и уровню развития идеологических представлений и т.д. Таким образом, с точки зрения погребального ритуала, основных форм хозяйства и состава материальной культуры перед нами выступают два совершенно разных блока первобытных культур, два культурных мира с несомненно сложным процессом развития в VI—III тыс. до н.э. Кроме различий в духовной и материальной культуре южных и северных групп племен, их носители отличались по антропологическим признакам. По определению специалистов, могильники северной — европейско-сибирской — зоны А оставлены европеоидным, позднекроманьонским или монголоидным (в Сибири) населением [Дебец, 1960; Гохман, 1966; Рыкунина, Зайберт, 1984], а в южной зоне В — разными группами протосредиземноморского, средиземноморского, евроафриканского и альпийского типов [Boev, 1972; Necrasov, Cristescu, 1957; Comsa, 1974; Dumitrescu, Bolomey, MogoSany, 1983, p. 155; Mellaart, 1965].

По всем признакам погребального ритуала и антропологическому составу населения могильники мариупольского типа полностью входят в северную (европейско-сибирскую) область погребальных памятников, где составляют отдельную локальную группу, и выделяются среди них значительным преобладанием групповых захоронений, впоследствии перерастающих в коллективные усыпальницы. На других территориях этой области погребальных памятников, где господствует обряд одиночных захоронений, групповые могилы встречаются редко (Съезжее, Сахтыш 2, Володари, Звейниеки и др.), а коллективные усыпальницы типа Никольской, Лысогорской и других не известны. И наоборот, в лесной зоне Восточной Европы встречаются погребения на животе (Черная гора, Звейниеки, Крейчи), совершенно отсутствующие в могильниках мариупольского типа. По составу, который не повторяется в других некрополях, отличается и набор инвентаря могильников мариупольского типа. Это прежде всего украшения — подвески из недоразвитых зубов оленя, зубы рыб, кольцевые бусы из камня и раковин, которые отсутствуют в неолитических погребениях лесной полосы европейской части СССР, Прибалтики и других территорий этой области.

В целом, могильники мариупольского типа как локальное культурно-историческое явление охватывает южную часть Среднего Поднепровья, Надпорожья, Приазовье и северная часть Степной Крым. Возможно, в этот регион следует включать Нижнее Подонье, где исследован некрополь с коллективными могилами на р. Чир, очевидно, близкий к могильникам Украины и в культурном плане. Что касается могильников Нижнего Поволжья (Съезжее, Тенишевский), то по преобладанию здесь индивидуальных захоронений они находят в некрополях мариупольского типа более отдаленные аналогии. Исследователи могильника Съезжее относят его к самарской культуре. Другие погребения

ния и могильники смежных территорий, например Предкавказья и Северного Кавказа (Нальчик, Майкоп), хотя и сближаются с некрополями мариупольского типа по некоторым видам украшений (плоские кольцевые бусы из гешира, змеевика (?), сердолика и раковин, подвески из зубов оленя и др.), во многих отношениях (скорченный обряд погребения, иной состав инвентаря) значительно отличаются от них [Круглов, Пиатровский, Подгаецкий, 1941, с. 118]. Да и датируются они уже послемариупольским временем.

Могильники мариупольского типа, оставленные носителями трех родственных культур днепро-донецкой этнокультурной общности — надпорожской, киево-черкасской и донецкой, — принадлежат к типу поздних кроманьонцев [Дебец, 1966; Герасимов, 1955; Кондукторова, 1956; Гохман, 1966; Зиневич, 1967]. В.В.Бунак относит их к вовнигскому типу. Это рослое, крупное, широколицее, с большим черепом, долихокранное население с весьма развитой горизонтальной профилировкой лица.

По обряду погребения и антропологическим признакам днепро-донецкое население генетически сближается с племенами многих культур северной зоны А с так называемой гребенчато-накольчатой керамикой лесостепного и степного междуречья Днестра и Волги — среднечеркасской, ракушечной, сероглазовской, самарской и др. По этим же признакам они близко стоят к некоторым культурам Белорусского Поманья, Восточной Польши и Прибалтики (неманская, лининская, нарвская).

По обряду погребения и в некоторой степени антропологическому составу культуры днепро-донецкой общности сближаются с иными, в частности с культурой воронковидных сосудов Европы. Это сходство, на наш взгляд, некоторые исследователи сильно преувеличивают, например когда ставят вопрос о роли в сложении культуры воронковидных сосудов племен днепро-донецкой общности [Lichardus, 1976] или, наоборот, о возникновении культуры днепро-донецкого типа под влиянием культуры воронковидных сосудов [Долуханов, Третьяков, 1979]. Ошибочность таких взглядов уже отмечалась [Häusler, 1981].

Генетические корни культуры днепро-донецкой общности восходят к мезолитическому и, видимо, позднепалеолитическому населению лесной полосы Восточной Европы и Прибалтики, о чем упоминалось выше. Есть основание предполагать, что непосредственными предками днепро-донецких племен были носители днепро-припятской и донецкой мезолитических культур, обитавших на Волыни, в Полесье и лесостепном междуречье Днестра и Северского Донца [Телегин, 1982, с. 234]. В раннем неолите (V тыс. до н.э.) это население интенсивно проникало на юг в Степное Поднепровье.

Пришлые позднекроманьонские племена вовнигского типа вытеснили полностью местных обитателей сурской культуры в Надпорожье. В начале IV тыс. до н.э. заметное влияние киево-черкасской культуры испытывают и буго-днестровские племена (самчинский тип культуры). Широкий кроманьонский клин днепро-донецкого населения, таким образом, сильно раздвинул и ассимилировал местные культуры южного происхождения. Острие этого мощного клина достигло севера Степного Крыма (Долинка) и Нижнего Дона (Чир, Ракушечный яр). Пришлые племена образовали группу культур с гребенчато-накольчатой керамикой, у них сложился единый в своем роде погребальный обряд; заметно различалась и их материальная культура: орудия труда, украшения и т.п. В оптимальных условиях для рыболовства, особенно в условиях Днепровского Надпорожья, население поздних кроманьонцев численно значительно возросло. Его культура под влиянием более южных цивилизаций, в том числе производящей формы хозяйства, заметно усложнилась. Безраздельное преобладание племен поздних кроманьонцев вовнигского типа продолжалось в Южном Поднепровье и на смежных территориях около тысячи лет, т.е. до середины — второй половины IV тыс. до н.э., когда здесь появляются культуры медного века — среднестоговская и др.

Проникновение на юг Украины позднекроманьонского клина сыграло важную роль в историческом развитии населения, поскольку произошла основательная смена этнического состава — господствовавшие здесь узколищные (Волошское) и умеренношироколищные (Васильевка 1, 3) обитатели мезолитического времени были полностью вытеснены. Появление в степной зоне больших масс позднекроманьонского населения не прошло бесследно для многих иных культур, в том числе земледельческо-скотоводческих и скотоводческих — например трипольской, среднестоговской и др.

Именно так объясняет В.А.Круц [1977, с. 75] появление позднетрипольского мо-

гильника с вытянутым обрядом погребения у с. Чапаевка в Киевском Поднепровье. Он не отрицает даже прямого проникновения в трипольскую среду части днепро-донецкого населения. Видимо, это действительно так, поскольку и на более западных территориях среди черепов носителей данной культуры (Незвиско, Солончены, Усатово) встречаются "типичные представители днепро-донецкого неолитического населения" [Круц, 1972, с. 134]. Вытянутый обряд захоронения отмечается и в других могилах трипольской культуры (Щербаневка, Незвиско и др.).

С проникновением культурных влияний северных племен кроманьонского типа следует связывать и появление на Нижнем Дону (Ракушечный яр) и Северном Кавказе (Луговое) вытянутых на спине погребений. По определению антропологов, среди носителей ракушечной культуры также присутствует массивный европеоидный тип [Белановская, 1972].

Значительные позднекроманьонские реликты встречаются и среди населения средне-стоговской и ямной культур IV—III тыс. до н.э. По мнению И.Д.Потехиной [1983], генезис среднестоговцев следует связывать с днепро-донецкими племенами, населявшими в неолите территорию Надпорожья — Приазовья. С.И.Круц [1972, с. 144] выделяет в составе ямной культуры массивный антропологический тип, который связывает с неолитическим населением мариупольских могильников. Безусловными традициями обряда погребений могильников мариупольского типа надо считать и бытование в эпоху меди — бронзы на юге Украины наряду со скорченным труположением вытянутого обряда захоронений. Целая группа таких захоронений исследована И.Ф.Ковалевой [1984] под курганами в Орельско-самарском районе Степного Поднепровья. Такие захоронения известны в нижнемихайловской и ямной культурах [Телегин, 1987].

Элементы культуры мариупольских могильников прослеживаются на юге европейской части СССР и в иных энеолитических памятниках, например в погребениях новоданиловского типа IV тыс. до н.э. [Археология УССР, 1985, с. 311—320]. Так, Ю.А.Шаталин [1984] в одном из курганов у станицы Старонижнестеблевской Краснодарского края в ряде наиболее ранних доямных, скорченных на спине погребений собрал обычный мариупольский набор украшений, в том числе кольцевые и шаровидные бусы из ракушек, гешира и кости, подвески из зубов оленя, а главное — типичные мариупольские пластины из клыка кабана с насечками и нарезками по краям.

Таким образом, с проникновением на юг Украины позднекроманьонских племен в конце неолита — медного века здесь складывается своеобразная область культур со смешанным составом населения, для погребального обряда которого характерен биритуализм, когда рядом уживаются два обряда — вытянутых на спине и скорченных (на боку или спине) захоронений.

Подобное явление было типично не только для европейской части СССР, но и для иных смежных территорий Европы, где в непосредственный контакт вступали племена северной и южной культурных зон — А и В. Сочетание черт погребального обряда наиболее отчетливо прослеживается, например, в ряде культур Центральной и Юго-Восточной Европы, т.е. территорий, которые мы отнесли в целом к южной (дунайско-древневосточной) зоне погребальных памятников. В северной части Центральной Европы бесспорно биритуализм отмечается, например, в культурах накольчатой керамики — гинкельштейнской и др., где подавляющее большинство захоронений (156 из 160) залегало в вытянутом на спине положении. Такие же захоронения при преобладании скорченных отмечены в рессенской культуре [Stekla, 1956]. Исследователи считают, что у племени вальтерниенбург-бернбургской культуры также существовало два способа ингумации — в вытянутом положении на спине и в скорченном на боку. Причем первый обряд характерен для более северных памятников, а второй — для южных [Fisher, 1956, S. 98; Häusler, 1981]. По погребальному ритуалу, таким образом, эта культура относится и к зоне А (гавеландская группа), и к зоне В.

Вытянутые на спине и скорченные на боку захоронения известны и в культурах полгарского круга — тисской, тисаполгарской и бодрогкерастурской Западного Прикарпатья и Среднего Подунавья. Один из могильников тисской культуры (Кишкоре-Дамм) состоял только из вытянутых на спине захоронений [Kotek, 1974]. В могильниках других культур этого региона вытянутые на спине захоронения встречаются реже. В могильнике Тисаполгар-Басатания таких могил было, например, 45 из 156 [Bognar-Kutzin, 1963; Авилова, 1981]. По нескольким их исследовано и в иных некрополях — Тисавалк-Зекегета, Лебо-1 и др. [Patay, 1975].

С точки зрения погребального ритуала весьма сложная картина наблюдается на Нижнем Дунае и в Южном Прикарпатье, где наряду с культурами, для которых характерен только обряд погребения в позе адорации (см. выше), известно очень много захоронений в вытянутом на спине положении.

Оба обряда отмечаются, например, в культурах Боян-Болинтиняну, Хаманджия, Варна, Гумельница и др. Причем соотношение вытянутых на спине и скорченных на боку захоронений в могильниках этих культур различное. В могильнике Черника около Бухареста, который относят к культуре Боян-Болинтиняну, например, почти все погребения (более 300) залегали в вытянутом положении на спине [Santascuzino, Morinz, 1963]. В таком же положении находилось большинство захоронений и в могильниках Чернавода и Колумбия Д культуры Хаманджия [Comsa, 1974; Dumitrescu, Bolomey, Mogoșanu, 1983, p. 159]. Около половины вытянутых на спине погребений наряду со скорченными на боку обнаружено в могильниках Варна и Дуранкулак в Болгарии [Дымов, Бояджев, Тодорова, 1984; Иванов, 1982]. Значительный процент вытянутых на спине погребений исследован и в некоторых могильниках (Девня) культуры Гумельница, хотя большая часть — это захоронения в позе адорации, как в могильниках Кубрат-Балбунар, Лиляк, Голяш, Дельчево, Винница и др. [Авилова, 1984]. Обряд вытянутого на спине и скорченного на боку захоронений в могильниках Центральной и Юго-Восточной Европы — не случайное явление, о чем свидетельствуют прежде всего сосуды (Тисаполгар, Черника, Хаманджия, Дуранкулак), что для могил с подобным обрядом в зоне А, как мы отмечали, не типично. Кроме того, в некоторых некрополях зафиксирована рядовая планировка могил [Patai, 1974], что, как мы видели, для могильников южной зоны А не характерно. Причем, что весьма показательно, такая планировка могил распространилась затем на многие захоронения в позе адорации. Важно подчеркнуть, что в регионе со смешанным обрядом захоронений обе основные позы несколько нарушаются. Скорченность погребенных в основном слабая, а кисти рук не всегда располагаются у лица. Такое же отклонение от погребального канона характерно для многих вытянутых на спине погребений этого района, когда руки вытянуты не вдоль корпуса, что обычно для могил северной зоны А, чаще согнуты в локтях (обе или одна) кисти рук на груди или животе.

В погребениях Центральной и Юго-Восточной Европы охра встречается значительно чаще, чем, например, в "коренных" областях зоны В на Балканах и в странах Двуречья.

Эти черты в погребальном ритуале ряда культур Центральной и Юго-Восточной Европы, несомненно, следует связывать, как и на юге Украины, со своеобразным "симбиозом" обрядности, свойственным племенам северной и южной зон — А и В. Как и в Северном Причерноморье и Поднепровье, на Нижнем Дунае отмечается, наконец, сложный антропологический состав населения, где заметное место занимает северный массивный долихо-мезокраний протоевропеоидный тип человека [Некрасова, 1960].

В отличие от юга Украины, где процесс возникновения биритуализма мы всецело связываем с проникновением сюда позднекроманьонских племен днепро-донецкой общности культур, в Центральной и Юго-Восточной Европе возникновение подобных явлений было, очевидно, более сложным. Появление накольчатой керамики Центральной Европы следует связывать с проникновением в "дунайскую" среду культурных элементов северной зоны А. Возможно, эти влияния уже в ослабленном виде достигали и Среднего Подунавья, т.е. района обитания племен культур цолгарского круга. Что касается Нижнего Подунавья и Западного Причерноморья, то значительное распространение здесь вытянутых на спине погребений можно рассматривать с двух позиций: либо сюда проникали влияния днепро-донецкого населения, либо этот обряд имеет древние, еще мезолитические истоки. Подразумевается ряд культур эпохи мезолита (Лепенский вир, Шела Кладовой), где господствовал обряд вытянутых на спине захоронений, а среди антропологического состава населения также отмечается массивный европеоидный тип, о чем шла речь выше. Тем не менее важно подчеркнуть, что могильники с погребениями в вытянутом на спине положении на Балканах сосредоточивались в более восточной и северо-восточной частях и отсутствуют в южной и юго-западной.

Аналогичная возникновению смешанного погребального обряда во многих культурах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, расположенных в районе стыка северной и южной зон погребальных памятников, ситуация прослеживается, хотя и в значительно меньшей степени, во многих некрополях иных территорий. Имеются в виду,

например, проникновение обряда вытянутых погребений в культурах Двуречья и Ирана (Ур, Сузы, Эриду, Арпачия и др.), а также применение в погребениях красной охры, что в целом для некрополей зоны В не типично. При этом заметим, что максимальное распространение вытянутого обряда погребений в Месопотамии приходится в основном на конец неолита — начало халколита (обеидский период — IV тыс. до н.э.), т.е. на период максимальной активизации позднекроманьонского населения в Восточной Европе, когда оно проникает вплоть до Черного моря, Кавказа и Средней Азии (Тумек-Кичинджик). Не исключено, что эти явления в Европе и Азии взаимосвязаны.

Контакты между племенами двух зон погребальных памятников Европы не носили односторонний характер. Элементы ритуала могильников южной зоны В, в свою очередь, часто проникали на север в зону А и нередко вытесняли местный обряд, что проявилось, например, в распространении здесь скорченного обряда погребений (Звейниек, Олений остров), а также обряда ставить посуду погребенным (Тумек-Кичинджик, Тангермюнде и др.). Культурные влияния, шедшие в северном направлении от культур зоны В, не ограничивались этим. С ними следует связывать и появление производящих форм хозяйства, распространение в начале медного века металлов и др. Однако эти вопросы выходят за рамки нашего исследования.

Взаимовлияние культур областей северной (европейско-сибирской) А и южной (дунайско-древневосточной) В, несомненно, сказалось на развитии погребального обряда и культуры многих районов обеих зон, благодаря чему ход исторического развития в каждом конкретном случае различен. Анализ этих изменений на обширных территориях Восточной Европы и смежных территориях Евразии помогает решить ряд общих вопросов истории населения VI—III тыс. до н.э., в том числе вопрос сложения лингвистических групп народов: индоевропейской, финно-угорской и др.

VI. УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

Днепропетровская область

Пять древних могильников, в том числе три мезолитических (№ 1, 3, 4) и два (№ 2, 5) неолитических (рис. 15, 1).

Могильник **Васильевка 2** (около с. Васильевка Синельниковского р-на) исследован в 1953 г. А.Д.Столяром. Материалы не опубликованы. Научный отчет автором не составлен. Данные о памятнике взяты из дневниковых записей и зарисовок А.В.Бодянского, принимавшего участие в раскопках. Могильник расположен на уровне первой лессовой террасы левого берега Днепра напротив с. Васильевки вблизи правого мыса балки Беляевой. Исследовано 32 погребения, которые располагались в лессе группами, в овальных ямах, образующих ряд. Скелеты залегали в один ярус, лишь в центре отмечены перерезание и перекрывание одних скелетов другими. Погребения вытянуты на спине, головой на север — вдоль течения реки. Подавляющее большинство скелетов засыпано желтой глиной, охры мало.

Собрано много зубов карповых рыб. Подвесок из зубов оленя нет, лишь в одном погребении найдены четыре резца оленя. Кроме того, обнаружены обломки щитков черепахи. Среди других могильников Васильевка 2 выделяется несколькими костяными браслетами с выгравированным орнаментом. По согласованию с автором раскопок, мы воспроизводим полевые зарисовки этих интереснейших находок (рис. 15, 2–7).

Антропологический материал И.И.Гохмана [1966].

Могильник **Васильевка 5** расположен немного южнее второго. Первые погребения, обнаруженные нашей разведкой в обрыве оз. Ленина, залегали на глубине 1,2–2,2 м в лессовидном суглинке, обычно без следов ям. Возможно, последние были опущены с уровня около 1 м от современной поверхности, где в лессе отмечены кремневые находки и расчищено кострище размерами 1,3 × 0,5 м.

Раскопан автором в 1967 г. [Телегин, 1968]. Исследовано, судя по черепам, 37 скелетов (рис. 16), которые залегали по одному (№ 9, 10, 28–32, 34, 37), два в одной яме (№ 7, 8, 35, 36) или группами. Групповая могила включала шесть скелетов (№ 13–16, 19, 20), залегавших кучно на одной глубине. Все они ориентированы строго на восток, черепа лежали на одной линии. Ниже на 20–25 см и чуть в стороне находились останки еще пяти скелетов (№ 11, 12, 17, 18, 21).

Большинство скелетов (21) могильника повреждено в древности, обычно при повторных захоронениях, либо размывом берега в настоящее время. Среди разрушенных в древности скелетов — семь одиночных черепов, залегающих во вторичном положении. Десять скелетов сохранилось в анатомическом порядке. Зафиксировано положение на спине, ноги прямые, сведены вместе, руки чуть согнуты в локтях, кисти на нижней части живота, ориентированы головой к востоку или северо-востоку. Отмечены случаи перекрывания одного скелета другим — более поздним.

Три скелета сопровождался инвентарем (№ 8, 10, 29). Так, в погребении № 10 найдено 17 мелких кремневых изделий, в том числе кремневый нож на толстой пластине, шесть скребков на небольших отщепах, четыре концевых скребочка на укороченных пластинах, заготовка трапеции с крутой краевой ретушью на боковой стороне, небольшой инструмент в виде трезубой пилючки из тонкой пластины и четыре отщепа (рис. 17, 1–20). Почти все находки лежали под затылком погребенного, лишь два кремня — слева от головы, выше плеча. В комплексе кремневого инвентаря могильника есть еще маленькая трапеция со струганой спинкой, сильно патинированная (рис. 17, 18), и обломок, по-видимому, такого же изделия, найденный под скелетом № 16. Кроме мелких, микrolитического облика находок, имеются две сравнительно крупные вещи — обломок ножа, изготовленного из хорошо ограненной пластины средних размеров (скелет № 29), и скребок из крупной неправильной формы пластины, найденной

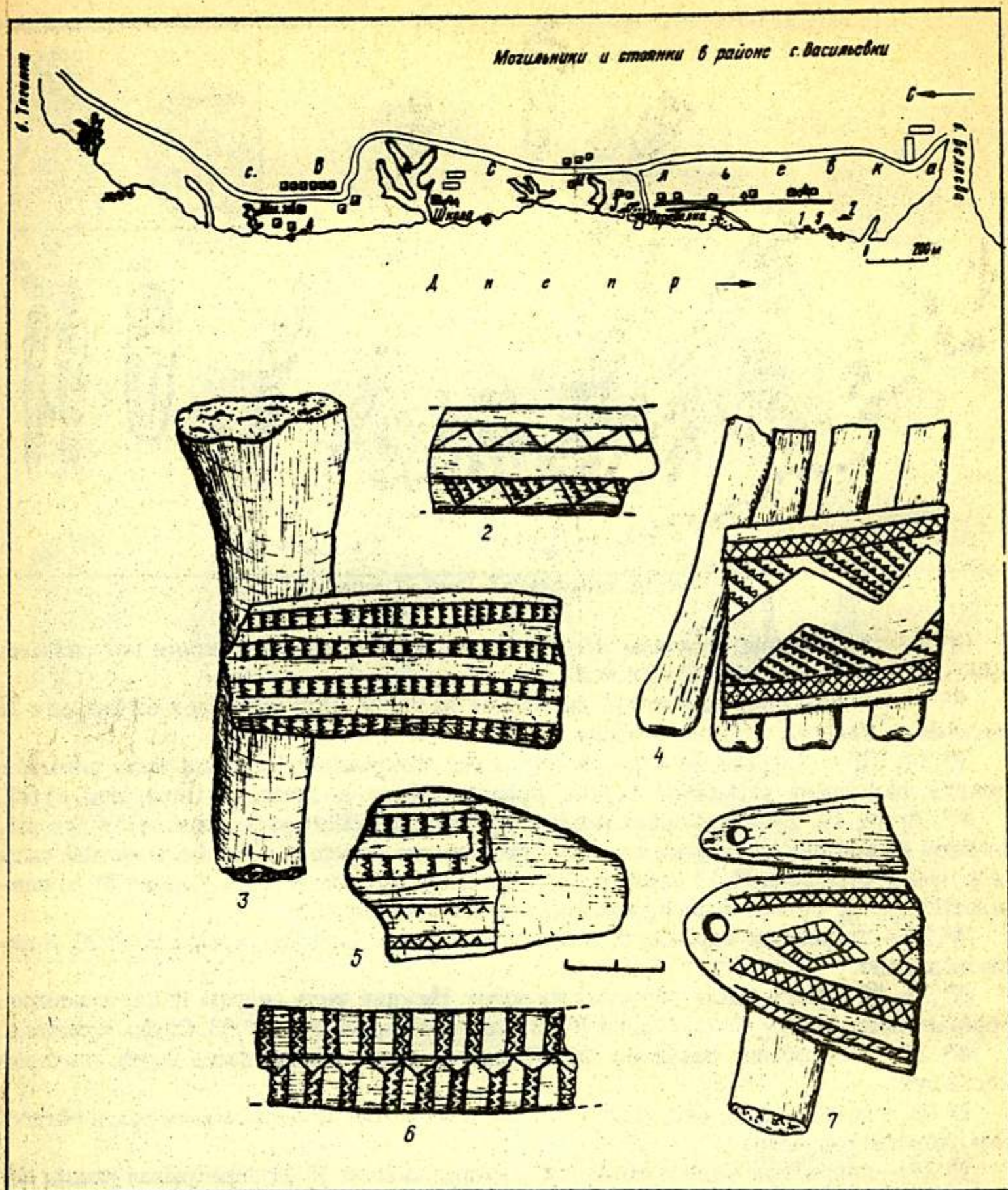

Рис. 15. Расположение могильников у с.Васильевка (1). Костяные браслеты с орнаментом из Васильевки 2 (2-7)

при расчистке групповой могилы. Из 37 скелетов могильника 18 в большей или меньшей степени посыпаны красной охрой.

Антропологический материал И.Д.Потехиной [1987].

Описание погребений.

№ 1, 3, 5, 17, 18, 22, 24, 26 — одиночные черепа взрослых.

№ 2 — погребение взрослого, вытянутое на спине.

№ 4 — погребение женщины 25—30 лет на спине, сохранилась верхняя часть, нижняя разрушена размывом берега.

№ 6 — погребение старой женщины, разрушено размывом берега; сохранились череп и обломки костей левой руки.

№ 7, 8 — погребения взрослых; залегали, по-видимому, в одной яме. Скелет № 8 частично разрушил скелет № 7. На последнем следы охры, скелет № 8 зафиксирован на спине, ноги прямые, руки слегка согнуты в локтях, кисти в области таза, слабо окрашен. На правой половине таза лежала трапеция со струганой спинкой, сильно патенированная (см. рис. 17, 18).

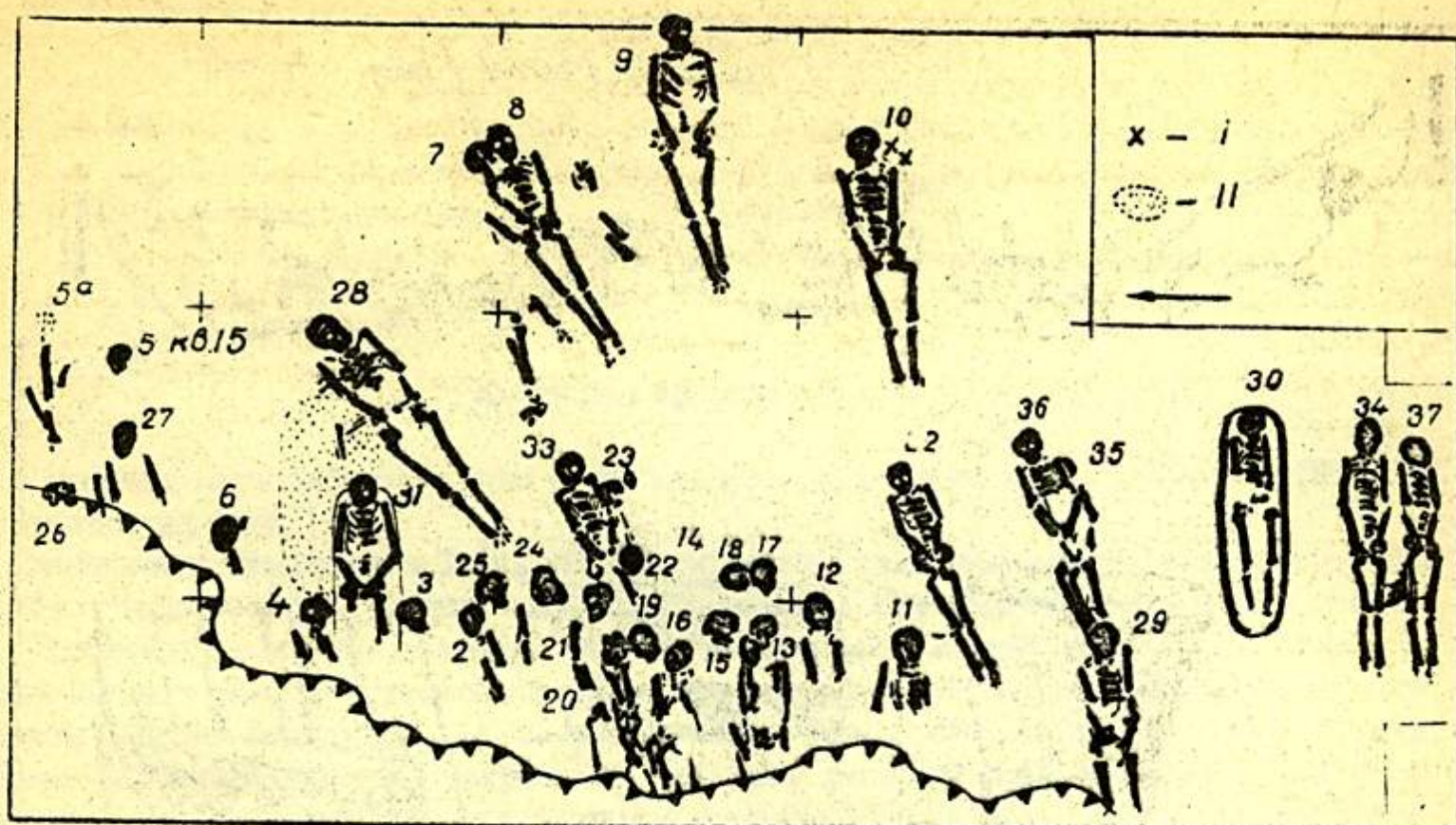

Рис. 16. Васильевка 5. План могильника

№ 9 — погребение мужчины 45—55 лет, вытянутое на спине, кости ног связаны, стопы вытянуты, кисти в области таза.

№ 10 — погребение взрослого, вытянутое на спине. Под черепом и около него 16 кремневых изделий, описанных выше.

№ 11, 12 — погребения взрослых на спине. Сохранилась верхняя часть скелетов, нижняя разрушена размывом берега, ориентированы к востоку. Окрашены охрой.

№ 13—16, 19, 20 — групповая могила взрослых. Лежали компактной группой в ряд, головой на восток, вытянутые на спине. Все хорошо окрашены. Многие в нижней части разрушены обрывом. № 13 лежит непосредственно на скелете № 14. Скелет № 16 пересекает скелет № 19, который, в свою очередь, лежит выше № 20.

№ 21 — погребение взрослого, вытянутое на спине. Частично перекрыто № 20. Хорошо окрашено.

№ 23, 25 — погребения взрослых на спине. Нижняя часть скелета № 23, возможно, обрезана погребением № 21. Скелет № 23 наискось перекрывал № 33. Слабо окрашены.

№ 27 — погребение женщины 20—30 лет на спине. Сохранились череп, плечевые кости рук.

№ 28 — погребение молодой женщины на спине, ноги прямые, кисти рук в области таза. Хорошо окрашено.

№ 29 — погребение взрослого на спине. Череп скелета № 29 перекрывал концы ног № 35 и 36. Около таза скелета № 29 слева лежал обломок кремневого ножа.

№ 30 — погребение подростка на спине, слабо окрашено. По окрашенности на уровне скелета прослеживались контуры овальной ямы.

№ 31 — погребение взрослого на спине. Сохранились верхняя часть скелета и левая бедренная кость. Окрашено.

№ 32 — погребение женщины 25—30 лет, вытянутое на спине. Сильно стиснуто с боков. Хорошо окрашено.

№ 33 — погребение взрослого, вытянутое на спине. Перекрыто скелетом № 23, слегка окрашено.

№ 34 — погребение женщины 25—30 лет, вытянутое на спине.

№ 35, 36 — погребения взрослых в одной яме, вытянутые на спине. Скелет № 35 лежал непосредственно над № 36. Около шейных позвонков скелета № 36 найден отщеп кремня.

№ 37 — погребение мужчины 25—30 лет, вытянутое на спине, головой к востоку. Сильно стиснуто с боков. Слабо окрашено.

Судя по расположению скелетов, различию в обряде погребения, можно предположить, что могильник создавался на протяжении продолжительного времени. Скорее всего, в его развитии можно выделить два последовательных этапа: первый — с северо-

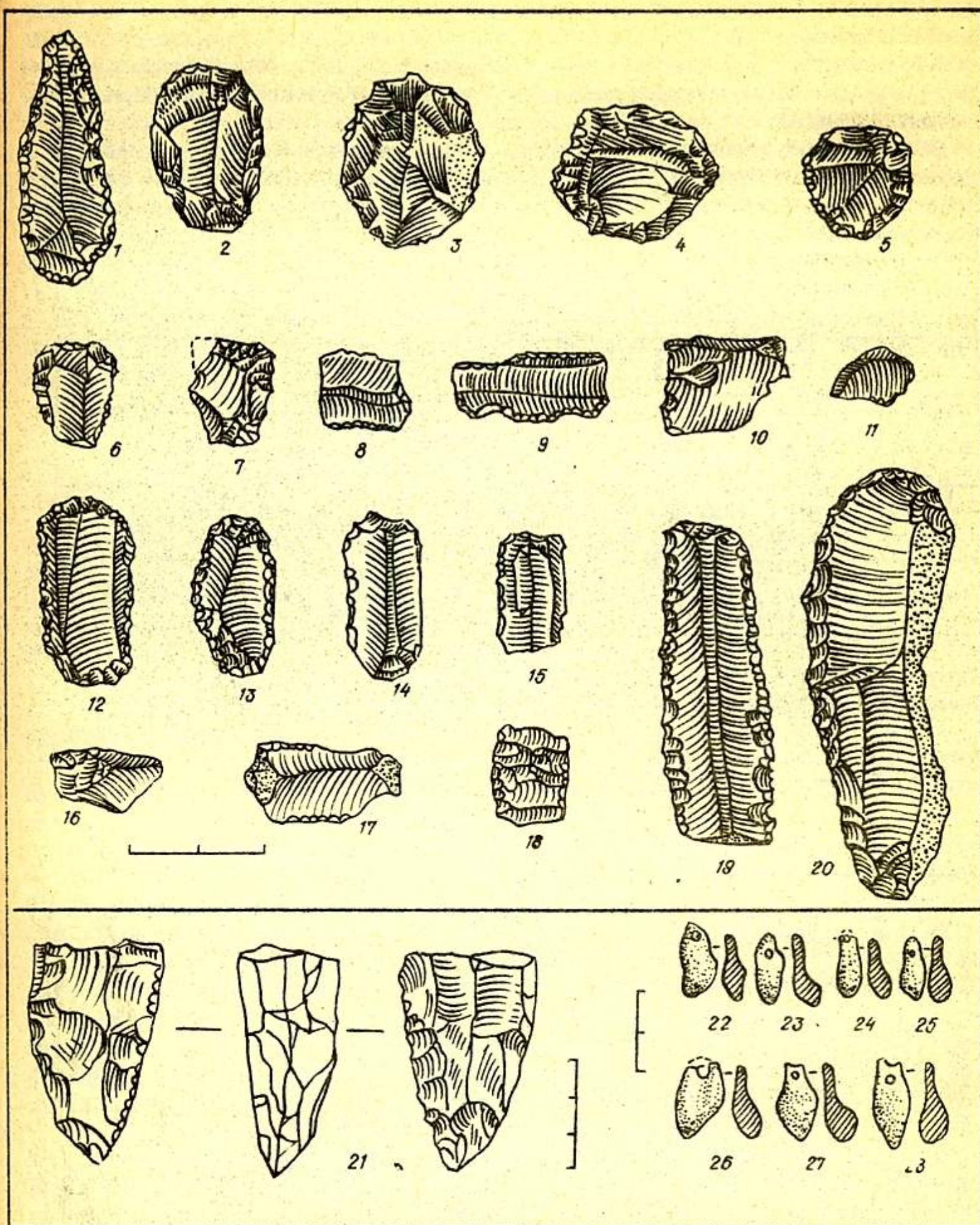

Рис. 17. Кремневый инвентарь (1-21) и подвески из зубов оленя (22-28):
1-20 - Васильевка 2; 21-28 - Капуловка

восточной ориентацией преимущественно в одиночных могилах (№ 9, 10, 28, 32, 33 и др.) или небольших парных ямах (№ 7, 8, 35, 36), второй — с восточной ориентацией (№ 23, 29, 37 и др.), во время которого появляются групповые могилы (№ 13-16, 19, 20). О такой последовательности свидетельствуют стратиграфические данные. Так, скелет № 23 второго этапа лежит непосредственно над скелетом № 33 первого этапа, перекрывая его под некоторым углом; череп скелета № 29 с восточной ориентацией перекрывал берцовые кости скелетов № 35, 36, залегавших черепами к северо-востоку. В инвентаре погребений наблюдается некоторое различие. В более ранних найдены только мелкие микролитические находки (№ 10, 8), поздние погребения сопровождались крупными, типологически более поздними кремневыми изделиями (№ 29).

с. Вовниги Солонянского р-на. Напротив села в районе бывшего вовнигского порога (до поднятия воды в оз. Ленина) исследовано значительное количество неолитиче-

ских памятников — поселений и могильников. На правом (днепропетровском) берегу в начале 30-х годов А.В.Добровольский раскопал Вовнигскую правобережную стоянку, а М.Я.Рудинский — II Вовнигский правобережный могильник. Неолитическая стоянка и ряд погребальных памятников исследованы и на левом (запорожском) берегу Днепра, о чем речь далее.

II Вовнигский правобережный могильник исследован М.Я.Рудинским [1955] на высоком коренном берегу Днепра в с.Вовниги. Памятник, насчитывающий 130 погребений, представляет собой три параллельных ряда, где скелеты залегали в несколько ярусов (рис. 18, 1). Все погребенные, кроме одного, ориентированы головой к северо-

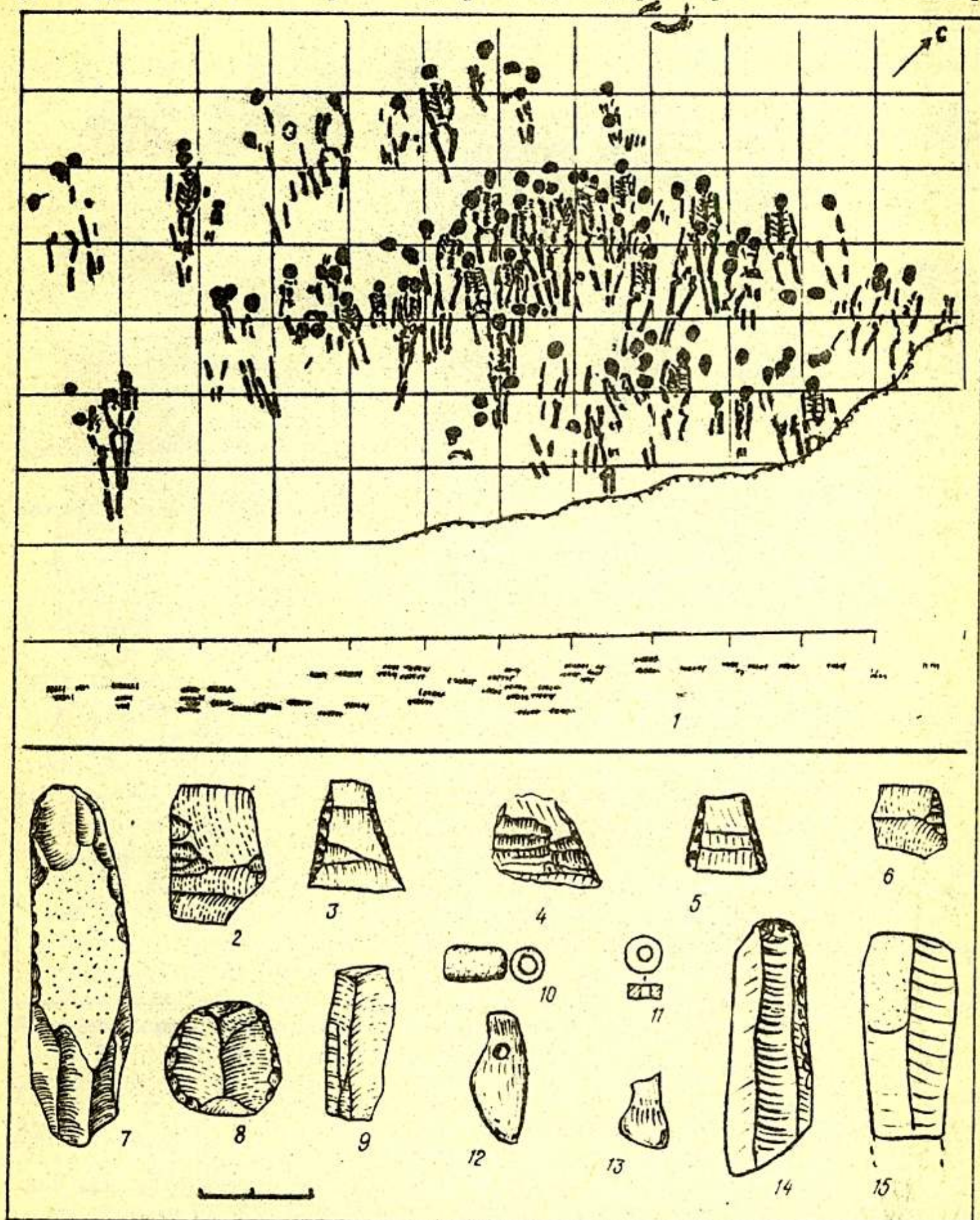

Рис. 18. II Вовнигский (правобережный) могильник: план, разрез и находки при скелетах западу, около 70 % скелетов засыпано красной охрой. Погребенные лежали в обычной позе — вытянуто на спине. Инвентарных погребений около 30. Состав находок довольно однообразный. Это прежде всего кольцевые бусы из известняка, найденные при четырех скелетах, подвески из зубов оленя (при 12 ск.), и зубы рыб (при 16 ск.), а также мелкие кремневые изделия (рис. 18, 2–15). Во многих случаях, кроме того, обнаружены

створки речных раковин. В некоторых погребениях отмечено несколько десятков кольцевых бус-пронизок, а в двух их насчитывалось 242 и 500 экз., по несколько подвесок, а в двух погребениях — 20 и 37 экз. В последнем они, очевидно, украшали головной убор погребенного. Зубы рыб найдены от нескольких до 50—70. Кремневые находки из II Вовнигского могильника немногочисленны (13 экз.), в том числе пять трапещей и их обломков, два скребка на отщепах и ножевидные пластины с ретушью и без нее. Среди них — две трапещи со струганой спинкой (рис. 18, 4). В заполнении ямы найдены два фрагмента днепро-донецкой керамики и продолговатая бусина из известняка.

Распределение находок по погребениям следующее. Ножи кремневые — скелеты № 47, 54, 73, 74; ножевидные пластины в обломках — № 22, 23, 105; скребки — № 92, 118; трапещи и их заготовки — № 30, 32, 81, 109, 112; кольцевые бусины — № 9, 10, 17, 74; подвески из зубов оленя — № 16, 21, 33, 36, 45, 58, 66, 73, 74, 106, 109, 127; зубы рыб — № 36, 53, 58, 75, 91, 105, 109, 112, 115, 120, 121, 123, 127; щитки черепахи — № 33, 35.

Исследование Вовнигских могильников показало, что между некрополями Надпорожья и Мариупольским могильником в Приазовье, который долгое время стоял обособленно в неолите Украины, есть много общих черт.

Антропологический материал Т.С.Кондукторовой [1960].

Уроч. Засуха около с. Перещепино Новомосковского р-на. Взрослое погребение многослойной стоянки на левом берегу Орели; залегало вытянуто на спине, слегка окрашено охрой (рис. 19, 7).

Игреньский п-ов (теперь Самарский р-н г.Днепропетровск). В устье Самары, на левом мысу реки расположена стоянка Игрень 8. Среди более поздних (энеолит, бронза) могил выделяется семь неолитических захоронений, раскопанных в 1932 г. — № 9, 17—19, 1946 г. — № 6 [Добровольский, 1949] и 1974—1975 гг. — № 4, 12 (раскопки автора). Все погребения безынвентарные, в нескольких случаях отмечены следы красной охры, иногда значительные.

В 1932 г. на стоянке Игрень 5 в уроч. Городок вскрыто вытянутое на спине погребение со слегка согнутыми в коленях ногами. Залегало под неолитическим культурным слоем. Обнаружено восемь крупных фрагментов щитка черепахи.

Антропологический материал раскопок 1974—1975 гг. И.Д.Потехиной [1984].

В 1952 и 1977 гг. А.В.Бодянским и В.И.Приваловым в уроч. Попов Мыс на правом берегу р.Самары обследовано несколько, видимо, неолитических захоронений, залегавших в вытянутом положении на спине со следами охры.

с. Капуловка Никопольского р-на. Неолитический могильник, обнаруженный в размыве берега Каховского моря А.В.Бодянским в 1961 г. Исследован в следующем году им же и О.Г.Шапошниковой [Шапошникова, Бодянский, 1970]. Раскопано 26 погребений, которые залегали в лессе светло-палевого цвета на глубине 1,2—1,3 м. Положение покойников обычное для этих могильников: на спине, ноги прямые, руки вдоль корпуса, кисти иногда лежат на костях таза или под ними, ориентированы головой к востоку.

Скелеты лежали плотным рядом*. Лишь один (№ 1) находился в стороне от остальных на расстоянии 3,7 м. Ноги его были несколько согнуты в коленях (рис. 5, 1; 19, 1). В ряду скелеты залегали обычно в один ярус, хотя отмечены повреждения их повторными захоронениями. Окрашенность скелетов в целом слабая, инвентарь скудный — лишь в двух случаях отмечены подвески из зубов оленя (№ 21, 22). Между ребер скелета № 15, кроме того, найден костяной наконечник копья (рис. 19, 8).

У черепа залегавшего обособленно скелета № 1 обнаружен целый плоскодонный горшок серого цвета с расчесами по венчику и гребенчатыми вмятинами у его основания [Шапошникова, Бодянский, 1970, рис. 3]. Типологически сосуд вполне сопоставим с керамикой позднего молуховского этапа среднестоговской культуры [Телегин, 1973, рис. 61, 1]. То же, очевидно, относится ко второму, похожему на первый сосуду, найденному А.В.Бодянским в 1961 г. за пределами могильника, около одиночного детского захоронения. Авторы на основании этих находок датируют весь могильник энеолитическим временем, с чем согласиться трудно. По нашему мнению, погребения в основной яме могильника и одиночная могила скелета № 1 далеко не одновременны, и если последнее захоронение действительно относится ко времени Среднего Стога II, то ос-

* По сведениям А.В.Бодянского, размыв разрушил до начала работ в 1962 г. около 40 погребений, которые образовывали еще один или два ряда.

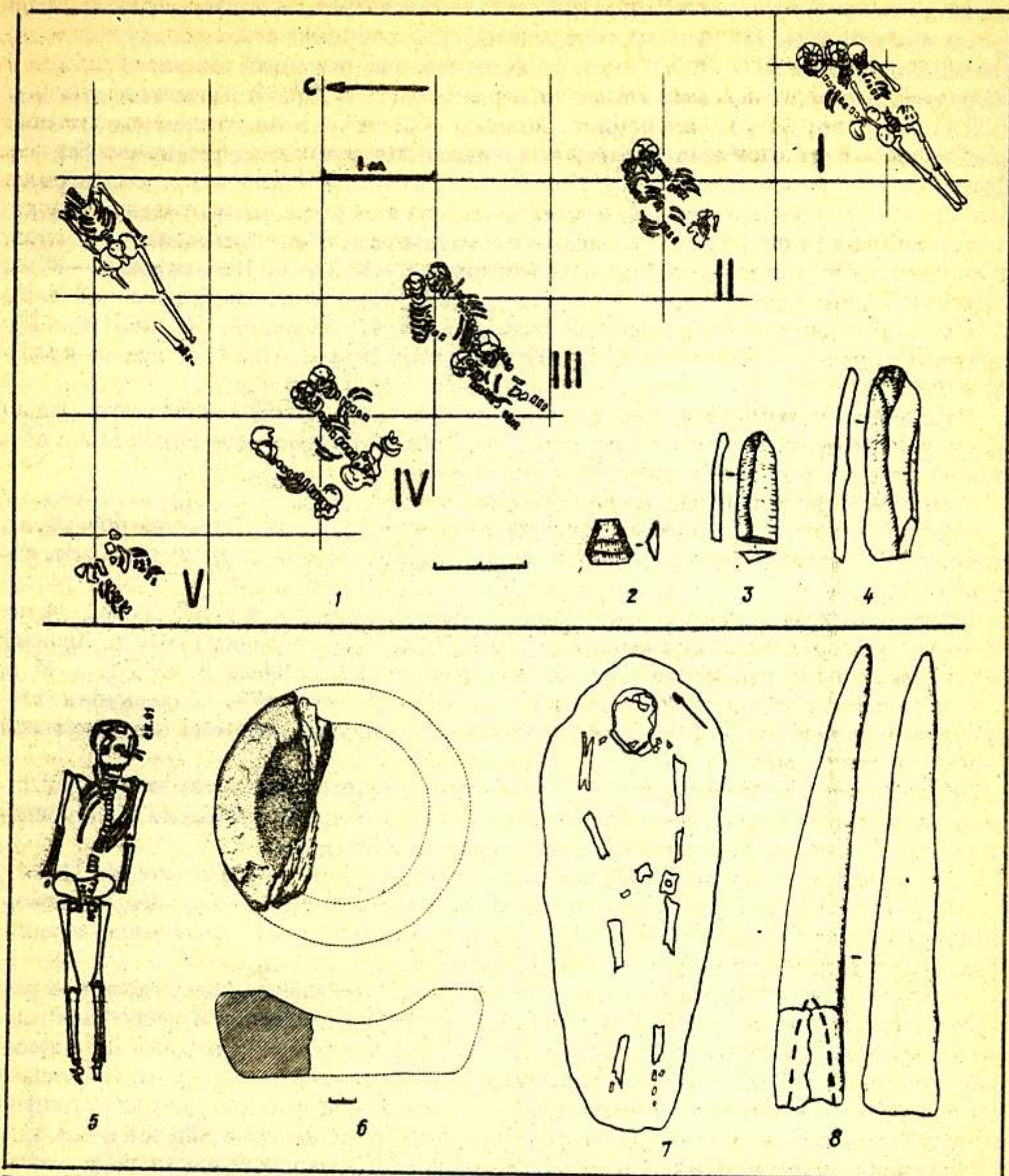

Рис. 19. Марьевский могильник (1) и кремневые изделия (2-4); погребение и ступка из Никольского (5, 6); погребение из Засухи (7); костяной наконечник копья из Капуловки (8)

тальные были погребены еще неолитическими обитателями не позднее этапа днепродонецкого неолита. Судя по составу украшений и слабой окрашенности скелетов, основная яма могильника среди памятников такого рода Поднепровья является, видимо, довольно ранней.

Антропологический материал Г.П.Зиневич [Круц, 1968].

Марьевский могильник исследован в 1950 г. А.В.Бодянским на левом берегу Днепра против с. Марьевка Синельниковского р-на. Изучены 15 скелетов, залегавших в вытянутом положении; почти все они сильно повреждены (рис. 19, 1). А.В.Бодянский [1956] считает, что в могильнике погребены убитые люди, группы которых были частично расчленены. На 11 скелетах отмечены следы охры. Инвентарь крайне скудный. В десяти погребениях найдены лишь зубы рыб, а в трех — мелкие кремневые изделия: две ножевидные пластины и трапеции (рис. 19, 2-4). Все погребения, кроме одного (№ 15), залегали в небольших групповых ямах и насчитывали два (II, V группы), три (I, IV) и четыре скелета (III)*.

* Антропологический материал Г.П.Зиневич [1964].

Никольский могильник расположен на краю высокого коренного берега реки, в 1 км южнее с. Никольское Солоненского р-на. Высота местонахождения над современным уровнем озера 12 м. Памятник частично разрушен размывом берега. Исследован автором в 1959 и 1967 гг. [Телегин, 1968, с. 77–83].

В раскопе обнаружены большое могильное углубление, заполненное окрашенной охристой почвой, и ряд погребальных ям разных очертаний. Размеры красного углубления на уровне 0,3 м от поверхности террасы, где его контуры выступали особенно четко, примерно 12 × 17 м. Оно подпрямоугольных очертаний, ориентировано длинной осью с юго-востока на северо-запад. Красное заполнение представляло собой в разрезе линзу толщиной до 0,6–0,7 м в центре, выклинивающуюся к краям. Дно углубления неровное, блюдцеобразное, в нем зафиксировано четыре ямы (А, Б, В, Г). Глубина ям от дна общего углубления могильника 1–1,2 м.

К западу от углубления обнаружены еще пять ям — Д, Е, Ж, З, И (рис. 20). Все ямы могильника, кроме ям Б, З, удлиненно-округлых очертаний. В них, кроме ям А, Ж, И,

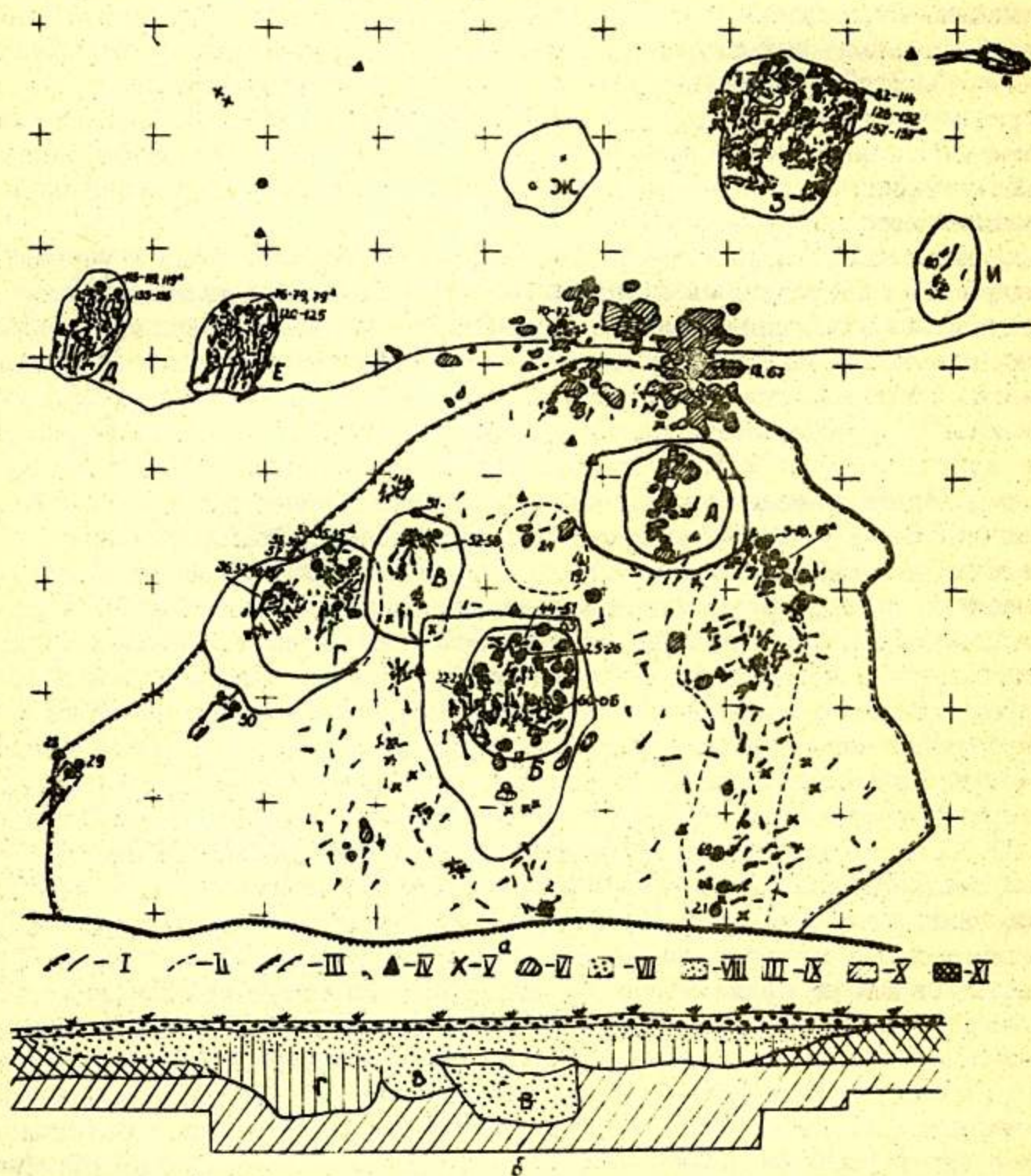

Рис. 20. Никольский могильник. План и разрез настилов (объяснения в тексте)

где обнаружено по одному погребению, находилось много скелетов. На площади могильника в разных местах исследованы три одиночных погребения без следов ям (№ 29, 30, 81), а также одно тройное (№ 70–72).

Яма А округлой формы находилась на северо-западной окраине красного углубления могильника. Ее размеры в верхней части около 2 × 2,5 м, глубина 1,75 м. В верхней части заполнения ямы обнаружен череп человека (№ 20), в центре ямы — тазовая кость, нижняя часть крупного плоскодонного сосуда, украшенного двузубым штампом в отступающей манере, а также челюсть собаки, щиток болотной черепахи, сломанное украшение из клыка кабана и створка ракушки уню. Находки лежали на кострищном скоп-

лении, включающем большое количество угольков дерева. Несколько в стороне от них, в яме, и чуть глубже обнаружена также нижняя часть округлодонного сосуда, украшенного подтреугольными наколами. Верхняя часть этого же сосуда найдена далеко за пределами ямы А, а один его фрагмент лежал в яме Б. Вокруг ямы А на глубине 0,5—0,6 м расчищено множество неолитических черепков (около 200 фр.), различных сосудов. Тут же находилось скопление черепов (№ 4—16) и много трубчатых костей человека.

Яма А, по всей видимости, имела культовое назначение.

Яма Б расположена в центре красного углубления. Очевидно, это основная погребальная яма некрополя. Пятно ямы Б зафиксировано на фоне красного заполнения на глубине 0,6 м от современной поверхности, где отмечены и отдельные камни. Первоначально яма имела неправильные очертания, хотя можно было различить форму расплывшегося квадрата с длинным выступом в виде языка на восточной его стороне — со стороны реки. Общие размеры пятна на этом уровне 3 × 4 м. Ниже, на глубине 1,2 м, пятно значительно сократилось, его выступ выклинился в сторону реки. Яма на этом уровне приобрела форму прямоугольника со слегка закругленными углами размерами 2 × 2,4 м. Выступ пятна оказался пологим, корытообразным в разрезе спуском в яму, которая отделялась от входа ступенькой высотой около 0,5 м. Общая глубина ямы от современной поверхности 1,85 м. Она значительно опускалась в слой суглинка. Опущена яма Б, очевидно, от уровня нижней или средней части красного заполнения общего углубления могильника (рис. 20; 21).

Засыпка ямы Б имела два различных уровня. Верхняя часть — черный углистый пожарищный слой толщиной около 20—35 см с остатками древесных угольков. Местами отмечались обугленные поленья длиной до 15 см. Это пожарищное заполнение, в котором попадались также обгорелые предметы, распространялось и на площадь входа в яму Б. В нижней части пожарищного слоя на глубине 0,8—0,85 м, ближе к южному краю ямы Б, залегало одно парное погребение (№ 22, 23), а несколько ниже и севернее — другое (№ 25, 26). Погребения — вытянутые на спине, головой к западу. Под скелетами в толще красной засыпки ямы Б на разной глубине раскрыты 15 человеческих черепов (№ 44—51, 60—66), которые залегали главным образом на дне ямы. Черепа чаще всего без нижних челюстей, сильно повреждены. Они лежали в самых различных положениях среди разрозненных человеческих костей. Лишь на южной окраине ямы Б под стенкой отмечены длинные кости правой руки в анатомическом порядке. В юго-западном углу ямы также обнаружены остатки скелета, отдельные кости которого не нарушены. Следует отметить, что все кости залегали в дальнем от входа углу ямы и почти отсутствовали у входа в нее. Создается впечатление, что кости в яме периодически отгребались от ее входа к западному концу. Почти ненарушенными остались лишь два верхних (последние) парных захоронения в яме (№ 22, 23 и 25, 26). Около скелетов (№ 25, 26), главным образом у их ног, лежали обломок кремневого наконечника копья, две ножевидные пластины с ретушью и три обломка таких же пластин. Тут же обнаружены почти целое украшение из клыка кабана и три бусины: одна удлиненная цилиндрическая из белого известкового вещества и две в виде плоских кружочков с отверстием в центре. Среди последних гешировая и из белого камня. Найден также три зуба вырезуба. На площади входа в яму Б на глубине 0,8—1 м, несколько выше и на расстоянии около 1 м от скелетов № 25, 26, лежали каменная булава в обломках (рис. 8, 7; 22, 2), медная подвеска с заходящими концами (рис. 23, 10) и подвеска из золота, а также две плоские гешировые и одна зеленокаменная бусины. Некоторые обломки булав (из черного заполнения ямы обожжены, а те, что чуть ниже, обожженности не имеют. В красном заполнении ямы Б среди одиночных черепов также собрано много кремневых изделий и украшений (рис. 8; 24). Керамика из-под черного заполнения в яме Б представлена обломками нескольких сосудов с накольчатым орнаментом, форма которых частично или полностью реставрирована (рис. 10; 25).

Яма В расположена вблизи ямы Б, черный углистый слой которой частично перекрывал и яму В. Полукруглые контуры ямы обнаружены на уровне нижней границы красной линзы могильника, на глубине около 1 м. Ее размеры 2,2 × 1,6 м; опускалась она в лессовидный суглинок на глубину около 35 см. Ее засыпка состояла из красной охры с незначительной примесью почвы. В яме В обнаружено шесть скелетов (№ 31, 52—56). Два из них (№ 33, 55) лежали на дне ямы, почти не нарушены. Погребения

вытянутые на спине, ориентированы головой на запад. В области таза скелета № 53 расчищена низка гешировых бус (67 экз.). Такие же бусы найдены у левого плеча скелета № 55. Кроме того, найдены 4 подвески из недоразвитых зубов оленя и 50 зубов вырезуба. Непосредственно над черепами целых скелетов залегали три черепа и куча длинных трубчатых костей человека. Один череп (№ 31) и небольшое количество костей находились несколько выше, у самого западного края ямы. Среди костей собраны и украшения: гешировые бусы, зубы рыб, обломок горного хрусталя, а также несколько обычных для могильника черепков неолитических сосудов.

Яма Г расположена у южного края красного заполнения могильника. Контуры этого пятна, довольно расплывчатые, вырисовались первоначально на глубине около 0,9–1 м. Яма явно состоит из двух разновременных частей — южной и северной, судя по характеру перерезания скелетов, можно с уверенностью говорить о более раннем возрасте ее северной части и несколько более позднем — южной. Северная часть ямы опущена, по-видимому, еще до образования на площади могильника красного заполнения. Ее глубина 1,7 м, охры в заполнении нет. В этой части ямы Г на разной глубине в несколько приемов погребено более 10 человек, которые залегали в два яруса (№ 32–35, 35а, 38, 39, 57–59). На дне ямы почти друг на друге лежали два скелета (№ 57, 58): нижний в анатомическом порядке, а верхний без нижних конечностей. Скелеты, залегавшие выше, сильно повреждены или представлены одиночными черепами.

Южная часть ямы Г спущена, очевидно, с верхней или средней части красного заполнения могильника; ее глубина 1,8 м, т.е. опускалась на 10 см ниже северной части. В южной части ямы на разной глубине залегали остатки пяти разрозненных скелетов (№ 36, 37, 40–42). Там же обнаружены три медные бусины округлой формы, украшение из клыка кабана и обломок и пять черепков, украшенных отступающими наколами.

Назначение южной части ямы Г не совсем ясно, так как здесь не обнаружено ни одного целого скелета. По времени она, видимо, близка к яме Б и, возможно, сооружена для того, чтобы прикопать выбранные из последней при ее переполнении кости, подобно длинной западине.

Яма Д находилась в нескольких метрах к юго-западу от красного углубления могильника. Ее контуры зафиксированы на уровне перехода подпочвы в суглинок на глубине 1 м. У нее округлые очертания, размеры 1,2 × 1,7 м (см. рис. 4, 1). Книзу яма несколько сужалась. Общая глубина от современной поверхности 1,5 м. Судя по черепам, в яме находились остатки девяти погребений (№ 115–119, 118а, 118в, 133, 136), которые залегали в два яруса. В верхней части ямы, в ее красном охристом заполнении, расчищены четыре ненарушенных скелета (№ 115–118) и остатки нарушенных (№ 119, 119а, 119в). Все скелеты, кроме одного (№ 119а), лежали вытянуто на спине, головой к западу. Положение скелета № 119а, однако, несколько иное — ноги, видимо, были подогнуты в коленях, а затем распались "ромбом" (см. рис. 2, 4; 4, 1). В погребениях обнаружены отдельные кремневые изделия и другие находки (см. далее).

Непосредственно под костями верхнего яруса, ниже 5–10 см, в яме найдены останки еще четырех разрозненных скелетов взрослых (№ 133–136), кости которых залегали в виде завала. Нижние кости завала не окрашены, находки отсутствуют.

Яма Е имела овальные очертания: ее размеры 1,2 × 2,0 м. Контуры ямы зафиксированы на глубине 1,05 м (рис. 4, 2). Стенки неровные, под северным краем замечен слабый подбой (?) или же она сверху заплыва глиной. Западнее ямы (в 80 см от нее) на глубине 0,7 м найден развал неолитического сосуда обычного для могильника типа.

В яме обнаружены останки 11 погребенных (№ 76–79, 79а, 120–125), которые залегали в два яруса (см. рис. 4, 2). При первой расчистке выявлены четыре черепа (№ 76–79) и скелет № 79а, небольшое количество разрозненных костей. Под черепами № 78 и 79, чуть ниже и западнее, лежал обломок кремневого ножа. Около черепов найдены зубы вырезуба и черепок сосуда никольского типа.

При второй расчистке ямы Е на 30 см ниже первого яруса обнаружены шесть скелетов (№ 120–125). Пять из них (№ 120–124) залегали вытянуто на спине, а у скелета № 125 кости ног лежали "ромбом". "Скорченник" перекрывал четыре вытянутых скелета (см. рис. 4, 2). Все скелеты сильно окрашены красной охрой. Находок не было.

Яма Ж округлой формы, диаметр около 1,2 м, глубина 0,4 м. Зафиксирована на глубине 0,1–0,3 м от современной поверхности, засыпана охрой. В яме на глубине 0,2 м обнаружены отдельные человеческие кости. Такие же обломки встречались и ниже, где

найжены обломки челюсти взрослого человека. Обнаружены сломанная ножевидная пластина и около 10 зубов вырезуба.

Яма 3 — наиболее крупная погребальная яма на могильнике. Ее подчетырехугольные контуры зафиксированы на глубине около 1 м от поверхности. Размеры 2,4 × 3 м (рис. 4, 3). Стенки неровные, с заметным подбоем, глубина от верхнего среза 0,6 м. Яма сплошь заполнена красной землей. У ее северо-западного угла, на дне, обнаружен развал плоскодонного сосуда с накольчатым узором. В яме залежали останки 42 скелетов (№ 82—114, 126—132, 137, 137а), из них только два в анатомическом порядке (№ 89, 90). Первая расчистка дала разрозненные кости 27 погребений (№ 82—108). В центре ямы на заметно выровненной поверхности лежали ненарушенные скелеты взрослого (№ 89) и ребенка (№ 90), вытянуто на спине, головой к западу, окрашены. Под скелетами — прослойка серой глинистой земли толщиной до 1 см, а ниже — черепа и кости разрозненных скелетов. После расчистки стало очевидно, что посредине ямы, чуть ближе к ее северо-западному краю, горел довольно сильный огонь, который и обуглил черепа и кости.

Еще ниже обнаружены останки еще 14 скелетов (№ 109—114, 126—132, 137). Как и прежде, преобладали разрозненные кости, многие обугленные. Под стенками ямы расчищены части скелетов в анатомическом порядке, возможно, останки отодвинутых погребенных.

В красноохристом заполнении ямы найдены отдельные черепки никольского типа и зубы вырезуба, а в выкиде при пересеве земли — пластинка из клыка кабана и другие предметы.

Яма И овальной формы, ее размеры 1,8 × 0,9 м, глубина около 30 см. Красное пятно ямы зафиксировано на глубине 0,8 м от поверхности. При расчистке в красной земле обнаружены одиночный череп взрослого человека без нижней челюсти (№ 80) и человеческие кости.

Вокруг погребальных ям, в частности в красном заполнении углубления и западинах, обнаружено огромное количество разрозненных костей вторичного залегания, включая черепа, в отдельных местах — целыми скоплениями. Среди них — бусы, кремневые изделия, черепки глиняных сосудов или их развалы и др. (см. табл. 3). Развалы сосудов и черепки залежали на разной глубине — от 0,4 до 1 м. Часть из них попала в погребальные ямы, в частности в яму Б, где взято более двух десятков фрагментов; некоторые реставрированы. Все сосуды разбиты еще в древности. В некоторых случаях почти все фрагменты одного сосуда лежали кучкой на площади около 1 м². Недостающие обломки находились на некотором расстоянии от него.

Всего на площади могильника в его красном заполнении и ямах зарегистрировано более 3000 находок, среди которых основное место занимает керамика.

Кремневый инвентарь, керамика и украшения могильника, которые в целом являются собой единый культурный комплекс, описаны выше. Среди керамических находок некрополя, однако, отмечены три сосуда, которые типологически выпадают из комплекса материалов надпорожской культуры. Это небольшой трипольский горшочек (см. гл. IV), округлодонный широкооткрытый горшок и округлотелая амфора (рис. 25, 4, 5). Как по форме, так и в значительной степени по орнаменту они заметно отличаются от всего набора глиняной посуды могильника и, видимо, являются импортом, хотя какой именно культуры — сказать трудно.

За два года работ в Никольском могильнике исследованы 137 погребений*. Большинство погребений взрослых (80), в том числе мужчин 30, женщин 21, имеются также погребения подростков — 13, детей — 9. Таким образом, по числу захоронений некрополь — крупнейший в Надпорожье.

Антропологический материал могильника Г.П.Зиневич [1967] и И.Д.Потехиной [1987].

Описание погребений.

№ 1, 2 — черепа женщины 20—25 лет и мужчины 35—45 лет из ямы Б.

№ 3—16, 16а — черепа взрослых особей, залежавшие в скоплении костей северо-восточнее ямы А (№ 3 — мужчина 20—25 лет, № 4—6, 8, 14 — мужчины 35—45 лет, № 7, 9—13, 15, 16, 16а — взрослые).

* На площади могильника, кроме того, обнаружено погребение эпохи бронзы (№ 43).

Т а б л и ц а 3. Никольский могильник. Состав находок

Название изделий	Погребальная яма								В красном за- полнении и за его преде- лами	Подъем- ный мате- риал
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З		
Кремневые орудия										
Ножи		3			1				8	
Ножевидные пластины		7			1	1	1		20	6
Скребки					1			1	6	
Наконечники		2			1				4	2
Отщепы									20	+
Керамика										
Развалы сосудов		2						1	16	
Черепки	1	25	3	5	—	1		+	+++	
Украшения										
Унио	1				1				—	
Зубы оленя			4							
Зубы рыб		103	70			26	10	20	22	
Кольцевые бусы,		11	184					10	10	2
В том числе гешир		7	179	1						
зеленокаменные		2							2	
известняк		2	4						2	
сердолик									1	1
Цилиндрические бусы		2								
Пластины из клыка	1	1		2				1	5	2
Медные изделия		1		3					1	
Прочие находки	Че- люсть соба- ки, ши- ток че- репах	Булава, золотая подвес- ка	Горный хрусталь		Топор, челюсть бобра				Тесто, трапеция, пест, косое ост- рие, трапеция	булава, ступка, косоое ост- рие, трапеция

№ 17, 19, 21, 24, 68, 69 — черепа взрослых и детские залежали в красном заполнении западины могильника.

№ 18/67 — погребение взрослого залежало на глубине 0,65 м в красном заполнении могильника. Ориентировано головой к востоку. Положение на спине со слегка подогнутыми вверх в коленях ногами. Кости рук сильно засыпаны охрой.

№ 20 — череп взрослого без нижней челюсти, разбит. Обнаружен в яме А.

№ 22, 23, 25, 26, 44—51, 60—66 — обнаружены в яме Б на разной глубине. Среди них два парных непогребенных захоронения (№ 22 и 23, 25 и 26). Остальные — одиночные черепа. № 22 и 23 — погребение женщины 35—45 лет (№ 22) и мужчины такого же возраста (№ 23); лежали непосредственно под черным пожарищным перекрытием ямы Б. Слегка обуглены. Кости левой руки скелета № 22 перекрывали частично правую сторону скелета № 23. № 25, 26 — погребение взрослых (№ 26 — женщина 50—60 лет), залежавшее под черным углистым слоем в яме Б (см. выше).

№ 27 — останки взрослого погребенного над северной частью ямы Г на глубине 0,9 м. Положение на спине с вытянутыми ногами. Верхняя часть скелета отсутствует. Берцовые кости со ступнями отрезаны, по-видимому, при сооружении южной части ямы Г.

№ 28, 29 — погребение № 29 принадлежит мужчине 50—60 лет. Залежало в анатомическом порядке на глубине 0,8 м на южном краю пятна красного заполнения могильника. Вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямые. Ориентировано головой на северо-запад. Слегка засыпано охрой. Под тазом № 29 обнаружен обломок наконечника копья. Около его черепа, справа, на том же уровне расчищен одиночный череп взрослого — № 28.

№ 30 — погребение взрослого, залежало на глубине 0,9 м, слегка окрашено. Верхняя часть до тазовых костей отрезана при сооружении южной части ямы Г.

№ 31 — одиночный череп взрослого, лежал у самого западного края ямы В на глубине 1 м.

№ 32—35, 35а, 38, 39, 57—59 — залегали в северной части ямы Г. Среди них часть (№ 33, 39, 57, 58) сохранилась в анатомическом порядке почти полностью или частично, остальные — одиночные черепа, иногда без нижних челюстей (№ 32, 38). № 32 — мужчина 35—45 лет, № 34 — подросток, № 35, 35а, 38 — взрослые, № 59 — подросток 12—13 лет.

№ 33 — погребение мужчины 35—45 лет залегало в северной части ямы Г на глубине 1,25 м; перекрыто несколькими отдельными черепами. Сохранились череп и левая половина костей туловища. Правая часть отрезана при сооружении южной части ямы. Положение на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища.

№ 36, 37, 40—42 — одиночные черепа взрослых, залегали в южной части ямы Г среди множества разрозненных костей на глубине 1,3—1,5 м. Заполнение ямы слегка красноватое. № 36 — женский, 18—20 лет, № 41 — мужской 50—60 лет, № 42 — мужской 35—45 лет, № 36, 41, 42 — без нижних челюстей.

№ 39 — погребение женщины 20—25 лет; находилось рядом со скелетом № 33 в северной части ямы Г, видимо, нарушено последним; сохранились лишь череп, часть позвонков и ребра. Положение вытянутое, головой на запад, на глубине 1,3 м.

№ 44—51 — одиночные черепа взрослых; расчищены среди различных костей в верхней части красного заполнения ямы Б черным слоем, вокруг и главным образом ниже парного погребения № 25 и 26 на глубине 1,39—1,67 м. Большинство черепов сильно повреждено, почти все без нижних челюстей. № 44, 47, 48 — женские, 35—45 лет, № 49 — женский, 20—25 лет, № 46 — мужской того же возраста. Найдены обломок наконечника копья около черепа № 45, два ножа кремневые в обломках № 50 и неолитический черепок.

№ 52—56 — погребения в яме В. Среди них два (№ 53, 55) в анатомическом порядке, остальные — одиночные, в том числе черепа подростка (№ 52), взрослого (№ 54) и ребенка (№ 56); все без нижних челюстей. Непотребоженные погребения женщины (№ 53) 20—25 лет и мужчины (№ 55) 35—45 лет лежали на дне ямы на спине вытянуто, головой на запад.

№ 57, 58 — погребения мужчины 35—45 лет в северной части ямы Г на спине, головой на запад. Кости правой ноги № 57, по-видимому, отрезаны при сооружении южной части ямы Г. Скелеты слегка окрашены, в плечах несколько стиснуты. Правая рука № 58 согнута в локте, кисть в области груди.

№ 60—66 — одиночные черепа подростков (№ 60—62, 64, 65) и взрослых (№ 63 и 66) в нижнем ярусе костей ямы Б, на глубине 1,65—1,81 м, без нижних челюстей; № 63 — мужской, 35—45 лет, № 64 — подросток 13—18 лет.

№ 70—72 — детское групповое погребение скелета (№ 70) и двух одиночных черепов под камнями закладки на глубине 0,8 м; № 70 — погребение ребенка 7—10 лет в вытянутом положении на спине, головой к западу с отклонением к северу. У правого плеча обнаружена низка белых кольцевидных бус. Ниже лобковых костей — кучка зубов вырезуба.

№ 73—75 — останки разрушенных обрывом скелетов в северной части раскопа 1967 г.; № 75 — одиночный разбитый череп женщины 20—25 лет без нижней челюсти.

№ 76—79, 79а — погребения в яме Е. Обнаружены при первой расчистке на глубине 1,1—1,3 м. Среди них четыре одиночных черепа взрослых среди множества костей человека. Одно (№ 79а) залегало в анатомическом порядке, головой к западу. Все кости и черепа сильно окрашены; № 76, 79, 79а — женщины 20—25 лет, № 77 — молодая женщина, № 78 — мужчина зрелого возраста. Одиночные черепа без нижних челюстей, сильно повреждены.

№ 80 — одиночный раздавленный череп без нижней челюсти; лежал на левом виске, лицом к востоку в яме И.

№ 81 — погребение взрослого на глубине 1 м, севернее ямы З. Вытянутое на спине, головой на север; ноги прямые, руки вдоль туловища. Не окрашено, яма не прослеживалась.

№ 82—114 — обнаружены в яме З после первой и второй расчисток, в том числе два скелета (№ 89, 90) в анатомическом порядке; остальные — одиночные черепа, которые залегали среди человеческих костей на глубине 1—1,3 м. При черепе № 100 сохранились некоторые кости того же, видимо, скелета, при других — нижние челюсти (№ 83, 56

85, 88). Часть черепов обгорелые (№ 87, 104), иногда очень сильно (№ 100—112). Подавляющее большинство взрослых; выделены черепа подростков (№ 84, 93, 101, 102, 105, 113) и трех детей (№ 90, 95, 110). Пол и возраст взрослых определен только в семи случаях: № 88, 84, 106 — мужчины зрелого возраста, № 91, 96, 107 — женщины, № 94 — женщина 50—60 лет.

№ 115—119, 119а — обнаружены в яме Д при первой расчистке.

№ 115 — погребение мужчины (?), вытянутое на спине. Ноги прямые, руки вдоль туловища. Череп отвалился к западу, лежал основанием вверх. Берцовые кости скелета № 115 перекрывали кости ног "скорченника" № 119а.

№ 116 — погребение женщины 50—60 лет; находилось непосредственно под скелетом № 115 на скелете № 117. Правое плечо чуть приподнято, ноги прямые, руки вдоль туловища, череп лежал на левом виске. Между бедренных костей найден черепок никольского типа, ниже черепа — обломок ножевидной пластины.

№ 117 — погребение женщины; ноги прямые, руки вдоль туловища, череп — лицом вверх к востоку. Под тазом найден наконечник копья, около черепа — обломок топора и челюсть бобра, створки унйо. Под бедренными костями скелетов № 116 и 117 находился череп скелета № 133.

№ 118 — погребение мужчины 45—50 лет под северной стенкой ямы Д, вытянутое на спине, ноги прямые, кисти рук на костях таза. Кости ног и рук перекрывали кости "скорченника" № 119а.

№ 119 — одиночный череп взрослого в грудной части скелета № 118 во вторичном залегании.

№ 119а — погребение взрослого в средней части ямы Д. Все кости в анатомическом порядке, но без черепа. Возможно, это кости черепа № 119. Скелет № 119а, у которого ноги лежали "ромбом", перекрывая все остальные.

№ 120—125 — погребения в яме Е второй расчистки.

№ 120 — погребение мужчины приблизительно 35—45 лет, около южной стенки. Череп лежал на правом виске, бедренные кости — крест-накрест, а берцовые — параллельно друг другу. Руки согнуты в локтях, кисти — против шейных позвонков. Скелет, по-видимому, потревожен в древности — таз разломан, левая его половина перевернута нижней частью вверх.

№ 121 — погребение мужчины 35—45 лет на спине, ноги прямые, руки вдоль туловища. Правым плечом перекрывал скелет № 120. Бедренные кости скелета перекрыты бедренной костью скелета № 125. Лицом вверх, разбитая нижняя челюсть лежала рядом.

№ 122 — погребение мужчины приблизительно 50 лет, вытянуто на спине, перекрыто скелетами № 121 и 123.

№ 123 — погребение мужчины 50—60 лет на спине, сильно стиснуто в плечах, ноги прямые, руки вдоль туловища.

№ 124 — погребение подростка на спине, череп на правом виске, перекрыто скелетами № 123 и 125.

№ 125 — погребение мужчины зрелого возраста, перекрывало все погребения в яме Д. Поза: на спине, череп на левом виске, левая рука отброшена и слегка согнута в локте. Кости правой руки нарушены, кости ног сильно разведены в стороны, образуя широкий ромб.

№ 126—132 — одиночные черепа в яме З; обнаружены после третьей расчистки на глубине 1,4—1,6 м. Сильно повреждены, без нижних челюстей, некоторые (№ 131, 132) обуглены. Преобладают взрослые погребенные; выделены подросток (№ 132) и ребенок (№ 126).

№ 133—136 — одиночные черепа без нижних челюстей и разрозненные кости на дне ямы Д. На № 134, 135 отмечена охра. Все взрослые, кроме № 136, который определен как подросток. Скелет № 135 — мужчина 25—30.

№ 137 — погребение, очевидно, молодого мужчины, в анатомическом порядке, под северной стенкой ямы З, на ее дне. Вытянутое на спине, ноги прямые (сохранилась левая). Руки вдоль туловища, кисти под костями таза. У ног скелета — куча костей "в гармошку" (длинные кости ног, таз, кости рук, позвонки).

№ 137а — погребение взрослого без черепа и левой половины скелета, вдоль южной стенки ямы З, на спине. Кисти рук в области таза; слабо окрашено.

Стратиграфия и хронология. Всесторонний анализ позволяет прийти к заключению, что накопление красного заполнения могильника, которое представляет собой смесь чернозема с большим или меньшим количеством красной охры, происходило постепенно, параллельно с сооружением погребальных ям, по крайней мере более поздних. Весьма вероятно, что первоначально на месте будущего могильника имелось какое-то естественное углубление блюдцеобразной формы и небольшой глубины. О постепенном нарастании красного заполнения могильника свидетельствуют условия расположения в нем находок, которые залегают как бы во взвешенном состоянии. Наиболее показательно в этом отношении расположение недостающих фрагментов некоторых сосудов, которые залегали в красном слое на разных квадратах, в подавляющем большинстве — на той же глубине, что и развал самого сосуда, причем иногда недостающие фрагменты находились на значительном расстоянии от сосуда (5—7 м).

Могильник существовал довольно продолжительное время. Это подтверждается скоплением большого количества погребений, многочисленностью вещественных находок и разновременностью погребальных ям. Стратиграфия последних прослежена, однако, только в пределах красного заполнения могильников. Об относительной хронологии ям за пределами красной линзы можно говорить исходя из анализа вещевого материала в ямах и характера погребений.

Наиболее древняя на могильнике — подокруглая в плане северная часть ямы Г, которая сооружена, судя по серому заполнению, еще до накопления красного слоя. Несколько позже впритык к этой яме была выкопана яма В, которая частично прорезала верхнюю часть заполнения ямы Г. Она отличалась более прямоугольными очертаниями и имела интенсивно-красное заполнение. Несколько позднее ямы В сооружена также прямоугольной формы яма Б, пожарищное заполнение которой в значительной степени перекрывало заполнение ямы В. Более ранний возраст ямы В по отношению к яме Б подтверждают подвески из зубов оленя, что, судя по материалам иных некрополей (Вильнянка), свойственно ранним ямам. Южная часть ямы Г возникла, видимо, в период существования ямы Б, на что указывают в обоих случаях аналогичные бусы из меди и украшения из клыков кабана. Не совсем ясно время сооружения культовой ямы А. Надо полагать, она относится к заключительному периоду существования могильника, т.е. одновременно с ямой Б. Об этом свидетельствуют фрагменты одного и того же сосуда и украшения из клыка кабана в ямах А и Б.

Появление на могильнике остальных ям (Д — И), расположенных за пределами красного заполнения, определить весьма трудно. Яма 3 по характеру погребений, времени, очевидно, близка к яме Б. В обоих случаях в яме найдены украшения из клыка кабана и развалы сосудов, обычных для всего могильника. Значительно сложнее определить время сооружения ям Д и Е, которые, видимо, одновременны. Судя по выдержанно-округлой овальной форме, наличию групповых захоронений и отсутствию украшений из клыка кабана, которые появляются обычно в более поздних погребениях, эти ямы в Никольском следует причислить к группе более ранних. Во всяком случае, они сооружены, видимо, до появления ям Б и 3. Следует заметить, что с этим выводом несколько не согласуется наличие в обеих ямах сверху над остальными ненарушенными скелетами по одному скелету, у которых ноги распались "ромбом". Такой обряд захоронения, как известно, относится к эпохе меди.

О времени появления одиночных могил могильника судить трудно, можно только сказать, что могила № 30 древнее южной части ямы Г. Тройное погребение № 70—72, где найдено изделие из клыка кабана, относится к заключительному периоду некрополя.

Таким образом, в развитии Никольского могильника, представляющего в культурном плане одно целое, можно отметить два последовательных этапа.

Первый, ранний, этап представлен погребениями северной части ямы Г, засыпанной серой землей без охры. Эти погребения (№ 57, 58 и др.) без находок. В засыпке ямы еще отсутствуют черепки. Надо полагать, что яма Г сооружена до возникновения линзы красного заполнения могильника. На этом же этапе, но несколько позже возникают ямы В, Д, Е, для которых характерны групповые слабонарушенные погребения, которые сопровождают плоские кольцевые бусы и подвески из зубов оленя.

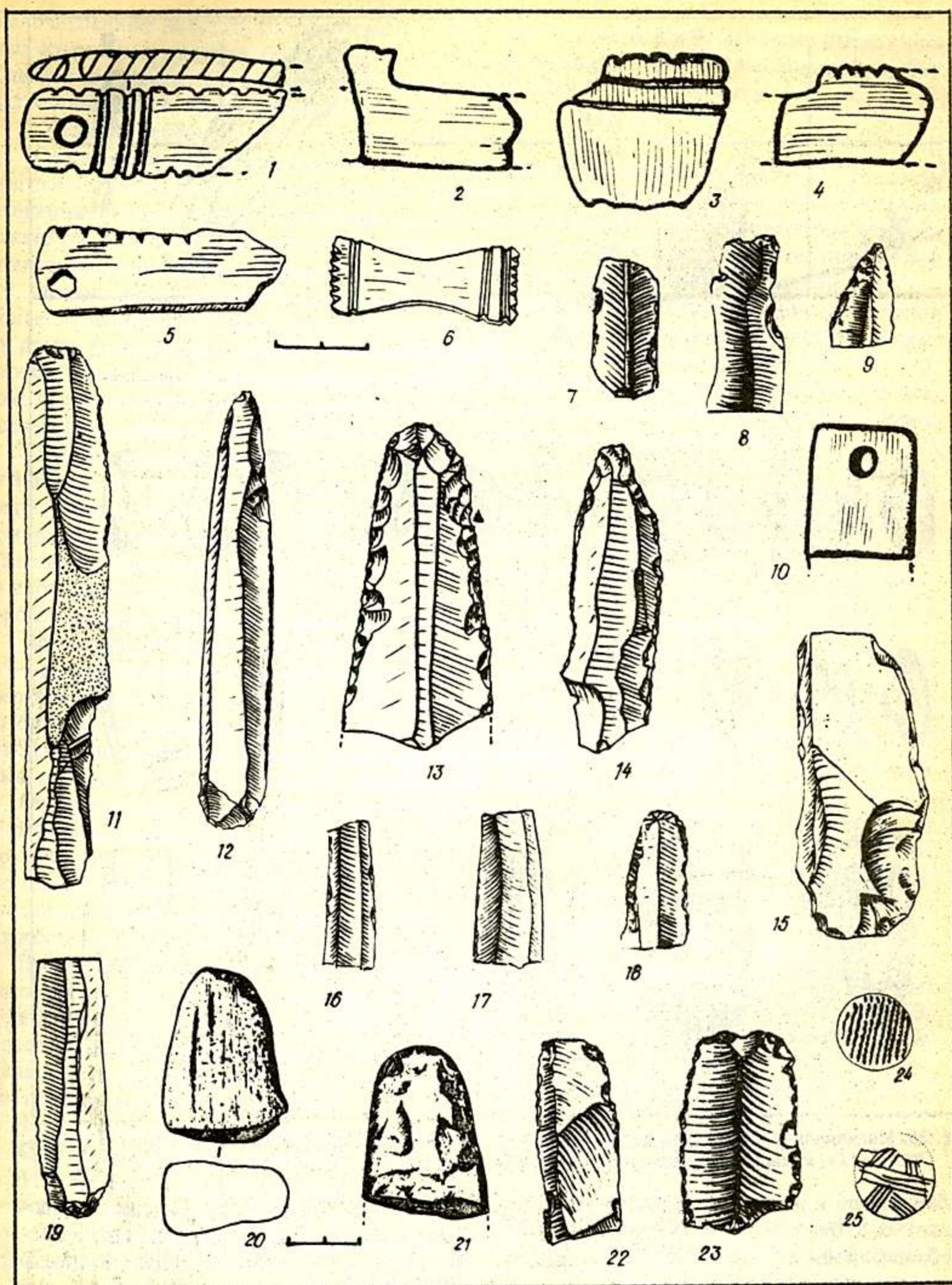

Рис. 24. Никольский могильник. Украшения из клыка кабана (1-6, 10) и орудия труда из кремня (7-9, 11-19, 22, 23) и камня (20, 21) орнамент на доньшках глиняных сосудов (24, 25)

Второй, поздний, этап в развитии могильника характеризуется сооружением больших усыпальниц — ям Б и З. В заключительный период некрополя была выкопана, очевидно, и яма А культового назначения. В это же время появляются скопления черепов в западине около ямы Б и, очевидно, выкапывается южная часть ямы Г.

С последним этапом существования могильника связывается появление на его площади керамики, крупных кремневых орудий, каменной булавы и украшений из клыка

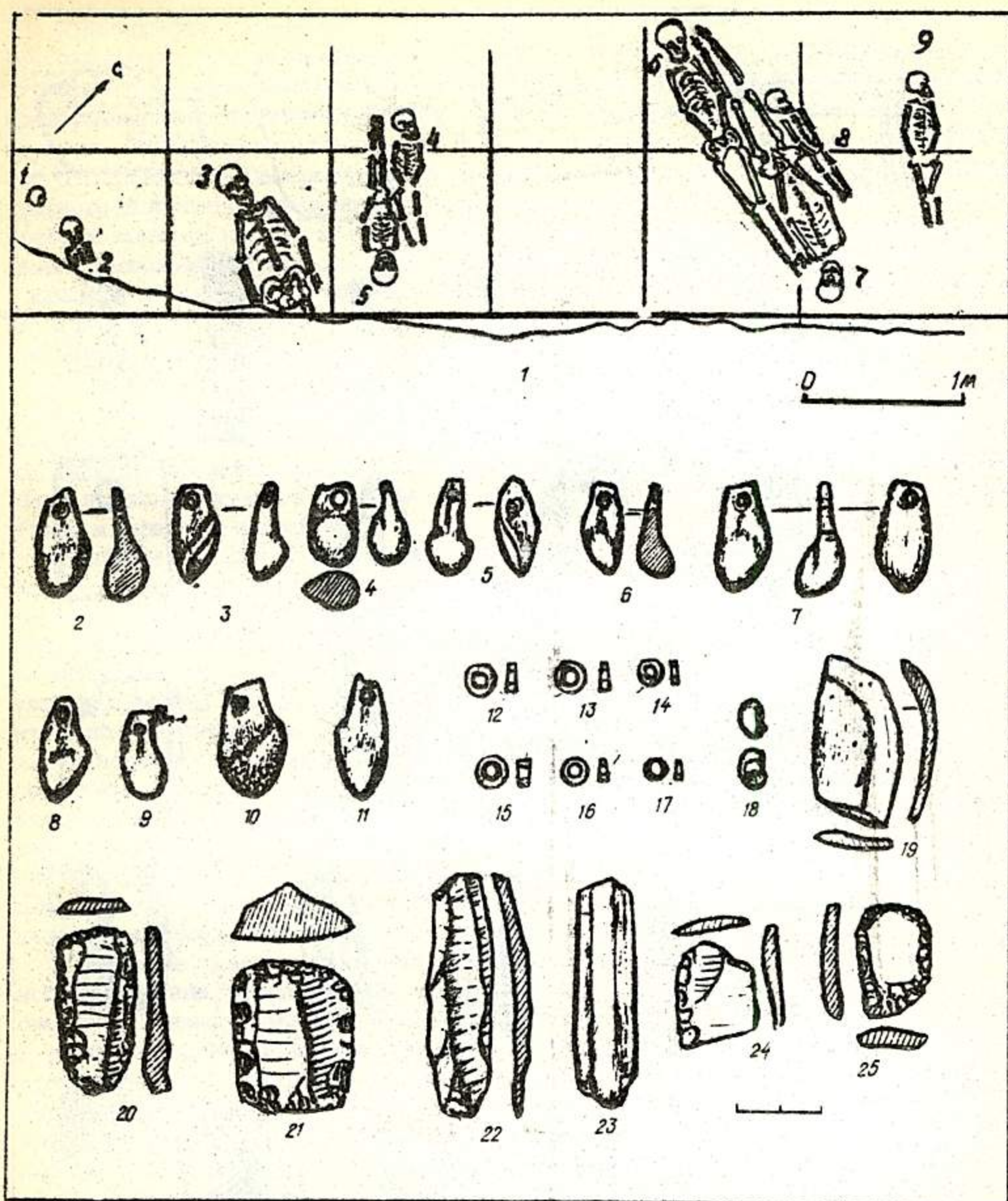

Рис. 26. Могильник у скалы Ненасытец. План (1) и находки при погребенных: подвески из зубов оленя (2-11), кольцевые пронизки (12-17), ракушки (18, 19) и кремневые изделия (20-25)

кабана, меди и золота, но в это же время исчезают украшения в виде подвесок из недоразвитых зубов оленя. Показательно, что все медные вещи найдены в самых верхних погребениях ямы Б (скелет № 23), наиболее поздней на могильнике южной части ямы Г и верхних штыках красного заполнения могильника (0,3 м).

Следует отметить, что этапы в развитии Никольского могильника в значительной мере повторяют последовательность изменений погребального ритуала в иных некрополях Надпорожья, например Вильнянском, Ясиноватском и др.

Ненасытецкий порог. В непосредственной близости от Никольского могильника, напротив Ненасытецкого порога на Днепре, в 1948 г. А.В.Бодянский [1951] исследовал небольшой некрополь. Обнаружено девять вытянутых на спине погребений, в том числе несколько детских (рис. 26). Выделяются две групповые могилы по два и три скелета, где они лежали головами в противоположные стороны. Шесть скелетов окрашено красной охрой, восемь погребений инвентарные. Наибольшее количество находок собрано при скелете № 3 — около 150 кольцевидных (известняковых?) бус-пронизок и 55 подвесок из недоразвитых зубов оленя, ракушки унго и отщеп с ретушью. Такие же, но более

малочисленные находки сопровождали погребения № 2, 4, 6, 8 и 9. Наиболее выразительные кремневые изделия (скребок, нож) найдены в погребениях № 2 и 8 (рис. 26, 2–25). Следует отметить, что семь подвесок из зубов оленя имели нарезки (см. рис. 7, 4), встречающиеся на этих изделиях крайне редко.

Среди погребенных — четверо взрослых и пятеро детей.

Осиповский могильник обнаружен нашей разведкой в 1970 г. около Осиповки Магдалиновского р-на на левом берегу р. Орель. Памятник находился на небольшом возвышении (4–5 м над уровнем поймы), между берегом реки и расположенным немного южнее оз. Лиман. Здесь же ближе к реке располагалось и неолитическое поселение, о чем свидетельствует наличие культурного слоя с гребенчато-накольчатой керамикой.

Раскопками 1971–1973 гг. вскрыто десять ям неолитического времени в ряд длиной более 30 м при ширине 10–12 м, могилы располагались на значительном расстоянии друг от друга (рис. 27). Среди них выделяются четыре одиночные могилы (№ 3, 8, 11, 28), парное захоронение взрослого и ребенка и пять коллективных ям по несколько скелетов: яма № 31 — 7 скелетов, № 34 — 3, № 53 — 11, № 65 — 6 и яма № 66 — 4 скелета. Всего исследовано 37 погребений, в том числе 26 взрослых, подростка и 10 детских.

Положение погребенных прослежено только в одиночных и парных могилах, где покойники лежали вытянуто на спине. В плечах все плотно сжаты, руки прислонены к туловищу, кисти рук чаще всего на костях таза. Ноги также вытянуты, плотно сведены вместе (см. рис. 5, 5). Это объясняется, возможно, тем, что покойники были связаны или плотно "спеленуты". Весьма показательно в этом отношении парное погребение № 20, где вместе со взрослым, видимо, был "спеленут" младенец, кости которого "слились" со скелетом взрослого.

Все погребения обнаружены в подпочве песчаной террасы, примерно на одной глубине — в пределах 1,5–2 м от современной поверхности. Погребальная яма овальных очертаний прослежена в одном случае (№ 3) (рис. 28, 13). Об ориентации покойников можно судить по одиночным захоронениям и парной могиле, где покойники лежали головой к западу (№ 20, 28), северо- (№ 3, 8) или юго-западу (№ 11), т.е. вдоль течения реки, головой к ее низовьям.

Очертания коллективных ям и их точные размеры проследить не удалось, но, судя по расположению костей, они в плане не одинаковые: либо округлые (№ 31, 34), в поперечнике 1,1 × 0,8 и 1,1 × 0,5 м, либо продолговатые (№ 53, 65, 66). Размеры последних несколько больше — длина до 2 м, ширина 0,5–0,6 м. В этих ямах анатомический порядок костей нарушен. Среди них черепа, трубчатые кости рук и ног, реже — тазовые. Мелких костей мало. Все черепа без нижних челюстей (см. рис. 5, 3; 27).

Погребальный инвентарь отмечен только в двух случаях: при одиночном детском захоронении № 28 собрано около 200 экз. зубов вырезуба, в коллективной яме № 53 среди костей найдено своеобразное костяное изделие, видимо, украшение остроовальной формы с двумя сквозными отверстиями и девятью небольшими, округлыми в плане ямками (рис. 27, 4). В других неолитических могильниках Поднепровья такие находки не встречались.

На костях в коллективной яме № 65 отмечены слабые следы красной охры.

Антропологический материал И.Д.Потехиной [1984].

Погребальные ямы могильника.

№ 3 — погребение взрослого в овальной яме, вытянуто на спине, головой к северо-западу; в плечах сжато, руки прижаты к туловищу (рис. 28, 13). Возле черепа найден неолитический черепок с гребенчатым орнаментом.

№ 8, 28 — детские захоронения плохой сохранности, в вытянутом положении, головой на запад. В районе шейных позвонков (№ 28), костей правой руки и в других местах собрано около 200 зубов вырезуба (рис. 27, 6).

№ 11 — погребение взрослого, вытянутое на спине, головой к юго-западу. В плечах сжато, руки вдоль туловища, кисти на костях таза. Ноги плотно сведены вместе.

№ 20 — парное погребение взрослого и ребенка. Взрослый в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки вдоль туловища, левая на скелете ребенка, который, возможно, залегал в том же положении (см. рис. 5, 5).

№ 31 — коллективное захоронение, судя по количеству черепов, семи взрослых, а также, видимо, ребенка. Анатомический порядок костей нарушен. Залегали в яме размерами 1 × 1,2 м. Захоронение вторичное, так как представлены не все кости восьми скелетов (10 бедренных, 10 больших, 6 малых берцовых и др.) (рис. 27, 5).

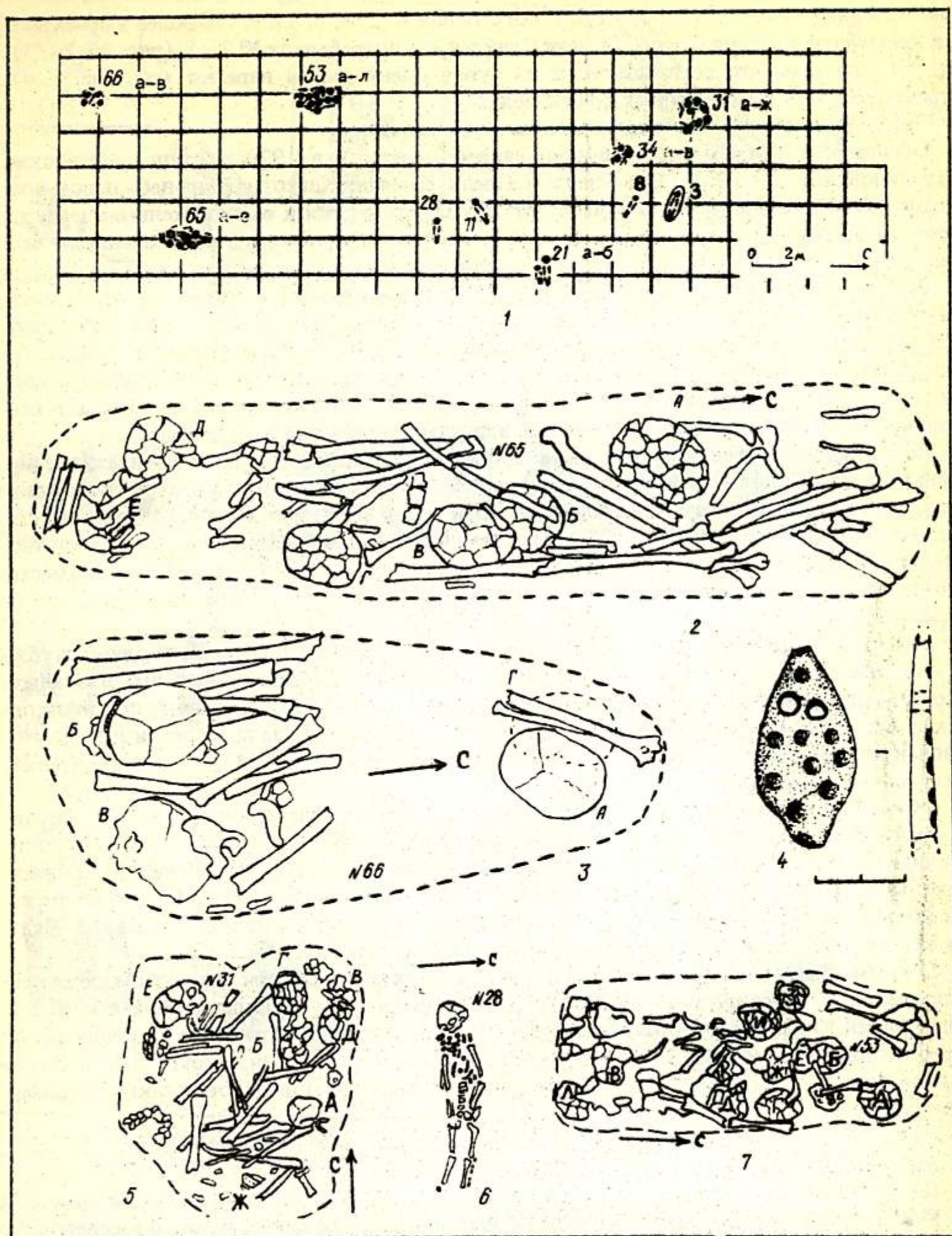

Рис. 27. Осиповский могильник. Общий план (1), погребальные ямы (2, 3, 5-7) и украшение из кости (4)

№ 34 — коллективное вторичное захоронение трех взрослых. Кости (три черепа, по шесть бедренных, больших берцовых, локтевых, лучевых и др.) залегали в небольшой яме (5 × 0,8 м). Среди них найден неолитический черепок.

№ 53 — коллективное вторичное захоронение в округлооформленной яме размерами 1,9 × 0,6 м, вытянутое с севера на юг. В яме обнаружены скопления небольших камней со следами огня, а под ними — останки сильно обугленных скелетов. Анатомический порядок костей нарушен. Обнаружено 11 черепов, в том числе 6 взрослых, подростка, остальные — детские, а также 11 бедренных, 10 больших берцовых, 12 плечевых, 6 локтевых, 4 лучевых и других костей. При разработке завала костей найдено украшение острооформной формы, вырезанное из кости и покрытое с одной стороны ямочным орнаментом (рис. 27, 7).

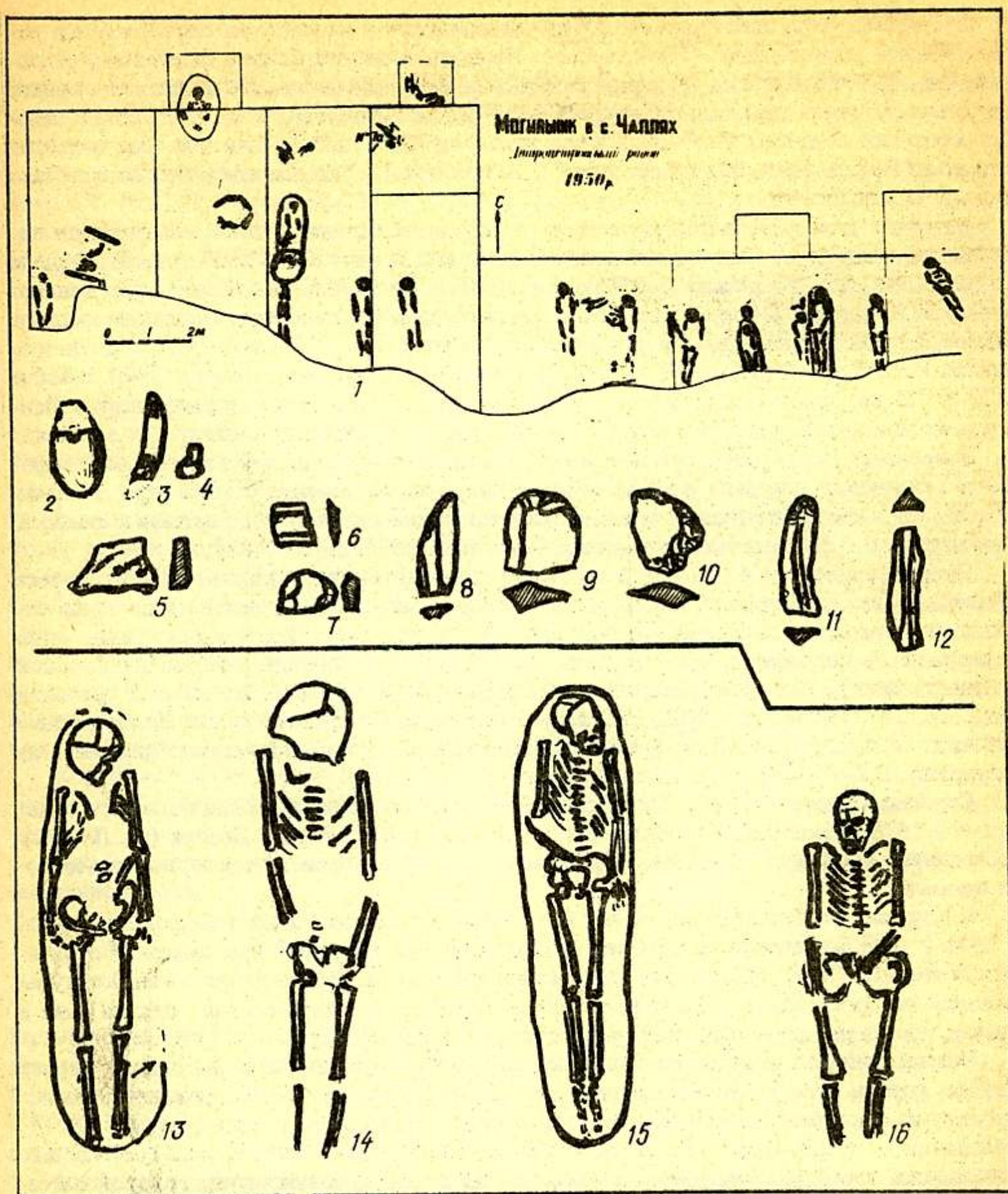

Рис. 28. Чаплинский могильник (1). Находки в погребениях некрополя (2-4) и на его площади (5-12). Вытянутые на спине захоронения из Осиповки (13), Скелі-Каменоломні (14), Сурского (15) и Мариупольского (16) могильников

№ 65 — коллективное вторичное захоронение в продолговатой яме размерами 0,4 x 2 м, в которой обнаружены 6 взрослых черепов, 9 плечевых, 7 лучевых, 11 больших берцовых, 4 малые берцовые, 2 бедренные кости. Анатомический порядок нарушен. На некоторых сохранились следы красной охры (рис. 27, 2).

№ 66 — коллективное вторичное захоронение, судя по черепам, четырех взрослых. Три черепа без челюстей, один очень плохой сохранности. Кроме того, здесь находилось 12 крупных костей человека, в том числе 3 бедренные, 4 большие берцовые, плечевая, 2 локтевые, кости таза, а также мелкие косточки (рис. 27, 3).

В целом, Осиповский неолитический могильник, безусловно, принадлежит к группе памятников мариупольского типа, хотя и отличается от них некоторым своеобразием, главным образом по обряду захоронения. С могильниками Поднепровья его связывает обряд погребения — вытянутое на спине труположение "спеленутых" покойников, наличие среди находок зубов вырезуба, охра и др. Здесь, однако, зафиксированы вторичные захоронения в коллективных ямах. Подобное на других могильниках Поднепровья

не отмечалось, хотя наблюдались случаи прикапывания костей при освобождении переполненной усыпальницы (Никольское). Несколько своеобразнее в Осиповке и расположение одиночных могил, которые разбросаны без видимого плана, тогда как на иных могильниках этого типа они обычно образуют ряды. Не находит аналогов и остроовальная костяная подвеска из Осиповского могильника. Подобная находка нам известна только из Ракушечного яра (раскопки Т.Д.Белановской), где исследована многослойная неолитическая стоянка.

Различия в погребальном ритуале, в частности обряд вторичного захоронения покойников, выделяют Осиповский могильник среди прочих памятников такого рода в Поднепровье, что, возможно, следует связывать с локальными особенностями днепродонецкой культуры. В целом, могильник, видимо, датируется ранним и средним этапами днепродонецкой культуры, т.е. его можно отнести к концу V — началу IV тыс. до н.э. Анализ костей из погребальной ямы № 53 по методу С-14 дал их возраст 3990 ± 420 и 4125 ± 125 лет до н.э. К сожалению, внутреннюю хронологию могил разного типа в Осиповке проследить не удалось из-за отсутствия стратиграфических данных.

В пределах Восточной Европы прямых аналогов коллективным вторичным захоронениям Осиповки известно немного. Разве что групповая могила Черной горы севернее Рязани, где в яме обнаружены четыре горизонта скелетов, от пяти до восьми в каждом, залегающих не в анатомическом порядке [Цветкова, 1985, с. 127–128].

Скеля-Каменоломня. На полуостровном каменистом возвышении правого берега Днепра, около с. Волошское Днепропетровского р-на, А.В.Бодянским раскопаны остатки небольшого могильника, разрушенного строителями. Исследовано лишь одно ненарушенное погребение, которое залегало в вытянутом на спине положении, головой к северо-западу. При нем найдены зубы вырезуба и обломок маленькой трапеции (рис. 28, 14). Некоторые зубы снабжены отверстиями в средней части. По сведениям рабочих, могильник включал около 10 захоронений, которые залегали "попарно" на расстоянии 0,7–1,0 м друг от друга.

Скубовая балка около с. Войсковое Солонянского р-на. В 150 м от левого мыса балки в 1978 г. экспедицией "Славутич" в обрыве правого берега Днепра (оз. Ленина) исследовано вытянутое на спине, посыпанное охрой погребение, видимо, неолитического времени.

о. Сурский на Днепре расположен напротив с. Волошское Днепропетровского р-на. В 1946 г. А.В.Бодянский исследовал захоронение под каменной выкладкой. Неолитическая могила (№ 4) обнаружена под раковинным слоем. Скелет лежал в яме, контуры которой не прослежены, вытянуто на спине, головой на северо-восток; сильно сжат в плечах, руки и ноги прямые, кисти на костях таза (рис. 28, 15).

Чаплинский могильник расположен на уровне боровой террасы левого берега Днепра (теперь территория Самарского р-на Днепропетровска). Исследовано 25 разновременных погребений, включавших захоронения мезо-, энео- и неолита (рис. 28, 1). Последних — 16 [Добровольский, 1954]. Залегали на глубине 1,5–1,7 м в песчанистых отложениях террасы. Погребения вытянутые на спине, ориентированы головой на север (в основном) и юг; могилы расположены перпендикулярно к течению реки и образуют ряд. А.В.Добровольский выделил три подгруппы неолитических погребений, которые, судя по стратиграфии, не одновременны. Наиболее ранние захоронения (№ 5, 7, 11, 12) слабо окрашены, при одном найдены подвеска из зуба оленя, два зуба хищника и четыре — рыб породы карповых (рис. 28, 2–4). На более поздних скелетах (№ 1–4, 8–10, 15, 16) краски также было мало, инвентарь отсутствовал. Контуры ям, как и более ранних, не прослеживались. Наиболее поздние из числа неолитических (№ 14 и 17) залегали уже в челновидных ямах, густо засыпанных красной охрой. Инвентарь отсутствовал.

В Чаплях впервые для Поднепровья стратиграфически доказано залегание вытянутых неолитических погребений между скорченными, более ранними мезолитическими и более поздними медного века.

Антропологический материал в песчаной почве почти не сохранился.

Донецкая область

Мариупольский могильник исследован в 1930 г. М.Макаренко [1933] на территории завода "Азовсталь" (г.Мариуполь). Могильник состоит из двух частей — основной, более ранней, и ряда захоронений начала медного века.

Погребения основной группы (№ 1—20, 22, 23, 25—124) залегали вытянуто на спине (рис. 28, 16; 29). Окрашены, часто очень сильно, красной охрой. Обнаружен большой и разнообразный археологический материал; орудия труда и вооружение, украшения (рис. 29, 1—22). Наиболее многочисленны кремневые ножи, изготовленные из крупных пластин, скребки, ножевидные пластины без ретуши. В комплексе могильника есть клиновидные топоры из кремня, несколько крупных трапеций со струганой спинкой и пластин-вкладышей, два нуклеуса и др. Уникальны две каменные булавы крестовидной формы.

Украшения многочисленны и разнообразны. Среди них наиболее интересны так называемые пластинки мариупольского типа из эмали клыка кабана. Реже аналогичные пластинки вырезались и из стенок речных ракушек или камня. Во многих случаях в качестве украшений использовались и натуральные клыки кабана с просверленными на концах отверстиями для подвешивания. Кроме того, найдено большое количество бусин разных форм, изготовленных из различных материалов: шаровидные костяные, обычно с У-образным отверстием (рис. 7, 17, 18); перламутровые — плоские, округлые, шайбо- или сегментовидные из речных ракушек; цилиндрические гешировые (меньше всего). В качестве бус использовались также подвески из недоразвитых зубов оленя, иногда зубы мелких хищников — волка, собаки, барсука, а также необработанные ракушки и зубы вырезуба. Среди оригинальных находок в основной яме обнаружены костяные фигурки животного, очевидно, быка (рис. 7, 32), костяные трубочки с нарезками, порфиритовая и мраморная подвески (рис. 7, 31) и др.

Керамика отсутствует. В засыпке ямы-траншеи найдены лишь три небольших фрагмента глиняных сосудов, в том числе плоское доньшко с гребенчатым орнаментом.

Антропологический материал не изучен — видимо, погиб во время Великой Отечественной войны.

Запорожская область

Вильнянский могильник расположен на левом берегу Днепра (оз. Ленина), в 4—5 км к северу от Запорожья, ниже Вильного порога и несколько (на 1 км) южнее балки Вильной. На правом берегу оз. Ленина, напротив могильника, находятся с. Привольное и балка Гадючая, в устье которой А.В.Добровольский в 1928 г. раскопал неолитические стоянки Собачки и Волчек.

Могильник обнаружен А.В.Бодянским в 1955 г. в обрыве высокого коренного берега, возвышающегося над уровнем озера на 10—12 м. Терраса, на которой расположен могильник, повышаясь еще на 5 м, плавно переходит в плато. Могильник почти не возвышается над окружающей местностью. Этот участок берега, однако, — своеобразный перекарт, водораздел между балками Вильной и более южными. На современной дневной поверхности место могильника ничем не обозначено, что обычно для неолитических могильников этого типа. Могильник исследован автором в 1956 г.

В обрыве берега погребения были видны на протяжении 7—8 м. Залегали на разной глубине — от 1,2 до 2 м, т.е. в основании чернозема или начале лессовидного суглинка, составляющего 10-метровую толщу отложений.

В могильнике обнаружено 50 целых скелетов или их останков (рис. 30). Причем часть скелетов повреждена в результате размывов и обвалов берега, многие разрушены еще в древности более поздними захоронениями (№ 3, 18а, 18б, 18в, 22а, 26а, 13а, 110).

Среди погребенных подавляющее число взрослых (около 30), среди которых, по определению Т.С.Сурниной [1961], 12 мужчин и 10 женщин. Изучены также 16 скелетов детских и 6 подростков. Следует отметить, что процент детских погребений довольно значительный.

Все погребения вытянутые на спине, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук

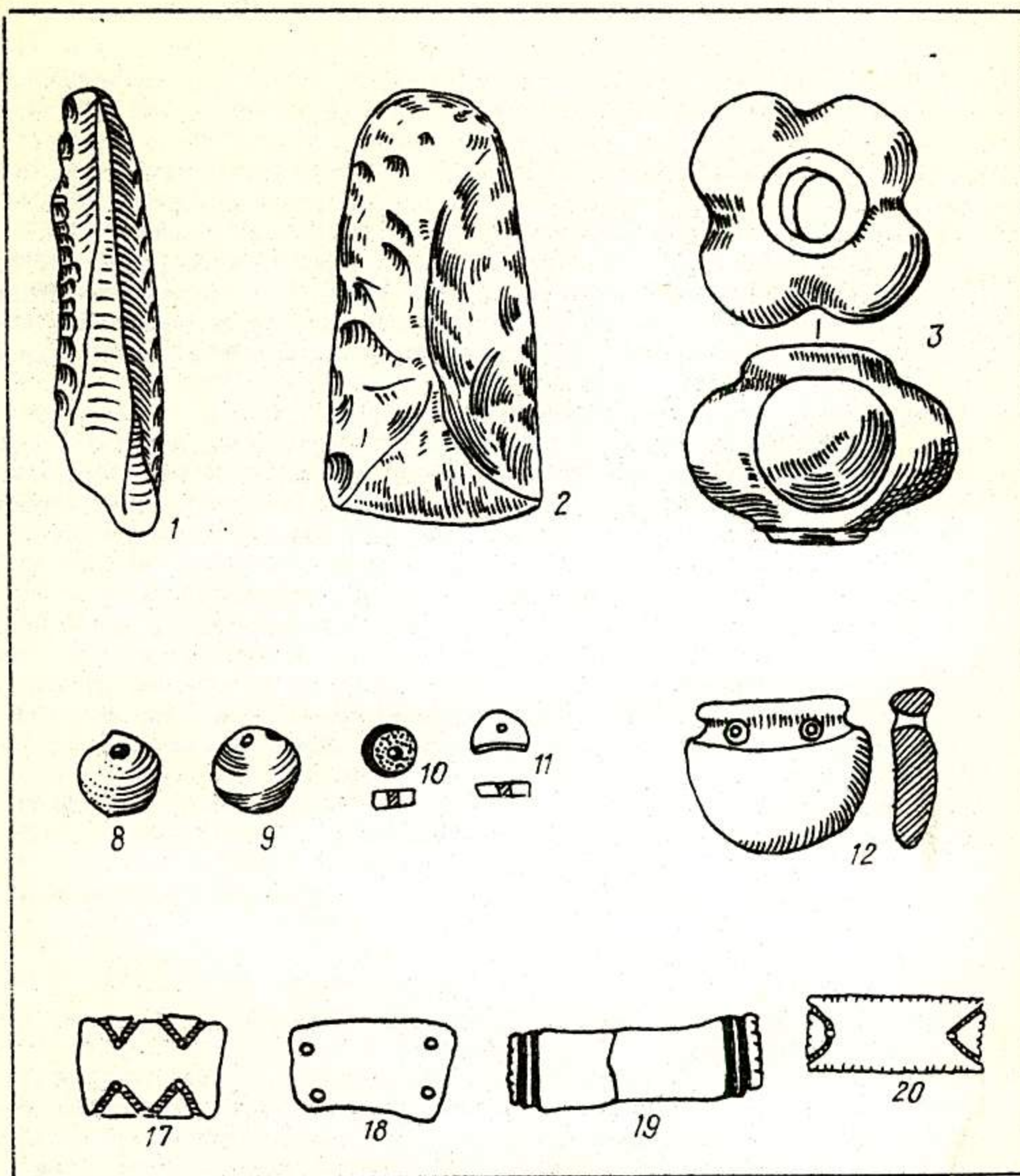

Рис. 29. Мариупольский могильник. Инвентарь погребений

около таза или на его поверхности. Ноги вытянуты, плотно сведены. Многие скелеты в плечах сжаты (рис. 2, 2), иногда очень сильно (№ 1, 20, 29 и др.). Зафиксированы перекрывания или прорезания одного захоронения другим.

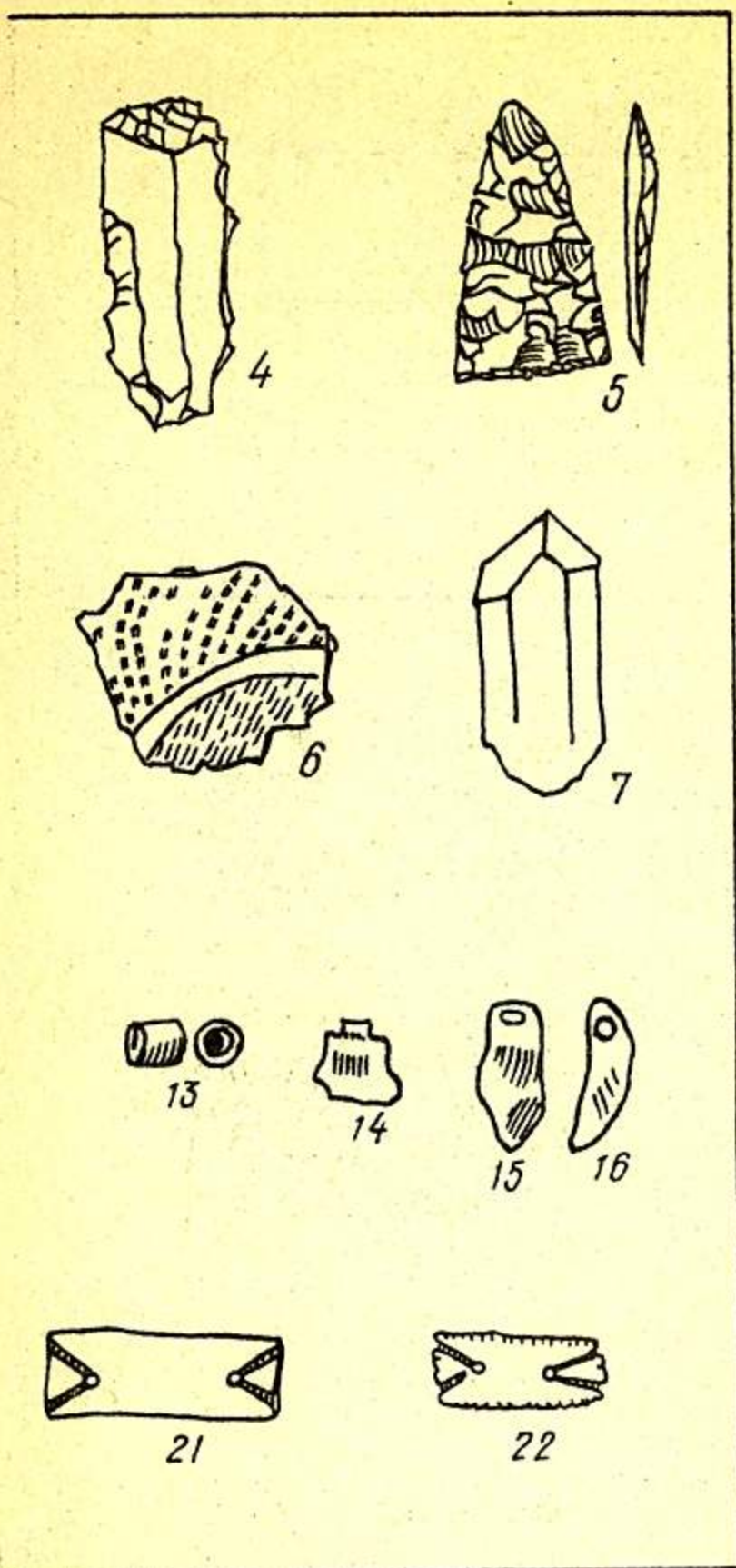
По залеганию, некоторым деталям погребального ритуала погребения могильника можно разделить на три разновременные группы.

Первая, наиболее многочисленная группа насчитывала более 20 скелетов. Залегали в ямах глубиной 2 м. Среди них четыре одиночных захоронения (№ 5, 15, 17, 19). Большинство погребений — групповые — от 2 до 7 скелетов, причем скелеты залегали обычно в несколько ярусов.

Выделяются шесть групповых могил: яма A_1 — № 7, 8, 9; A_2 — № 20, 31, 32, 34; A_3 — № 16, 29; A_4 — № 13, 35, 36, 37, 39, 40, 41; A_5 — № 24, 25, 26, 26а; A_6 — № 33, 38. Видимо, к первой группе относятся также останки погребения № 30.

Погребальны ямы типа А удлиненно-субовальной формы, их размеры соответствуют количеству погребенных. Спущены они, очевидно, из основания темного почвенного слоя, о чем свидетельствует заполнение из суглинка и почвы, что придало ему серую окраску. Контуры ям впервые обнаружены при переходе от чернозема к суглинку — на глубине около 1,3 м. Довольно значительная глубина ям, возможно, объясняется тем,

что предполагался ряд повторных погребений без нарушения имеющихся скелетов. Кверху ямы обычно расширялись, окраска заполнения более темная.

В расположении "серых" ям определенного порядка отметить не удалось — они образуют какую-то изогнутую линию. Отмечены случаи прорезания одной ямы другой. Так, при сооружении ямы для погребения № 19 поврежден скелет № 9 в яме А₁. По всей видимости, могильник существовал относительно продолжительное время, а надгробные знаки были весьма нечеткие.

Подавляющее число погребений в овальных ямах типа А окрашено красной охрой. Однако степень окрашенности более слабая, чем погребений второй группы в ямах типа Б. Большинство погребений в овальных ямах ориентировано головой на северо-восток (8 ск.) или юго-запад (11 ск.). Лишь некоторые из них лежали головой на юг или юго-юго-запад (№ 24, 25, 33, 38).

Собран довольно многочисленный вещевой материал, главным образом украшения (подвески, зубы рыб), а также орудия труда из кости и кремня (рис. 31, 1—18).

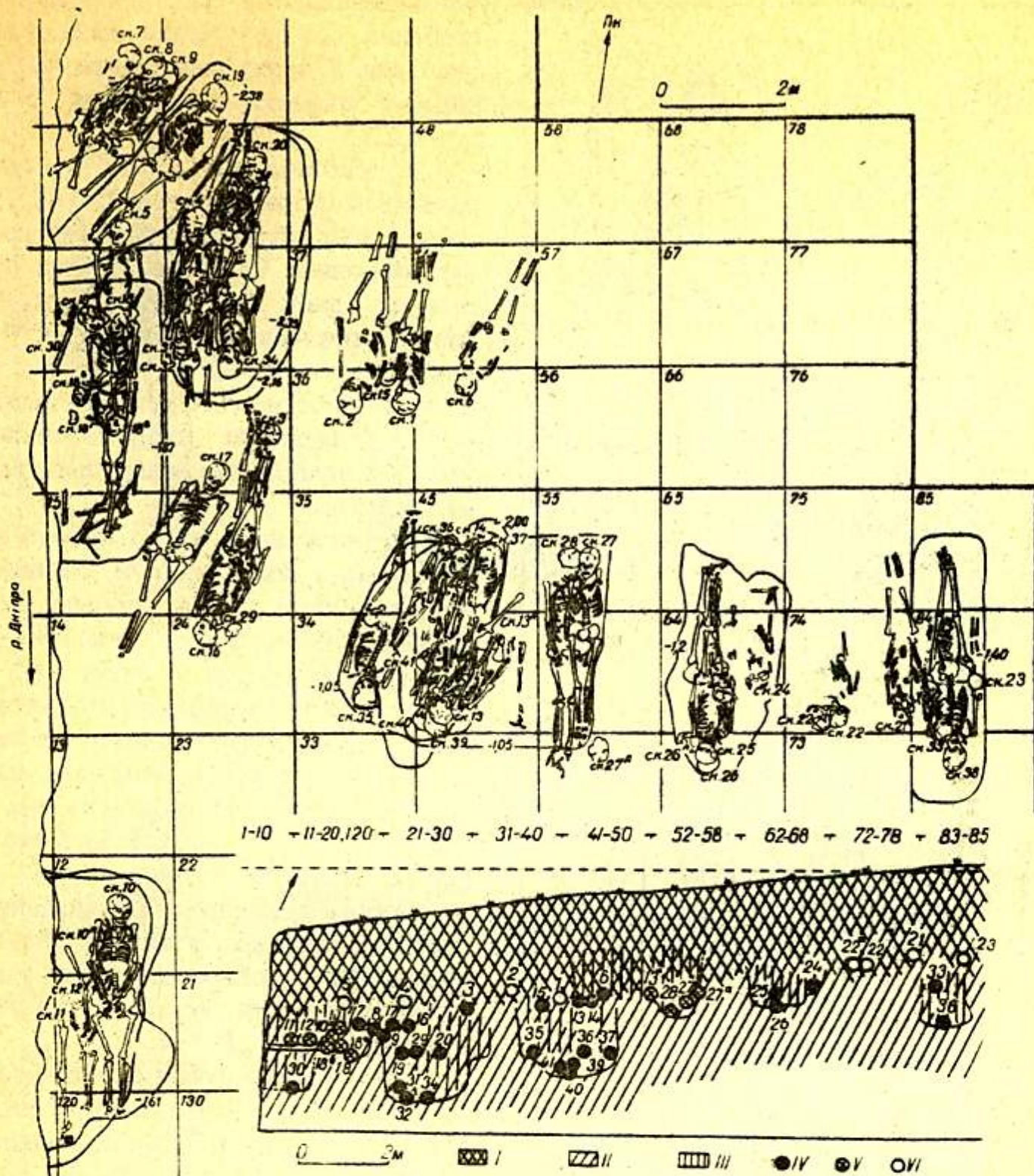
Подвески из зубов оленя в количестве от 2 до 17 найдены при десяти скелетах первой группы. В корневой части они снабжены небольшим (0,5—2 мм) отверстием, в основном бико-ническим. Лишь одна подвеска (№ 20) подвешивалась за специально вырезанную у корневой части зуба маленькую "головку". Три подвески (ск. № 40) —

с поперечными насечками. Довольно часто зубы в месте отверстий ломались, поэтому на этих экземплярах заметны следы двух отверстий. Зубы рыб, иногда более чем 100 экз., отмечены при 12 скелетах этой группы. Кроме того, во многих погребениях найдено по одной створке ракушки улитки. В погребении № 38 обнаружена маленькая ракушка теодактус с искусственным отверстием, видимо, для подвешивания. Погребения содержали мелкие кремневые изделия — четыре трапеции, в том числе одну со струганой спинкой, три скребка, несколько ножевидных пластин и отщепы, а также три поделки из кости: два шила и острие. Последнее довольно массивно, хорошо отполировано. Возможно, оно служило наконечником копья (рис. 31, 10).

Ко второй группе погребений Вильнянского могильника отнесено 13 скелетов, залегавших в прямоугольных ямах, сплошь засыпанных красной охрой. Таких ям раскрыто три, из которых одна сохранилась полностью (Б₁), а две значительно повреждены размывом (Б₂₋₃).

В яме Б₁ расчищены три целых скелета (№ 14, 27, 28) и два — сохранившихся частично (№ 13а, 27а); в яме Б₂ — один целый (№ 18) и останки четырех (№ 18а—18г); в яме Б₃ — два целых (№ 10, 12) и останки (№ 10а, 11, 12а). Контуры ям обнаружены на глубине 0,75 м в средней части черноземного слоя. Спускались они до глубины 1,5—

21

Рис. 30. Вильнянский могильник. План и схематический разрез

1,6 м. Размеры сохранившейся ямы Б₁ 2 × 2 м. Стенки отвесные, внизу несколько скошенны внутрь. Большие размеры квадратных ям, их правильная конфигурация свидетельствуют, очевидно, о том, что они выкопаны заранее для многократных захоронений. Дно ям неровное, в нем есть углубления для нижних погребений. В некоторых случаях (№ 27, 28) яма на уровне дна имела небольшой подбой в сторону и подкоп для головы и ног погребенного.

Каждая квадратная яма представляет собой коллективную, возможно, семейную усыпальницу. В яме Б₃, например, обнаружены останки скелетов двух взрослых, три скелета детей и подростка. Причем скелет последнего (№ 12) лежал рядом со взрослым (№ 11), как бы "придерживаемый" рукой последнего, для чего она отведена от туловища. Следует отметить значительные нарушения скелетов ранее погребенных, чем эта группа погребений напоминает Мариупольский и Вовнигские могильники. При повторном захоронении в красной яме часть скелетов вынималась, а затем вместе с землей сбрасывалась в яму на нового покойника. Так, скелет № 18 в яме Б₂ сплошь завален костями, среди которых находились четыре черепа. Много разрозненных костей обнаружено в яме Б₁ около № 14, 27 и 28.

Все погребения второй группы ориентированы головой на север. Некоторые из них сопровождали находки, в том числе подвески из зубов оленя (№ 14, 18, 28), зубы рыб (№ 10, 12, 14), по одной створке ракушек унго (№ 10, 18, 28), а в погребении № 27 их было две. Кроме того, обнаружены трапеция со струганой спинкой (№ 10) и ножевидная пластина (№ 14).

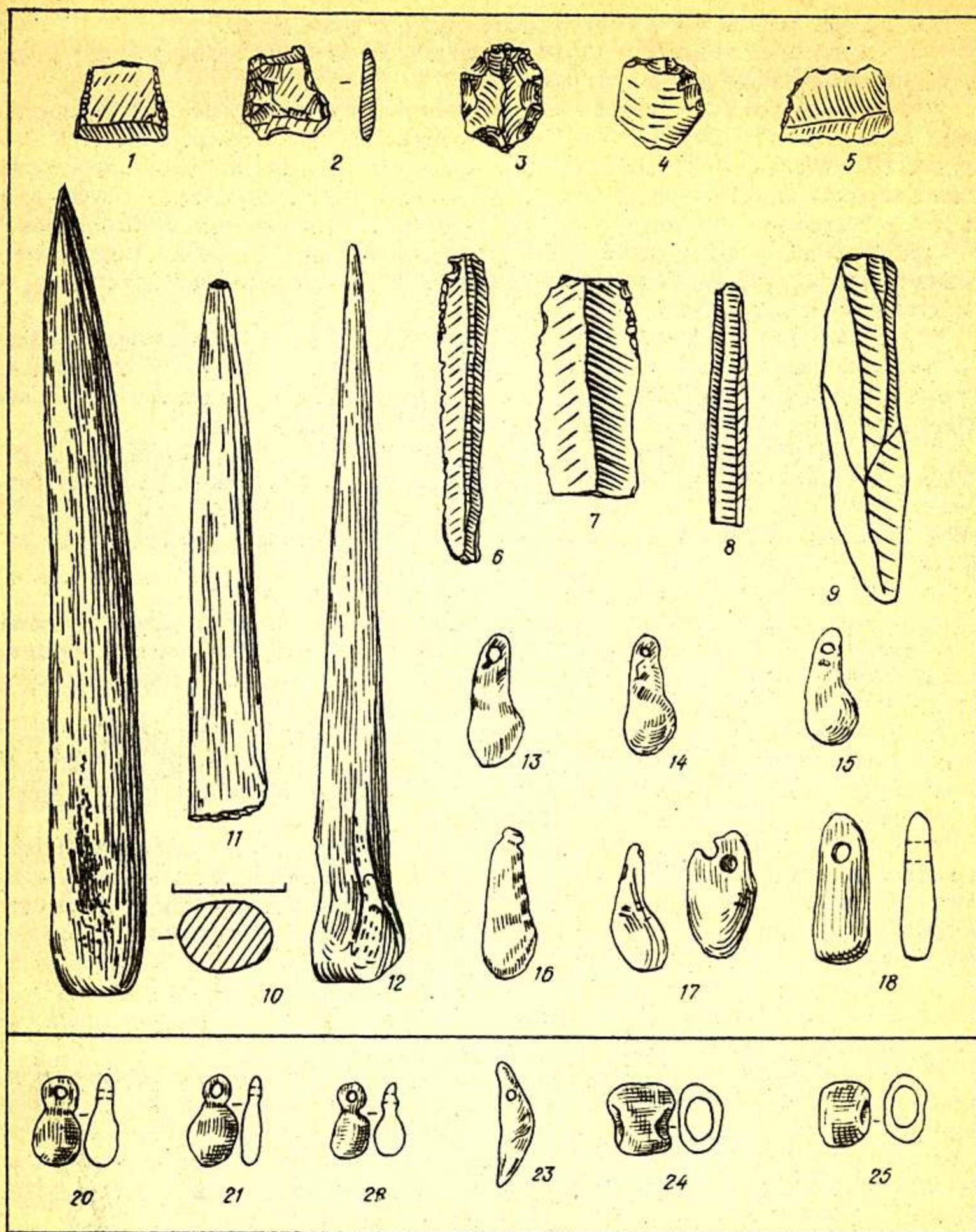

Рис. 31. Инвентарь погребений Вильнянского (1–18) и Виноградного (20–25) могильников

В третью группу погребений Вильнянского могильника выделено восемь скелетов (№ 1, 2, 4, 5, 21, 22, 22а, 23), залегающих на уровне перехода от чернозема к суглинку — в среднем на глубине 1,3 м от современной поверхности. Ориентированы головой на юг (№ 1, 2, 21, 22, 22а, 23) или север (№ 4, 5); расположены в два ряда, со значительным интервалом между могилами. Захоронения вытянутые на спине, руки выпрямлены, в некоторых (№ 2, 5) одна рука несколько согнута в локте, кисти в области таза. Ноги вытянуты. Погребальных ям не отмечено. Некоторые скелеты слегка окрашены. Инвентарь не обнаружен.

№ 1 — погребение подростка (16–17 лет), головой на юг, вытянутое, сильно стиснуто с боков. Окрашено. Частично перекрывает скелет № 15.

№ 2 — погребение женщины 25–30 лет, головой на юг, вытянутое на спине.

№ 3 — одиночный череп ребенка 8–14 лет.

№ 4, 5 — погребения женщин 50–60 и 45–50 лет, головой на север, лицом на запад, т.е. к реке, вытянутые на спине.

Все скелеты залегают почти в одной плоскости, друг возле друга.

№ 6 — погребение подростка 13–14 лет, вытянутое на спине, головой на юго-запад. Окрашено. Обнаружено четыре зуба рыб.

№ 7–9. Образуют одно тройное захоронение. Вытянутые на спине. № 8 полностью лежит на № 9, а № 7 — рядом с № 8. Ориентированы головой к северо-востоку. № 7 — детское погребение (10–12 лет), сильно окрашено. Среди ребер в нижней части груди лежала хорошая микролитическая пластина. Найдены также три подвески из зубов оленя. № 8 — погребение мужчины 25–30 лет. Около таза — створка унго. В области живота — три подвески из зубов оленя. № 9 — погребение женщины 25–30 лет. Повреждено, очевидно, при подготовке ямы для захоронения № 19. Между ребрами левой стороны — подвеска из зуба оленя и зубы рыб.

№ 10, 10а, 11, 12, 12а. Образуют часть группового захоронения в квадратной яме Б₃, частично разрушенной обрывом. Последовательность захоронения следующая: сначала положен скелет № 10а, затем № 10 — 12, а над № 12 лежал младенец № 12а. Скелеты № 10–12 ориентированы головой к северу, остальные разрушены.

№ 10 — погребение мужчины 20–25 лет, вытянутое на спине. Сильно окрашено. Около правой половины таза сверху — трапеция со струганой спинкой. На правой бедренной кости — обломок ножевидной пластины. Ниже лобковых костей таза — ряд из 52 зубов вырезуба. У правого плеча, под ним, — останки скелета ребенка 10–12 лет (№ 10а).

№ 11 — взрослое погребение, окрашено, сохранилось частично.

№ 12 — погребение ребенка 12–13 лет, вытянутое на спине, руки сильно прижаты к туловищу. Ноги слегка отогнуты вправо и прижаты друг к другу. Скелет окрашен. Между бедренных костей — кучка зубов вырезуба. Рядом — слабые останки детского скелета № 12а.

№ 13 — погребение женщины 40–45 лет, на спине, непосредственно ниже дна квадратной ямы Б₁, видимо относится к групповой могиле в овальной яме А₄. Головой на юго-запад, лицом влево, руки прямые, прижаты к торсу. Обнаружена створка унго.

№ 13а — погребение подростка 13–17 лет, сильно повреждено.

№ 14 — погребение ребенка 10–12 лет на дне квадратной ямы Б₁, сильно окрашено. Вытянуто на спине, головой на север. Около правой бедренной кости — ножевидная пластина и грубо обработанная кость животного. На черепе ряд подвесок из зубов оленя. Две крупные подвески в глазницы (рис. 32, 1). Ряд таких же подвесок — на уровне таза, поперек скелета, несколько — на позвонках. Всего 31 подвеска. Есть зубы рыб.

№ 15 — погребение подростка 13–17 лет под скелетом № 1, ориентировано головой на юго-юго-запад, вытянуто на спине, хорошо окрашено. В области бедренных костей — скопление зубов карповых рыб.

№ 16 и 29 — парное захоронение в яме А₃. Скелет № 16 лежал непосредственно на скелете № 29. Погребенная яма прослежена слабо. Погребение № 16 принадлежит женщине 30–35 лет. Ориентировано головой на юго-юго-запад, вытянуто на спине, стиснуто в плечах. Руки прижаты к туловищу, кисти в центре таза. Ноги прямые, левая стопа перекрывает правую. Хорошо окрашено. Около левой половины таза — кучка зубов карповых рыб (15 экз.), в засыпке ямы много разрозненных костей.

№ 17 — погребение мужчины 40–45 лет, вытянутое на спине, ориентировано головой на северо-северо-восток. Руки прямые, прижаты к торсу, кисти рядом с тазом. Немного окрашено. Найдены створки ракушки и подвеска из зуба оленя.

№ 18, 18а, 18б, 18в, 18г — коллективное погребение в квадратной яме Б₂. Скелет № 18 завален разрозненными костями остальных захоронений (№ 18а — 18г). Погребение № 18 — взрослого, очень крупного мужчины 35–40 лет. Ориентировано головой на север, вытянуто на спине, плечи расправлены, руки свободно вытянуты вдоль туловища (рис. 32, 2). Очень сильно окрашено. Найдены отдельные зубы рыбы и несколько подвесок из зубов оленя. Среди одиночных черепов — три детских (№ 18а — 8 лет, № 18в — 11–12, № 18г — 4–12) и один (№ 18б) мужской — 20–30 лет.

№ 19 — погребение женщины 20–25 лет в овальной яме. Ориентировано головой на северо-северо-восток. Вытянуто на спине. Слегка окрашено. Около левой ключицы — ряд зубов рыбы. При расчистке под грудными позвонками обнаружены сломанная трапеция и отщеп. Яма прорезала скелеты № 8, 9.

№ 20, 31, 32 и 34 — залежали на разной глубине в яме А₂: внизу два скелета рядом (№ 32 и 34), выше — № 31, еще выше на 25–30 см — № 20.

№ 20 — погребение мужчины 20—25 лет. Ориентировано головой на северо-северо-восток. Вытянуто на спине. Руки вдоль туловища, кисти рук около таза. Сильно сжато в плечах. На черепе ряд подвесок из зубов оленя (13 экз.), вдоль ключицы — ряд зубов вырезуба (100 экз.). Отдельные зубы найдены и около бедренных костей, ниже таза их два ряда. На стопах — одна-две подвески из зубов оленя. Окрашено.

№ 21 — взрослое погребение, вытянуто на спине, головой на юго-юго-восток.

№ 22, 22а — погребение ребенка (№ 22) 8—12 лет, на спине, головой на юг. Непосредственно на его черепе лежал только череп скелета № 22а.

№ 23 — остатки погребения ребенка 4 лет, головой на юг, руки и ноги вытянуты.

№ 24 — 26, 26а — погребения в яме А5 неправильных очертаний. Скелет № 25 лежал непосредственно на скелете № 26. Здесь же обнаружен череп № 26а. Погребение № 25 принадлежит подростку 17 лет, № 26 — женщине 30—35 лет. Оба вытянуты на спине, головой на юг. Слабо окрашены. Погребение № 24 — младенец 2—4 лет, сильно окрашено.

№ 27, 27а, 28 — входят в коллективное захоронение ямы Б1 с углублением для них в дне. Рядом с черепом скелета № 27 лежал одиночный череп № 27а. Погребение № 27 принадлежало подростку, № 28 — мужчине 25—30 лет. Оба вытянуты на спине, головой на север. Сильно окрашены. В засыпке ямы найдены ракушка унго и анадонта, а также подвеска из зуба оленя — другая сползла в левую глазницу. Ниже таза — пять таких подвесок, две — на плюсневых костях левой ноги. Под левым плечом погребенного — чужие кости (бедренная и берцовая). Между берцовыми костями скелета № 28 — детский череп (№ 27а).

№ 29 — погребение женщины 30—35 лет под скелетом № 16 в яме А3. Вытянуто на спине, головой на юго-юго-запад, лицом вверх, сжато в плечах. Окрашено. Между бедренными костями — пять бедренных, локтевая, берцовая другого скелета. Эпифизы этих костей отбиты, некоторые раздроблены. Одна из них прикрыта кистью скелета № 29. В области живота, справа от позвоночника, обнаружены большое костяное острие, зубы рыб, у стоп ног — две подвески из зубов оленя. Между бедренными костями найдены две трапеции и отщеп со следами употребления.

№ 30 — остаток взрослого погребения; расчищен под дном ямы Б2. На плюсневых костях сверху — подвеска из зубов оленя.

№ 31, 32, 34 — погребения взрослых, вытянуты на спине, головой на юг, в яме А2 под скелетом № 20. № 31 — скелет мужчины 25—30 лет, очень крупных размеров, сжат в плечах. На черепе много зубов рыб, которые, очевидно, были нашиты на головной убор (79 экз.). Отдельные зубы лежали между ребрами правой стороны и около правой ключицы. Окрашено. № 32 — погребение мужчины 30—40 лет, рядом со скелетом № 34, но под скелетом № 31. Окрашено. На черепе, а также вдоль позвоночника сверху подвески из зубов оленя. При расчистке черепа обнаружены маленький обломок какого-то изделия из клыка кабана и фрагмент небольшой кремневой пластины с ретушью.

№ 33 и 38 — в яме А6 на разной глубине, разделены слоем засыпки около 40 см. № 33 — погребение ребенка 10—12 лет, вытянуто на спине, головой на юг. Под левой ключицей — створка анадонты.

№ 34 — погребение мужчины 20—25 лет в яме А2. На правой стопе — подвески из зубов оленя рядами по 4, 4, 2 экз. Много зубов рыб (84 экз.).

№ 35—37, 39—41 — в одной общей яме А4, по три скелета рядом в два яруса. Яма перекрыта квадратной ямой Б1. К скелетам из овальной ямы, возможно, следует отнести также скелет № 13, который лежал непосредственно ниже квадратной ямы, но выше погребений № 35—37, 39—41. Все залегали вытянуто на спине. № 35 — погребение женщины 20—25 лет, головой на юго-юго-запад. Окрашено. Вокруг черепа — остатки зубов рыб (20 экз.). № 36 — погребение ребенка 7—8 лет рядом со скелетом № 35, ориентировано в противоположную сторону — на северо-северо-восток. На стопах — две подвески, в области шеи — зубы рыб (7 экз.). № 37 — погребение ребенка 6—7 лет рядом со скелетом № 36, ориентировано так же. Сильно окрашено, при нем — 81 зуб вырезуба на локтевых суставах, ниже лобковых костей таза и на стопах. Найдены две подвески из зубов оленя, а также хорошее костяное шило, две кремневые пластины, в том числе одна микролитическая (около левого виска), другая — средних размеров. Последняя лежала рядом с шилом.

№ 38 — погребение мужчины 20—25 лет под скелетом № 33 в яме А6. Ориентировано

головой на юго-юго-восток, вытянуто на спине. Скелет сильно окрашен. Около правого плеча — ракушка анадонты, а возле правого локтя — маленькая спиральная ракушка с отверстием. Между бедренными костями лежали кучей раздробленные кости быка и человека, в том числе обломки человеческого черепа. Значительная часть костей быка обожжена. Найден маленький скребок.

№ 39 — погребение мужчины 25—30 лет на скелете № 40 в яме А4, ориентировано головой на юго-юго-запад. В плечах несколько сжато. Около левой плечевой кости обнаружено костяное шило. Слабо окрашено.

№ 40, 41 — погребения мужчины 40—45 лет (№ 40) и ребенка 8—10 (№ 41). Скелет № 40 лежал под скелетом № 39 в яме А4. На костях правой руки № 40 скелет ребенка. Ориентированы на юг. Сильно окрашены. Вдоль позвоночника № 40 — семь подвесок из зубов оленя, ниже лобковых костей — ряд зубов рыб, в ногах, на дне ямы — микролитический скребок, над позвоночником с правой стороны, в области груди — поясницы, — две трапеции.

Подводя итоги исследованию Вильнянского могильника, можно сделать вывод, что некрополь существовал довольно продолжительное время, за которое заметно изменился обряд погребения, что и привело к образованию трех групп погребений, различающихся как по ритуалу, так и по уровню залегания.

Более ранние захоронения перекрыты поздними, в том числе погребения первой группы второй, а второй — третьей, что подтверждает разновременность групп погребений. Так, скелет № 5 (третья группа) полностью перекрывал "красную" яму со скелетами № 18, 18а — 18г. Последняя же, в свою очередь, располагалась непосредственно над остатками овальной ямы со скелетом № 30 (первая группа). На более древний возраст скелетов первой группы по сравнению со скелетами второй указывает перекрытие овальной ямы А4 квадратной ямой Б1.

Отмечены, кроме того, перекрытия скелетов первой группы (№ 19, 20, 31, 32, 34) скелетами третьей (№ 4, 5).

На о-ве Виноградном, напротив с.Привольное Верхнехортицкого р-на, А.В.Добровольский в 1929—1930 гг. исследовал большой разновременный могильник — более 70 могил, среди которых — 18 вытянутых на спине погребений неолитического времени (Арх. ИА ВУАК, № 46). При неолитических скелетах находки отсутствуют; в могилах эпохи энеолита обнаружены оригинальные подвески, имитирующие недоразвитые зубы оленя, и пронизки из трубчатых костей птиц (рис. 31, 20—25). Многие скелеты окрашены красной охрой.

I Вовнигский (левобережный) могильник. Напротив с.Вовниги Солонянского р-на Днепропетровской обл., на левом (запорожском) берегу Днепра (оз. Ленина) — два крупных (Вовниги 1, Ясиноватка) и три небольших (Вовниги 3, Ясиноватое 1, Ясиноватое 2) неолитических могильника, а также отдельные местонахождения с захоронениями этого времени.

Могильник исследован в 1949 г. М.Я.Рудынским [1956]. Представляет собой большую (2 × 4 м) яму подпрямоугольной формы, где в красном охристом заполнении головой к югу лежали целые и разрозненные скелеты (31), образуя несколько ярусов (рис. 33, 1). Погребенные лежали вытянуто на спине. Инвентарных погребений 14, но количество находок при них невелико, причем они весьма однообразны — подвески из недоразвитых зубов оленя, глоточные зубы рыб из вида карповых [Шпет, 1956], которые, видимо, пришивались к одежде, кремневые пластины с ретушью (рис. 33, 2—16). В засыпке могильника найдены редкостная для могильника этого типа Поднепровья костяная шаровидная бусина с отверстием (рис. 7, 19), а также три фрагмента керамики с накольчатым орнаментом (рис. 33, 17, 18). Последние относятся к этапу II-в днепро-донецкого неолита Надпорожья [Телегин, 1968, с. 73]. Шаровидная бусина аналогична бусинам из Мариупольского могильника, где их найдено множество.

Антропологический материал Т.С.Кондукторовой [1960].

Гадючая балка — у с.Привольное Верхнехортицкого р-на, напротив раскопанных А.В.Добровольским в начале 30-х годов неолитических стоянок Собачки и Волчек. На левом склоне балки А.В.Бодянский [1951] исследовал парное, видимо, неолитическое захоронение. Погребенные уложены вытянуто на спине, слегка окрашены красной охрой.

Клауса Балка — на левом (Запорожском) берегу Днепра, напротив с.Вовниги.

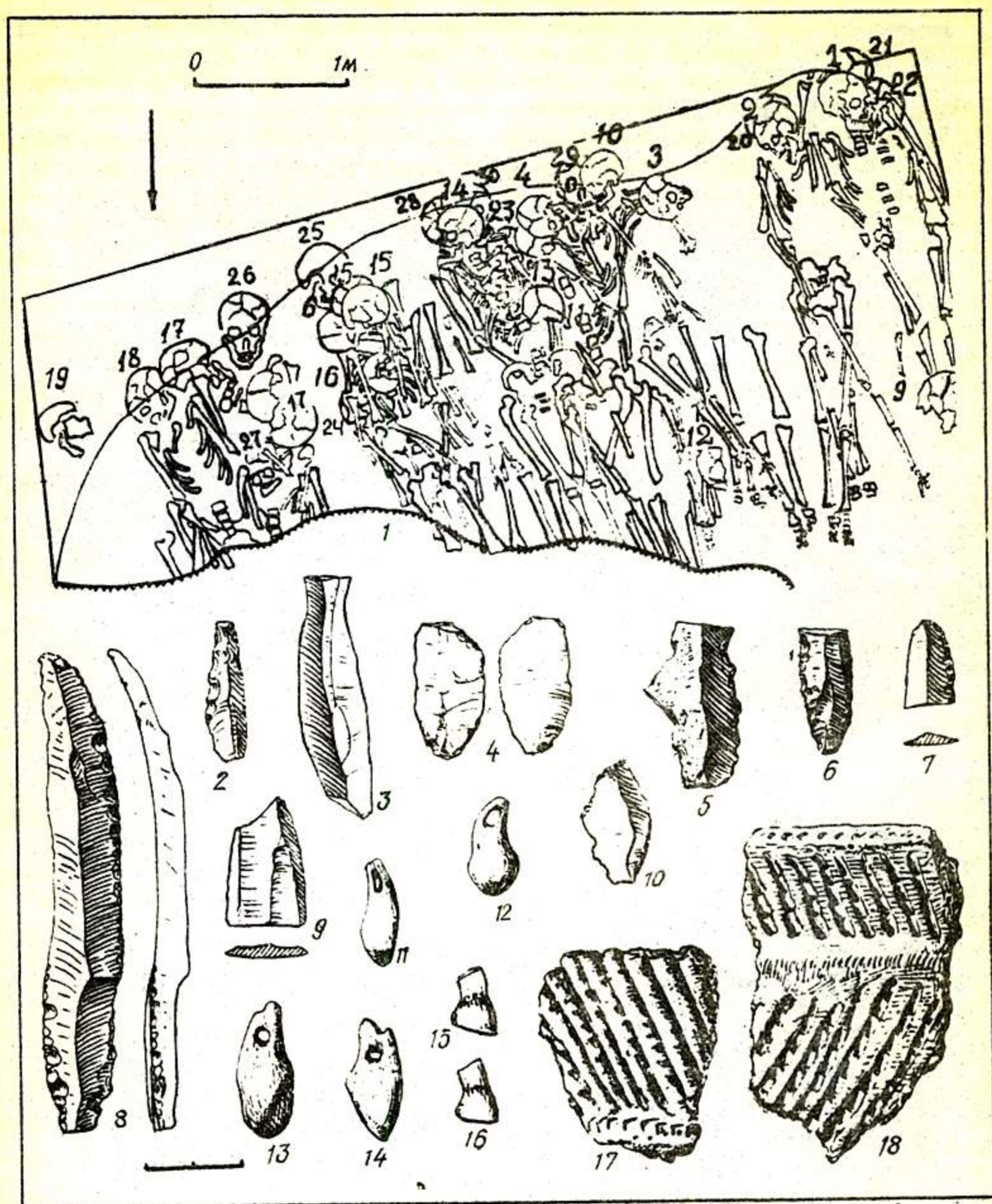

Рис. 33. 1 Вовныгский (левобережный) могильник:
план (1), находки в яме (2 – 18)

В 1954 г. восточнее правого мыса балки (150 м) А.В.Бодянский исследовал погребение, которое залегало в отложении третьей террасы на глубине 1,5 м, вытянуто на спине, головой к востоку, т.е. по течению реки, окрашено. Инвентарь не обнаружен.

Лысогорский могильник — один из богатейших по составу находок и весьма сложный по устройству погребальных сооружений памятник такого рода в Поднепровье. Обнаружен около рц Васильевка в уроч. Лысая гора, в обнажении лессовой террасы Каховского водохранилища А.В.Бодянским [1961]. Вскрыта основная часть площадки могильника в виде большого красноохристого пятна, контуры которого — линии, сходившиеся под прямым углом, — прослежены с двух сторон. Направление линий показывает, что юго-восточный угол пятна находился на нераскопанной части террасы; вся северо-западная часть пятна, к сожалению, разрушена размывом (рис. 34, 1). В разрезе пятно представляло собой линзу толщиной до 60–70 см, которая залегала в подпочве на глубине 0,6–0,9 м. В пределах красноохристого пятна, насыщенного различными

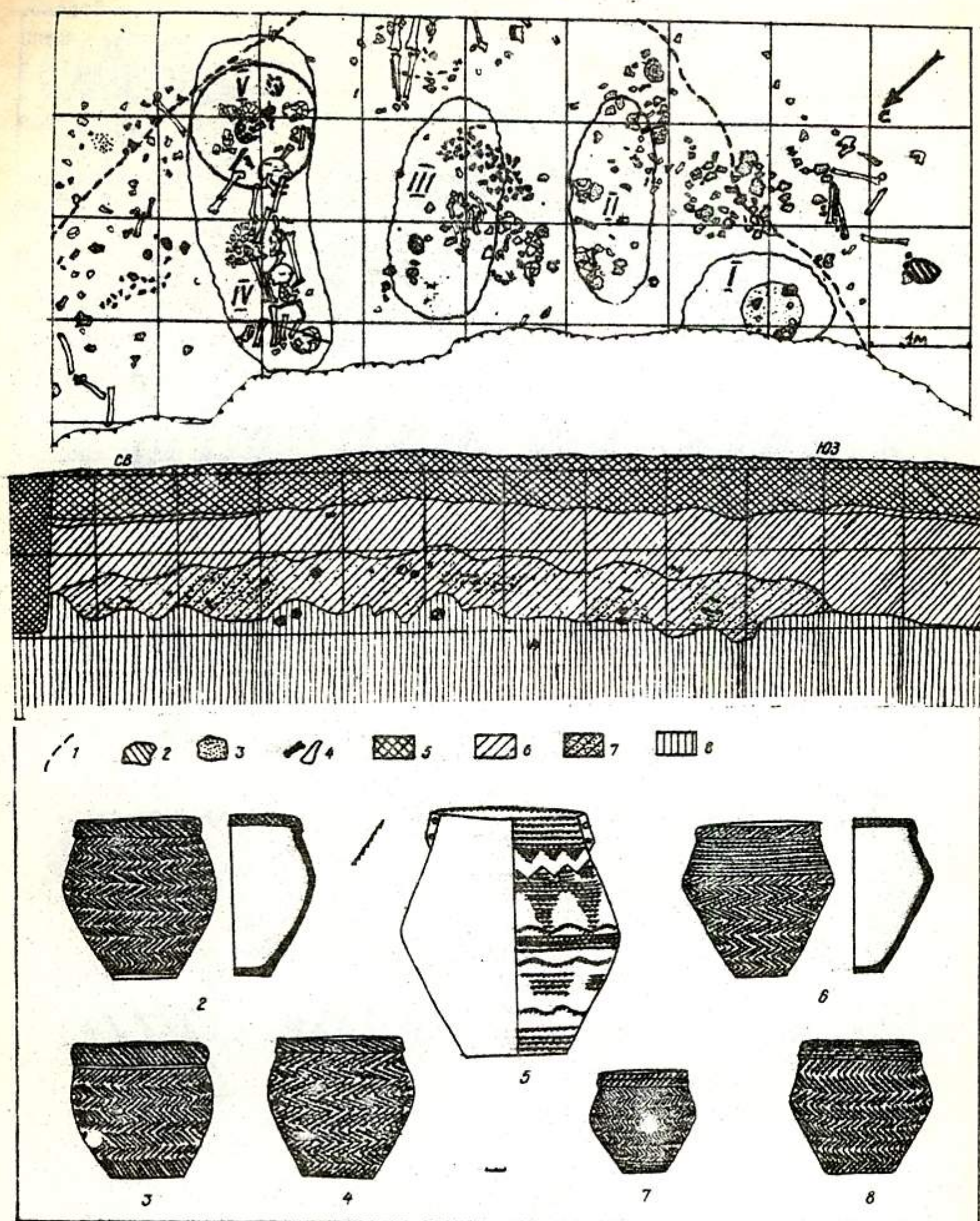

Рис. 34. Лысогорский могильник. План и схематический разрез (1), сосуды (2-8)

находками, главным образом обломками керамики, а также костями человека и животных, расчищены пять погребальных ям округлой (I, V) или удлиненно-овальной (II-IV) формы. В ямах сосредоточивались погребения, преимущественно разрушенные. Состав погребенных и их сохранность в ямах различная.

В трех ямах (I-III) обнаружены лишь останки детских захоронений, в том числе в яме I - одно, в яме II - три, а в яме III - четыре. Ямы IV и V представляли собой, видимо, одно погребальное сооружение, где в длинной его части обнаружены скелеты в вытянутом положении, а в круглой яме - более 20 черепов. Часть черепов и костей в ямах IV, V обожжена. На площади могильника, в том числе над ямой III, отмечены еще два скопления обожженных костей, где удалось выделить остатки трех взрослых скелетов. Кроме погребений в ямах I-V и следов трупосожжения, на площади могильника открыто несколько скелетов без ям, которые залегали в глине. Покойники лежали вы-

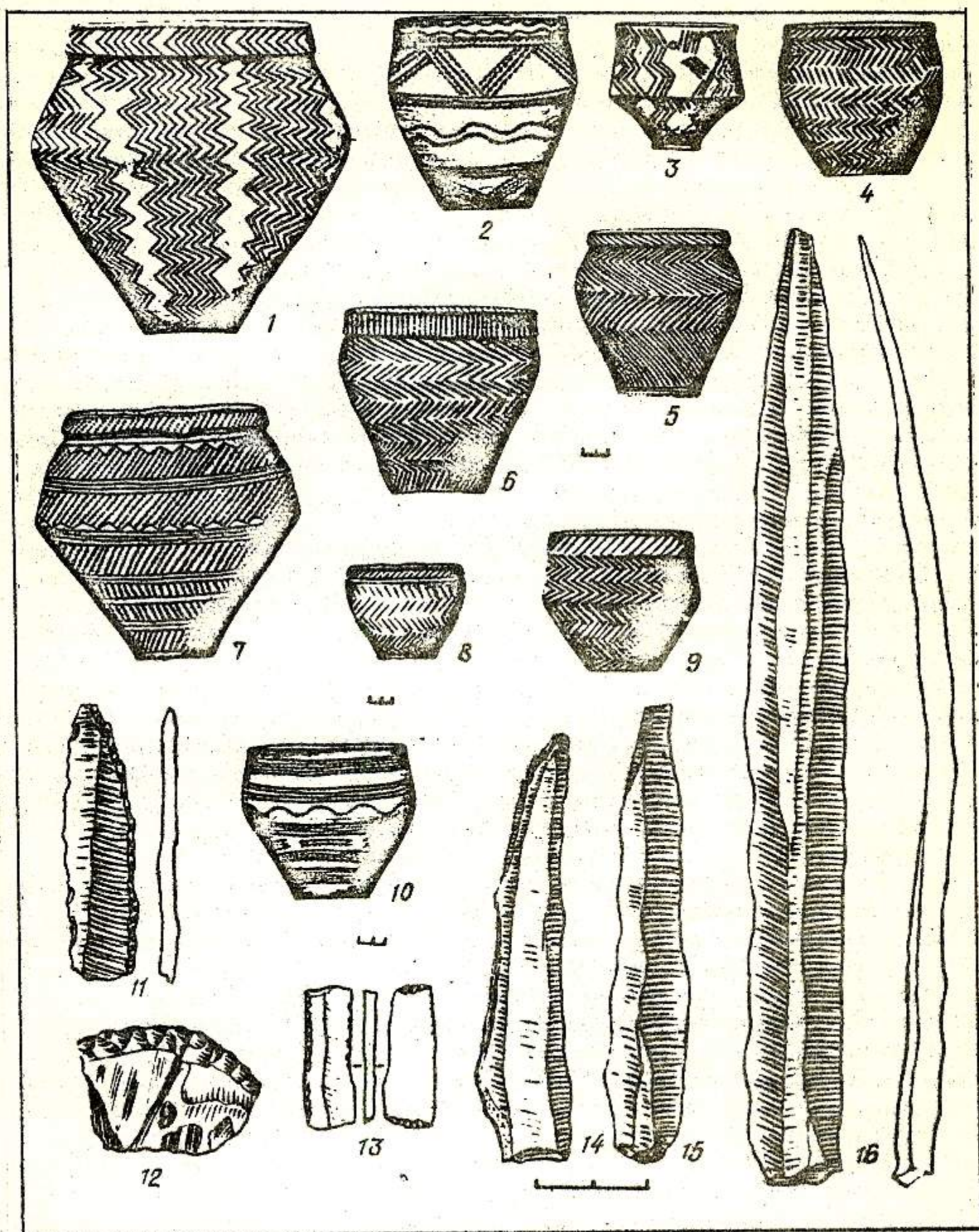

Рис. 35. Лысогорский могильник. Керамика (1-10) и кремневые изделия (11-16)

тянуто на спине, не окрашены, с некоторым инвентарем. А.В.Бодянский считает погребения вне ям наиболее древними на могильнике. Всего исследовано более 50 погребений, в том числе без ям — 6-7, в ямах I-III — 8, в ямах IV, V — 26; из трупосожжений — около 6 скелетов.

Инвентарь Лысогорского могильника весьма разнообразен и многочислен (рис. 32, 3-15; 34, 2-8; 35). На площади красного пятна и в засыпке ям обнаружены обломки 80 сосудов, разбитых при совершении захоронений. Состав керамики довольно однообразен; он типичен для этапа II-в надпорожской культуры. Реставрировано около 20 сосудов. Это горшки с плоским дном, биконические, с воротничковым венчиком. Орнамент покрывает обычно всю поверхность и даже дно сосуда. Преобладает накольчатый орнамент, реже встречаются насечки или приглаженные линии. В тесте — примесь дресвы, заметны растительные остатки. А.В.Бодянский отмечает сосуд с примесью ракушки в тесте.

При погребениях обнаружено более 20 кремневых изделий; среди них — крупные ножи и ножевидные пластины, скребки на пластинах и др. Весьма богат и ассортимент украшений: семь пластин мариупольского типа на эмали клыка кабана, зубы рыб, несколько подвесок из зубов оленя и многочисленные кольцевые бусины (в поперечнике от 0,6 до 3,5 см) из различных материалов — сланца, гештира, кости, ракушки, а также миниатюрные шаровидные бусины серо-голубого цвета и пронизка удлиненной формы. Следует подчеркнуть, что состав украшений при одиночных погребениях, которые залежали в глине без ям, и при скелетах в ямах I—V не совсем одинаков. В первом случае не встречены лишь пластины мариупольского типа, а в ямах — подвески из зубов оленя, хотя иные типы украшений для всех могил были общими.

Уроч. Собачки на правом берегу Днепра около с. Привольное Запорожского р-на. Здесь в 1928 г. А.В.Добровольским раскопан небольшой могильник на площади большой неолитической стоянки (рис. 5, 2). Скелеты (14) вытянуты на спине, ноги сведены вместе, кисти рук на тазовых костях, девять засыпаны охрой; инвентаря нет. Погребения, ориентированные головой в противоположные стороны (север — юг), образуют один ряд — семь одиночных и две групповые могилы по три и четыре скелета. Первые залегают на 45 см выше групповых ям. Одиночное (№ 4) погребение перекрывает групповое (см. рис. 5, 2). Неолитические захоронения из уроч. Собачки древнее ямных погребений, на что указывает одиночное погребение (№ 7), перекрытое скорченным скелетом, под закладкой с тремя древнеямными сосудами позднего этапа культуры.

Ясиноватое. Между селами Ясиноватое и Варваровка Вильнянского р-на С.Н.Кравченко и С.Н.Ляшко раскопали в 1984—1985 гг. два пункта с неолитическими погребениями, получивших название Ясиноватое 1 и Ясиноватое 2; материалы не опубликованы.

Ясиноватое 1. Остатки неолитического могильника обнаружены в обнажении левого (коренного) берега Днепра (оз. Ленина). Исследованы пять погребальных ям: три одиночные, парная (взрослый и ребенок) и коллективная (4 скелета). Ямы расположены близко друг от друга; образуют один ряд. Кроме того, в обнажении террасы зафиксированы остатки верхней части еще двух скелетов, видимо, из второго ряда могил, который был размыт. Всего исследовано 11 погребенных, среди которых взрослые, подросток и ребенок.

Погребальные ямы удлиненно-овальной формы. Залежали на фоне светлой супеси под черноземом на глубине более 1 м, глубина ям от зафиксированного среза 0,4—0,5 м. Погребенные уложены вытянуто на спине, головой к югу — перпендикулярно к течению реки. Окрашены красной охрой.

Собрано значительное количество мелких находок: подвески из недоразвитых зубов оленя, кольцевые бусины из ракушки, роговые, костяные и кремневые изделия. На некоторых подвесках — насечки. Среди орудий из кости, видимо, наконечники рогатины, шилья-проколки. Кремневые изделия представлены скребком из отщепа, ножевидной пластиной, обломками таких пластин и двумя маленькими трапециями с подструганой спинкой.

Ясиноватое 2. Остатки могильника обнаружены в тех же топографических условиях. Состоит он из восьми захоронений, расположенных вдоль берега на протяжении 35—40 м. Среди них два парных, одиночное, а три представлены захоронениями отдельных черепов. Погребенные уложены вытянуто на спине, окрашены охрой. Находки отсутствуют, за исключением ножевидной пластины энеолитического облика при одиночном черепе.

Могильник, видимо, относится к концу неолита — началу медного века.

Ясиноватский могильник находится между селами Варваровка и Ясиноватое Вильнянского р-на в уроч. Ясиноватка, на левом мысу балки Склюватой, или Камянуватой. Обнаружен А.В.Бодянским. Исследован автором в 1978 г.

Могильник располагался на высоте около 10 м над современным уровнем Днепра (оз. Ленина). Если учесть, что вода значительно поднята плотиной Днепрогэса, то в древности могильник находился на высокой террасе Днепра, около 25—30 м над руслом.

Стратиграфия наслоений в районе могильника такова: степной чернозем мощностью до 0,8 м, постепенно переходящий в бурую подпочву толщиной до 0,6 м, который залегал в мощном слое лесса светло-желтого цвета. Погребальные ямы были спущены со средней и нижней частей подпочвы, т.е. с глубины около 1 м от современной поверх-

ности. На этом уровне, прежде всего на фоне светлеющей подпочвы, вырисовывалось большое темно-красное пятно подквадратной формы. На поверхности и вблизи его расчищены крупные камни (в поперечнике до 0,8–1 м), которые иногда лежали небольшими скоплениями — по 3–4. На месте пятна находилась и основная коллективная усыпальница могильника — яма Б. Ниже под ней и несколько в стороне раскрыто еще семь относительно небольших, овальных в плане ям — А1–А7 (рис. 3; 36; 37, 1).

Всего в Ясиноватском могильнике обнаружены, судя по наличию черепов, 68 погребений, в том числе, по определению И.Д.Потехиной, взрослых — 51, подростков — 4 и детей — 9. Среди взрослых определены 36 мужчин и 15 женщин.

Антропологический материал И.Д.Потехиной [1988].

Сохранность скелетов различная. Целых или неполных скелетов с черепами около 30.

Обряд погребения, как и во всех могильниках мариупольского типа, довольно устойчив. Погребенные вместились в могилу в вытянутом положении, руки чаще всего слегка согнуты в локтях, кисти на тазовых костях. Реже встречаются погребения, у которых руки прямые, кисти около костей таза. Интересно отметить, что часть скелетов, в частности в "красной" усыпальнице, сильно прогнуты вниз в области таза, ноги прижаты друг к другу. Очевидно, покойники были связаны, "спеленуты" или же втиснуты в очень узкую яму.

Весьма вероятно, что с ямой А1 следует связывать и погребение № 32 с такой же ориентацией, как и остальные, но залегавшее на 20 см выше. Скелет № 32 поврежден, видимо, погребением № 32б с северной ориентацией.

В яме А2 обнаружено семь скелетов (рис. 3); один полуразрушенный (№ 31) лежал сравнительно высоко, на 40–60 см выше остальных, а ниже — четыре одиночных черепа (№ 55, 57, 58, 59) и множество разрозненных костей, которые перекрывали и окружали два целых или почти целых скелета (№ 56 и 58а). Слой скелетов достигал почти 80 см. Около детского скелета № 56 найдены украшения: в районе груди и таза — около 30 зубов вырезуба, а в стопах — три подвески из зубов оленя.

В яме А3 расчищены останки взрослого погребенного (№ 39), около его черепа найден зуб вырезуба. Яма А3, видимо, перерезала край ямы А2.

В яме А4 четыре целых или почти целых скелета (№ 40–42, 65) залегали в два яруса (рис. 36). У стоп детского скелета № 40 найдена подвеска из зуба оленя, а около черепа № 65 — ножевидная пластина и 18 подвесок из зубов оленя.

Ориентировка погребенных прослежена в 44 случаях; для разных групп она не одинакова. В ямах типа А все скелеты, за исключением одного (№ 21), лежали головой к юго-востоку. В яме Б по ориентации выделяются две группы: головой к северо-востоку и северо-северо-западу. Отклонения от нее единичны.

Из 68 погребенных 21 залегал в малых овальных ямах типа А: в яме А1 — шесть скелетов (№ 53, 54, 61–64), в А2 — семь (№ 31, 55–58, 58а, 59), в А4 — четыре (№ 40–42, 65), в ямах А3, А5–А7 — по одному (№ 39, 60, 21, 5) (см. рис. 3). В групповых ямах скелеты залегали часто один над другим, в несколько ярусов, обычно перерезая или повреждая предыдущие погребения, поэтому здесь встречаются как целые скелеты, так и отдельные черепа; в засыпке ям много разрозненных костей.

В яме А1 сверху залегали три одиночных черепа (№ 53, 61, 62) и верхняя часть скелета № 54, а также значительное количество грубчатых костей, видимо, тех же скелетов, а ниже (друг над другом) — два потревоженных скелета, вытянутые на спине: № 53 выше, а № 64 ниже. Вся толща костей равнялась примерно 50 см. При скелете № 54 найдены семь подвесок из зубов оленя и миниатюрный обломок ножевидной пластины из кремня, у грудной клетки № 63 — створка ракушки уню, а около локтевой кости левой руки скелета № 64 — плохо сохранившееся костяное шило.

В ямах А5–А7, как отмечалось, залегало по одному погребению (№ 60, 21, 5).

Кроме захоронений в ямах А2–7 к этой же группе, видимо, следует относить групповое погребение (№ 19, 20, 20а), где контуры ямы прослежены не полностью, а также погребения № 32 и 33, где ямы вообще не отмечены. О принадлежности захоронений к этой группе могильника, кроме их ориентации, свидетельствует прорезание скелета № 33 погребением № 34 из "красной" ямы Б. При погребениях № 19, 20 также найдены две подвески из зубов оленя — типичные находки для овальных ям типа А.

Красное пятно коллективной усыпальницы Б зафиксировано при зачистке в средней части подпочвы. Яма опускалась в лесс на глубину до 0,8 м в центральной части,

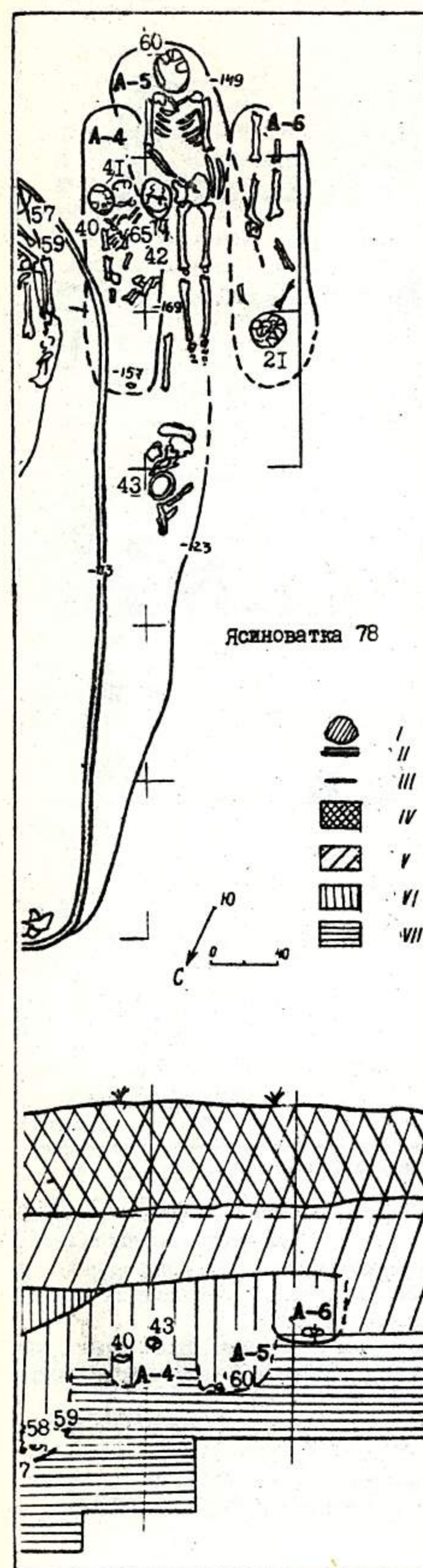
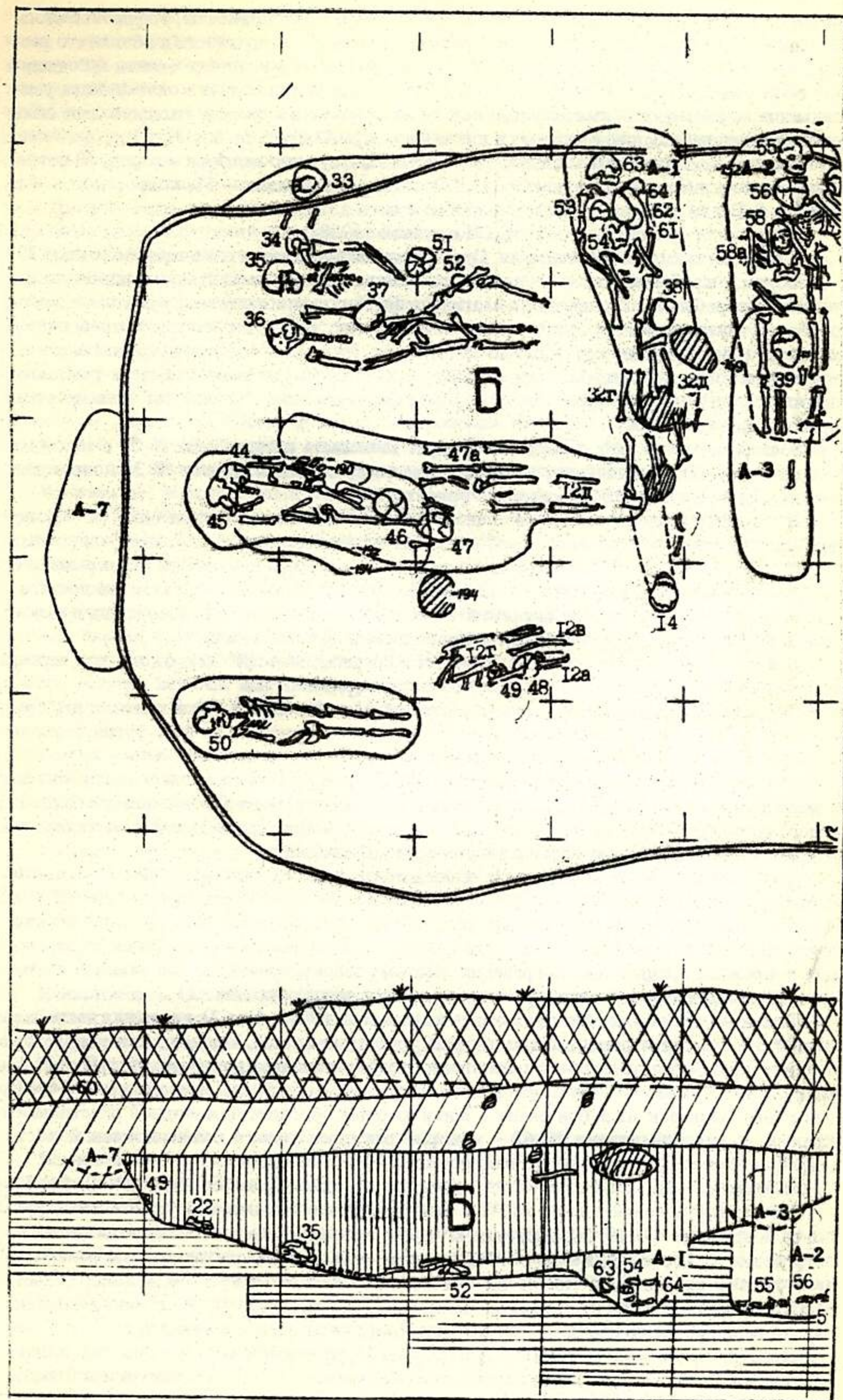

Рис. 36. Ясиноватский могильник. План и стратиграфия погребальных ям

а к краям ее дно несколько повышалось, в частности в юго-западную сторону, где толща красного заполнения частично перекрывала ямы типа А (см. рис. 36; 37).

В плане "красная" яма Б имела подквадратные очертания размерами 5,2 × 5,6 м (см. рис. 6). В северной ее части наслоения прорезаны погребением ямного времени, исследованным А.В.Бодянским ранее под закладкой. В верхней части толщи оно более темное, а книзу светлее. На дне ямы, в ее северо-восточной части, отмечены целые скопления ярко-красной краски. Местами они образовывали пятно в поперечнике до 0,5 м, несколько углубленное в лессовое светло-желтое дно ямы.

Всего в яме Б обнаружено более 30 скелетов и их останков, которые, как отмечалось, по ориентации четко распадаются на две группы — Б-1 и Б-2.

Погребения группы Б-1 ориентированы на северо-восток. Залегали в северо-восточной части ямы Б. Судя по черепам, их насчитывается 33, из которых только шесть залегали в анатомическом порядке при наличии черепа (№ 3, 24, 35, 36, 45, 50). Остальные захоронения представлены одиночными черепами (№ 1, 1а, 4, 6, 6в, 7-12, 22, 23, 25-28, 34, 37, 44, 46-49, 51, 52). Кроме того, в этой части ямы из десяти скелетов сохранилась в анатомическом порядке часть посткраниальных костей, по которым установлена их ориентация. Всего, таким образом, с северо-восточной ориентацией определено 16 захоронений. Много здесь и одиночных разрозненных человеческих костей разрушенных скелетов. Разрушение вызвано многократными повторными захоронениями, что хорошо наблюдалось в нескольких случаях. Так, при сооружении ямы для погребения № 35 сильно поврежден скелет № 34, а скелет № 35, в свою очередь, по длине перерезан ямой для погребения № 36.

Среди погребений группы Б-1 достоверно инвентарным оказалось всего одно — № 45. Здесь обнаружены 11 украшений в виде нашивных пластин, вырезанных из эмали клыка кабана. Находились они в области плечевой и проксимальных концов лучевой и локтевой костей левой руки. Пластины, очевидно, были нашиты на рукав одежды эмалью наружу. Это довольно крупные пластины (длиной до 7,8 см), слегка изогнутые. По форме и орнаменту не совсем одинаковые (рис. 23, 18-25; 38, 1-8). В засыпке ямы найдены также ножовидная пластина небольших размеров, обломок пластины с ретушью и зубы животных и рыб (рис. 38, 9-16).

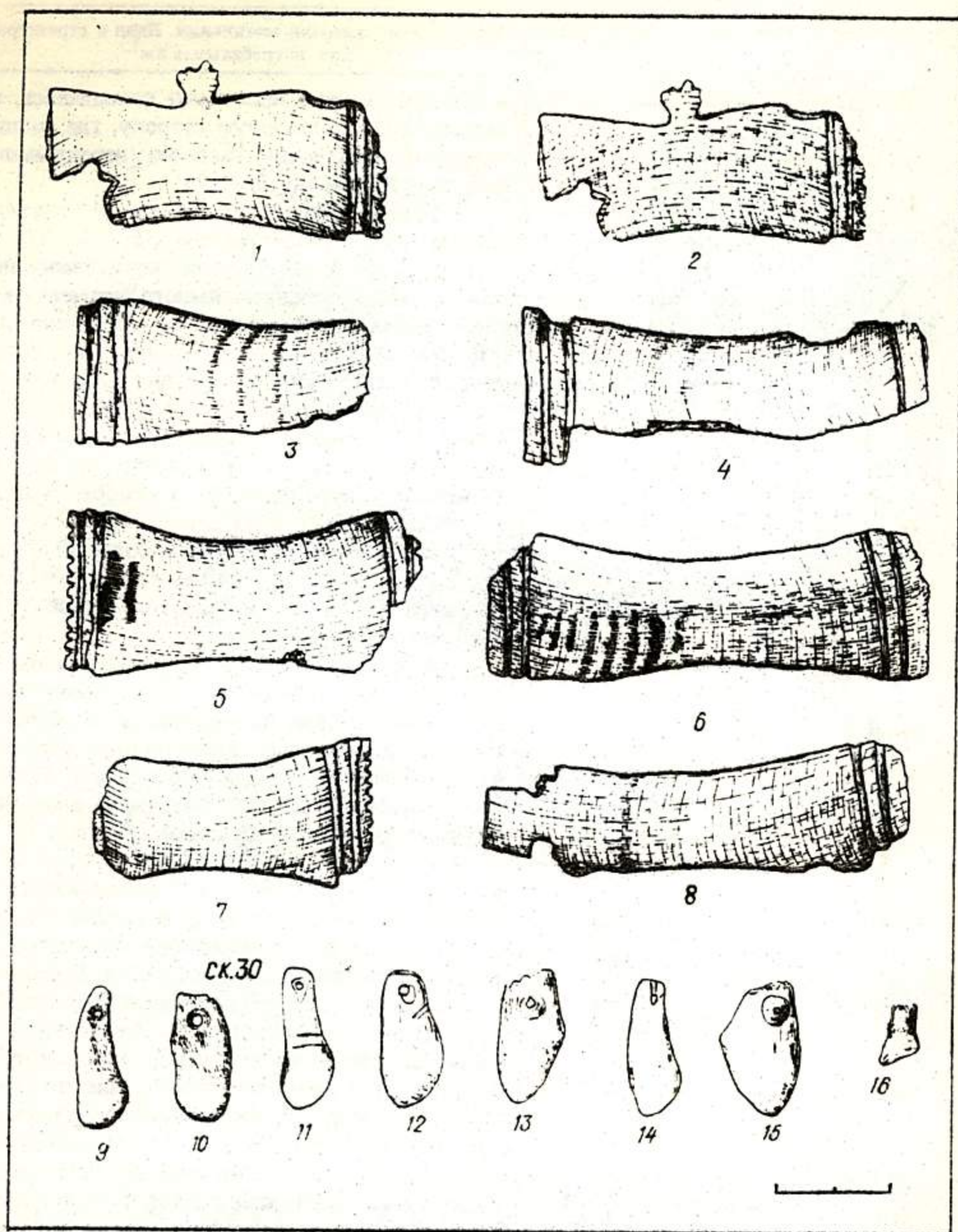

Рис. 38. Ясиноватский могильник. Украшения

В красном заполнении северо-западной части ямы Б на разной глубине найдены более 30 мелких кремневых орудий труда, а также около 20 фрагментов горшков неолитического облика (рис. 9; 37; 2–9). Среди кремневых изделий — 13 ножевидных пластин, пластины с ретушью (ножи) — 8 экз., скребок на отщепе, трапеции и их заготовки — 5 экз., шесть тупоспинных остриев и пластин (см. рис. 9).

Кремень и керамика аналогичны находкам в таких поселениях Надпорожья, как Вовнигские стоянки (правобережная и левобережная), Собачки, Волчек и др., которые относятся к раннему этапу позднего неолита [Телегин, 1968, с. 67–73].

Погребения группы Б-2 ориентированы на северо-северо-запад. Залегали в юго-западной части ямы Б. Судя по черепам, здесь покоилось десять погребенных; пять целых или почти целых (№ 14–18) и столько же одиночных черепов (№ 13, 29, 30, 38, 43). Кроме того, отмечены посткраниальные кости в анатомическом порядке (№ 16а, 17а, 32б–32д), а также разрозненные трубчатые.

Инвентарь в погребениях группы Б-2 не обнаружен. В засыпке этой части ямы найдены лишь обломок сравнительно широкой пластины и мелкий отщеп.

Описание погребений. № 1, 1а, 2, 4, 6—12 — одиночные черепа женщины 25—30 лет (№ 1), ребенка 6—7 лет (№ 1а), мужчин 50—55 (№ 2, 10), взрослого (№ 4), женщины 20—25 (№ 6), мужчины 50—60 (№ 7), женщины 40—45 (№ 8), мужчины зрелого возраста (№ 9), мужчины 30—35 лет (№ 11) и подростка (№ 12).

№ 3 — погребение взрослого, вытянутое на спине, в красном заполнении ямы Б.

№ 5 — погребение мужчины зрелого возраста в яме А7, вытянуто на спине, кисть правой руки в области таза.

№ 5а — кости ног, возможно, в анатомическом порядке, в красном заполнении у восточного края ямы Б.

№ 6а, 6б — поврежденные останки погребения ребенка (№ 6а) и взрослого (№ 6б) без черепов, над северо-западной стенкой ямы Б. Рядом — молочные зубы из погребения № 6в.

№ 12а—12д — пять поврежденных погребений взрослых, залегающих в три яруса, без черепов. Между ними — два одиночных черепа (№ 48, 49).

№ 13 — останки одиночного черепа плохой сохранности. Видимо, разрушен при погребении медного века под закладкой.

№ 14 — погребение взрослого в основании заполнения "красной" ямы Б, вытянуто на спине.

№ 15, 16 — погребения мужчин в засыпке ямы Б, в ее западном крае, вытянуты на спине.

№ 16а — останки погребения взрослого без черепа, вытянутое на спине.

№ 17, 17а — погребения взрослого и подростка в красном заполнении ямы Б, вытянуты на спине, головой к северу — северо-западу.

№ 18 — погребение мужчины зрелого возраста, крайнее у западного края ямы. Залегало частично (правая сторона) в желтой глине за пределами красного пятна, вытянуто на спине. Обнаружены две подвески из зубов оленя.

№ 19, 20 — погребения взрослых, перекрыты красным заполнением. Лежали рядом (скелет № 20 расположен ниже скелета № 19), в одинаковом положении — вытянуто на спине, головой к юго-востоку, видимо, в овальной яме. Трубчатые кости сохранились плохо. Найдена подвеска из зуба оленя.

№ 20а — разрушенный череп и три длинные кости на уровне черепов № 19, 20.

№ 21 — погребение подростка в яме А6, вытянуто на спине, головой к северо-западу. Вблизи черепа, восточнее и севернее, — кучки крупных костей.

№ 22, 23, 25—30 — одиночные черепа мужчины 40—45 лет (№ 23), взрослых (№ 22, 25, 26, 28, 29), мужчины 50—55 лет (№ 27) и ребенка 5—6 лет (№ 30) в яме Б.

№ 24 — погребение мужчины 35—40 лет в красном заполнении ямы Б, вытянуто на спине, головой к северо-востоку. Руки слегка согнуты в локтях, кисти на костях таза.

№ 31 — погребение взрослого в верхней части ямы А2. Сохранились лишь череп и обломки плечевых костей; положение на спине, головой к юго-востоку.

№ 32 — погребение мужчины 40—45 лет, вытянуто на спине, головой к юго-востоку, сохранились череп, верхняя часть грудной клетки, ключицы и часть костей левой руки. Засыпано красной охрой.

№ 32а—32е — останки шести погребений взрослых без черепов в нижней части красного заполнения ямы Б, в ее юго-восточной части. № 32а, 32е ориентированы к северо-востоку, северу (№ 32б), остальные — к северо-западу.

№ 33 — погребение взрослого, вытянуто на спине. Сохранились череп, обломки плечевых костей. Залегало за пределами красного пятна ямы Б. Видимо, перерезано скелетом № 35 из ямы Б.

№ 34, 37, 38, 43, 44, 46—49, 51, 52 — одиночные черепа в яме Б детей 5—6 лет (№ 34, 51), женщин (№ 37, 43), мужчин (№ 38, 44, 47, 52) и взрослых (№ 46, 48, 49).

№ 35 — погребение взрослого в яме Б, вытянуто головой к северо-востоку, перерезано скелетом № 36.

№ 36 — погребение взрослого в овальной узкой яме, опущенной на дно из желтой глины усыпальницы Б; вытянуто на спине, лицом вверх, головой к северо-востоку.

№ 39 — погребение взрослого в неглубокой овальной яме А3 под усыпальницей Б; вытянуто на спине, головой к юго-востоку. Около черепа, справа, найден зуб вырезуба.

№ 40—42 — групповая могила А4, заполненная подпочвой. Скелеты слегка посыпаны охрой; вытянуты на спине, головой к юго-востоку. № 40 — ребенок 7—8 лет, № 41 — 6—7 лет. № 42 — пожилая женщина. У стоп скелета № 40 найдена подвеска из зубов оленя.

№ 45 — погребение взрослого в овальной челновидной яме в основании усыпальницы Б, вытянуто на спине, головой к северо-востоку, лицом вверх. Сильно окрашено.

№ 47а — останки погребения взрослого в нижней части красного заполнения на дне усыпальницы Б.

№ 50 — погребение взрослого в челновидной яме под северной стенкой усыпальницы Б, в ее желтом основании. Глубина ямы от дна усыпальницы 35 см. Вытянуто на спине, головой к северо-востоку, лицом вправо. Скелет сильно прогнут вниз в тазе. Концы ног и череп залегали выше таза на 20—30 см.

№ 53, 54, 61—64 — шесть погребений в яме А1, в том числе три одиночных черепа (№ 53, 61, 62), один скелет частично потревоженный (№ 54) и два (№ 63, 64) целых. № 54, 63 и 64 окрашены охрой; № 53 — женский 20—25 лет, № 54 — мужской.

№ 55—58, 58а и 59. Залегали в овальной яме А2 под скелетом № 31. Полностью сохранился только детский скелет (№ 56), кроме черепа, — скелет № 58а. Завал костей покрывал почти всю площадь ямы. № 55 — мужчина 25—30 лет, № 58 — до 20 лет, № 59 — мужчина зрелого возраста. Детское погребение залегало вытянуто на спине, засыпано охрой; при нем найдены зубы рыб и три подвески из зубов оленя.

№ 60 — погребение взрослого в овальной яме А5, контуры которой частично прослежены на уровне скелета. Вытянуто на спине, головой к юго-востоку, лицом вверх, несколько влево.

№ 65 — погребение взрослого в яме А4, под скелетами № 40—43. Контуры ямы прослежены на уровне скелета № 65 — овально-удлиненная, сужающаяся к ногам. Погребение вытянуто на спине, головой к юго-востоку. Руки сильно прижаты к туловищу, кисти на костях таза. Скелет в плечах сжат. Череп слегка повернут лицом вправо. Хорошо окрашен, но засыпан "серой" землей. Около нижней челюсти, с левой стороны, обнаружена ножевидная пластинка средних размеров брюшком вверх, вдоль позвоночного столба (начиная с грудных позвонков) — 16 подвесок из зубов оленя, 2 — ниже костей таза, слева и справа от концов стоп на том же уровне в пределах ямы — два зуба вырезуба.

Стратиграфия. По стратиграфическим наблюдениям, погребения в овальных ямах типа А более древние, чем захоронения из большой квадратной "красной" усыпальницы — ямы Б. Об этом свидетельствует прежде всего перекрытие красным заполнением ямы Б в ее юго-западном конце трех ям типа А (см. рис. 36). Более поздний возраст погребений в яме Б подтверждает и то, что скелет № 32 из ямы А перерезан погребением № 32 из ямы Б.

Сложнее решать вопрос о хронологическом взаимоотношении погребений групп Б-1 и Б-2, хотя наличие этих групп не вызывает сомнений. Обе они занимают обособленные участки в яме Б и неодинаково ориентированы. Группа Б-1, судя по черепам, включает 33 захоронения, а группа Б-2 — 10.

Создается впечатление, что первая группа захоронений с северо-восточной ориентацией, которые занимали 2/3 ямы, основная в яме Б. Мощность красного заполнения здесь в 2 раза превышала наслоения в районе сосредоточения погребений группы Б-2. Видимо, яма-усыпальница Б первоначально изготовлена для погребений группы Б-1 и только затем частично расширена в юго-западную сторону, чтобы принять захоронения группы Б-2 уже с иной ориентацией.

Таким образом, в развитии Ясиноватского могильника, несомненно, можно выделить два хронологических типа — более ранний и поздний. Для первого характерны небольшие ямы овальной формы, засыпанные подпочвой, где залегали скелеты с юго-восточной ориентацией. В погребениях встречаются украшения в виде подвесок из зубов оленя и рыб, иногда по несколько десятков. Кремневых изделий очень мало, керамика отсутствует.

Второй этап характеризуется появлением прямоугольной в плане усыпальницы, сплошь засыпанной красной охрой. Погребения ориентированы головой к северо-востоку (группа Б-1) и северо-северо-западу (группа Б-2).

При захоронениях группы Б-1 найдены украшения в виде пластины мариупольского

типа из клыка кабана, а в засыпке собраны кремневые изделия и фрагменты керамики с гребенчато-накольчатым орнаментом. Подвески из зубов оленя встречены лишь в одном случае. Погребения в яме Б, видимо, также не одновременны. Среди них более ранними следует считать захоронения группы Б-1, а погребения группы Б-2 — более поздними. Хронологический разрыв между группами, видимо, очень небольшой.

В целом, Ясиноватский могильник, судя по составу кремневых изделий и типологическому составу керамики, безусловно, хронологически предшествует позднейшим могильникам этого типа в Поднепровье, в частности времени коллективных усыпальниц Никольского, Лысой горы и др.

Кировоградская область

Деревянский могильник (173 погребения) — крупнейший среди памятников неолитического типа [Телегин, Жилиева, 1964]*. Расположен на правом мысу р.Омельник, впадающей в Днепр справа у с.Деревка Кремгессовского р-на. Это наиболее северный в Поднепровье могильник из числа крупных памятников этого типа. Находится в пределах южной части Среднего Поднепровья, на границе лесостепи и лесной зоны Украины.

Групповые и одиночные погребения могильника тянутся вдоль берега Омельника на протяжении более 100 м. По расположению погребений выделяются две части — западная (а) и восточная (б), между которыми неолитических могил не обнаружено. Старожилы утверждают, что здесь в 30-х годах при земляных работах была разрушена большая погребальная яма со множеством окрашенных скелетов. Следовательно, количество погребенных в Деревянском могильнике первоначально было значительно больше, чем исследовано нами (рис. 39, 1).

Все погребения вытянутые на спине. Кроме того, исследовано семь могил со скорченными скелетами эпохи меди — бронзы. В расположении погребений, характере погребальных ям западной и восточной частей могильника отмечаются некоторые особенности.

Погребения западной части залегают в основном в одной большой яме подпрямоугольной формы размерами 6 × 3,5 м (рис. 40). Расчищено 51 погребение, из которых лишь 20 не потревожены при повторных захоронениях. Остальные скелеты представлены обычно разрозненными костями и отдельными черепами. Толща такого "костного" слоя в центре ямы достигала 0,5—0,6 м. Заполнение ямы темное, прослежены крупинки красной охры. Погребения — там, где удалось проследить, — ориентированы головой к западу, за исключением одного, который лежал головой к востоку (скелет № 18а).

Вблизи большой коллективной ямы западной части могильника находились более десяти одиночных захоронений и одна групповая могила (№ 42—44). Ориентация их несколько иная, чем в большой коллективной усыпальнице: большинство головой к юго-западу и югу, а некоторые, наоборот, — к северу и северо-востоку. В засыпке ямы собраны черепки одного сосуда с кольчатой орнаментацией (рис. 39, 4; 41, 17). Сдно из одиночных захоронений (№ 41), видимо, сидячее; найдено украшение в виде пластины мариупольского типа (рис. 41, 11).

Девять погребений в западной части могильника оказались инвентарными. Наиболее богатое среди них — захоронение № 49 в коллективной усыпальнице, где найдены пять подвесок из зубов оленя, пластинка мариупольского типа и 35 зубов рыб (рис. 41, 12—25). В завале костей под скелетом № 49 собрано значительное количество черепков с гребенчатой орнаментацией [Телегин, Жилиева, 1962]. Здесь же обнаружены глоточный зуб рыбы (скелет № 29) и обломок кремневого ножа. В групповой могиле (№ 42—44) найден кремневый наконечник копья (рис. 41, 1). Несколько находок обнаружено и в одиночных захоронениях этой части могильника, в том числе по одной подвеске из зубов оленя в погребениях № 4, 5 (в последнем, кроме того, — зуб рыбы). В одиночном погребении № 47 найдено семь кольцевых бус.

* После публикации могильника в 1965 и 1967 гг. исследовано еще 19 неолитических погребений. Антропологический материал Г.П.Зиневич [1967] и И.Д.Потехиной [1987].

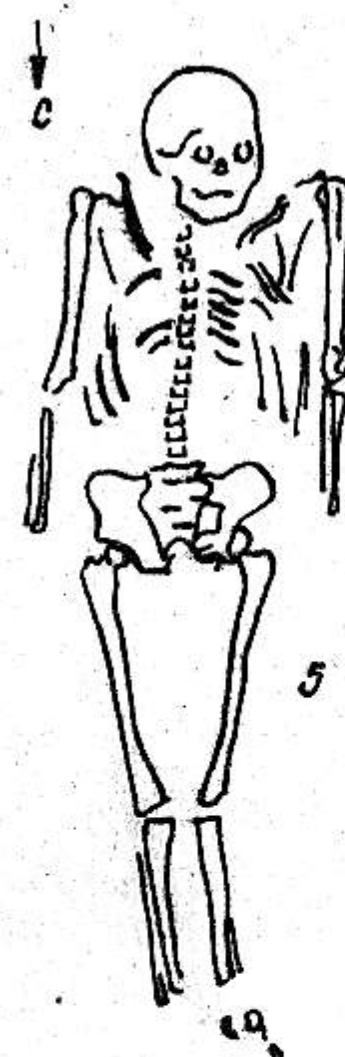
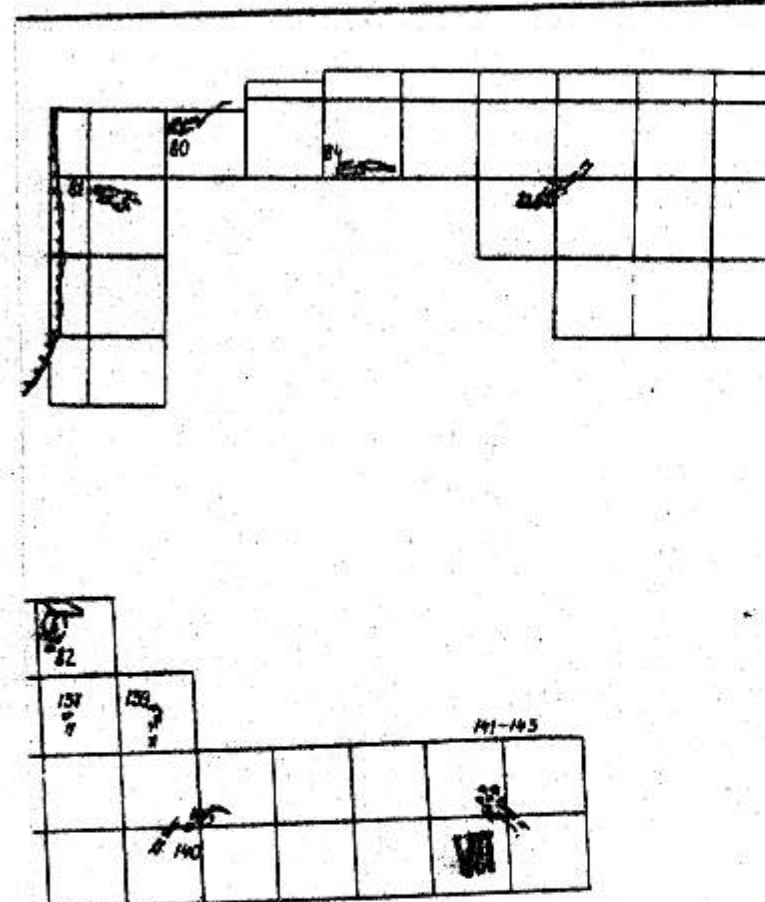
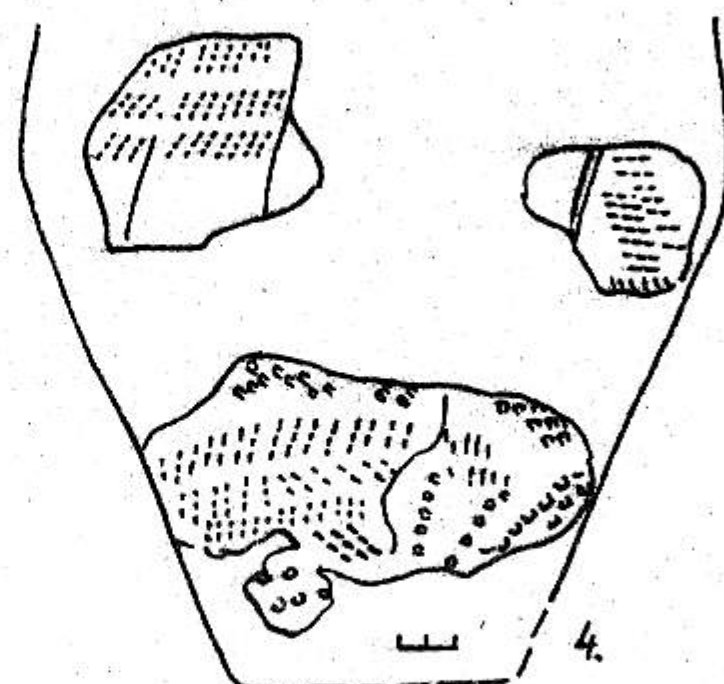
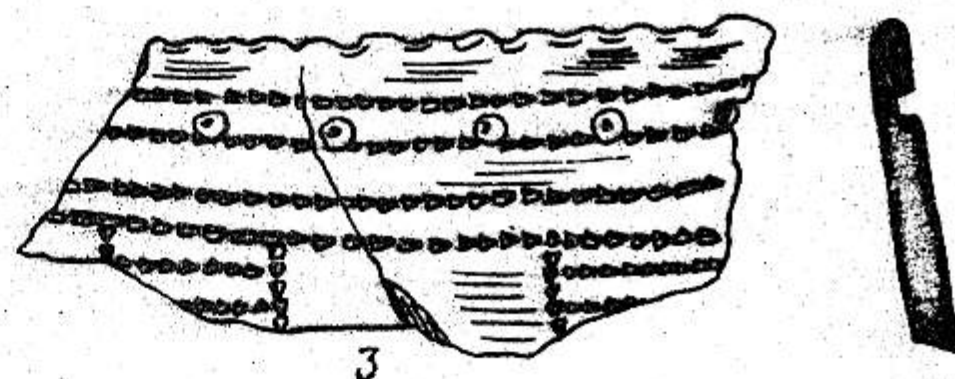
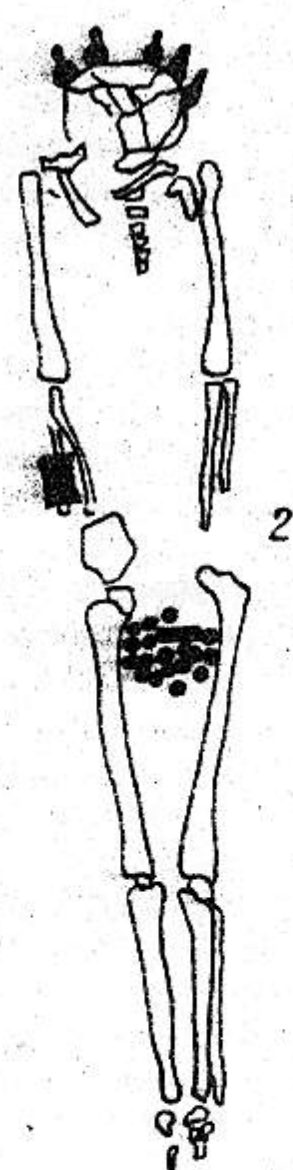
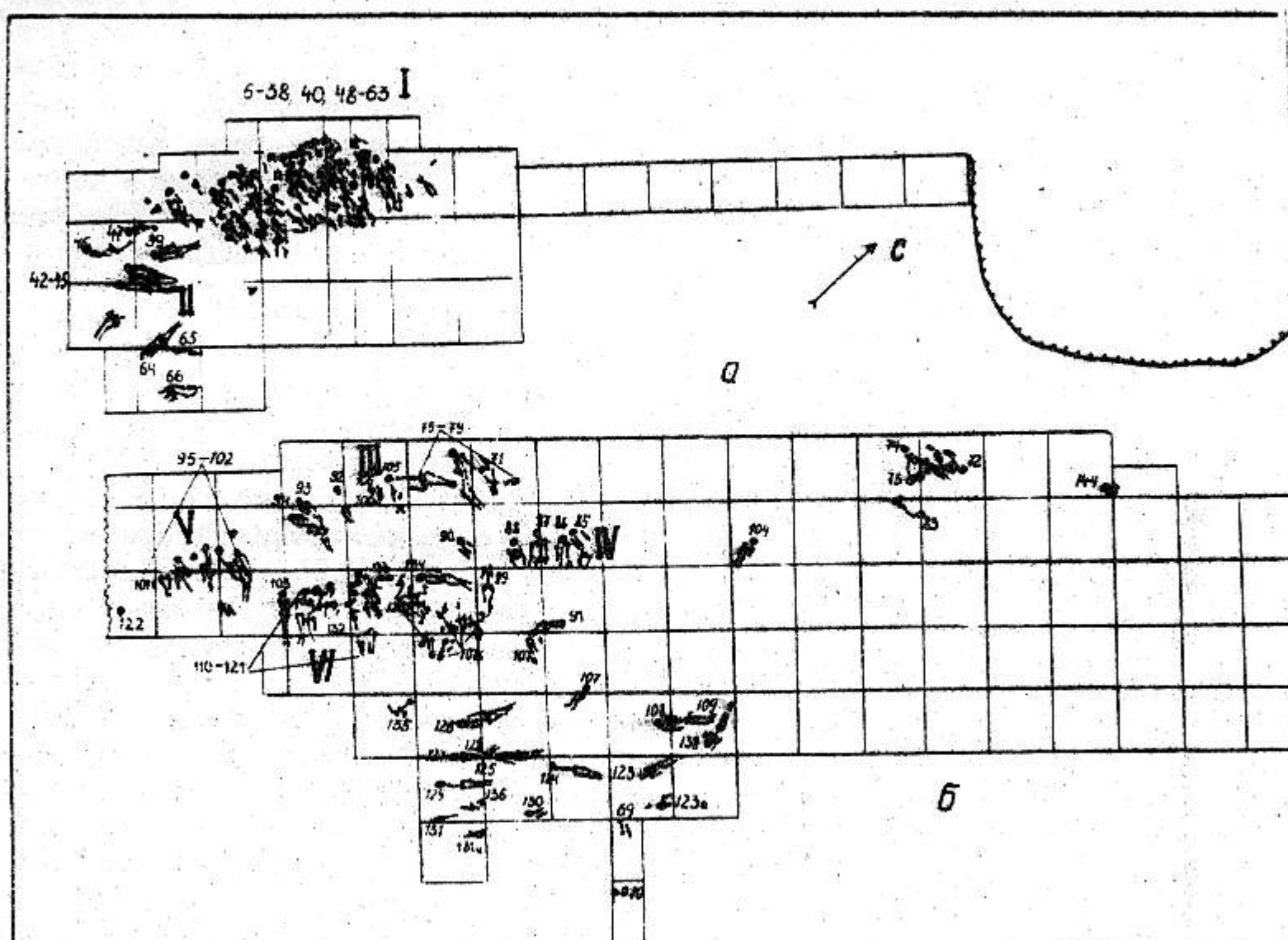

Рис. 39. Деревка 1. План западной (а) и восточной (б) частей могильника. Типы погребений (2, 5) и керамика (3, 4)

Расположение погребений в восточной части могильника несколько иное, чем в западной. Большинство из них залегали в четыре ряда и ориентированы головой, как и в коллективной усыпальнице, к северо-западу (см. рис. 39, 1). Восточнее этих рядов раскопано около 20 одиночных могил, где покойники ориентированы головой к юго-западу и западу. Некоторые, наоборот, лежали головой к северу или северо-востоку. Установлено, что отдельные одиночные погребения с юго-западной и северо-восточной ориентацией (№ 134) перекрывали могилы и ряды. Скелеты слабо окрашены. В восточной части могильника исследована также групповая могила из трех скелетов (№ 141-143).

В этой части могильника найдены всего три вещи: костяной гарпун оригинальной формы (№ 76), "жерлица" (№ 80) из того же материала (рис. 41, 3, 18) и кремневый скребок (№ 88).

При определении культурной принадлежности Деревянского могильника важную роль сыграла находка развалов двух горшков, формы которых в значительной степени реставрированы. В тесте сосудов прослежена примесь травы и песка; орнаментированы отступающими находками и оттисками гребенки, под срезом венчика глубокие цилиндрические ямки. Типологические сосуды сопоставляются с керамикой черкассской группы памятников днепро-донецкой культуры [Телегин, 1961, рис. 5].

Довольно значительные размеры, заметное разнообразие в ориентации погребений, наличие коллективной усыпальницы, групповых и индивидуальных могил указывают на то, что могильник, как место захоронений, функционировал довольно продолжительное время. Складывается впечатление, что первоначально функционировала западная часть могильника, судя по некоторым одиночным захоронениям (с подвесками из зубов оленя) и групповой могиле, а затем возникла коллективная усыпальница. Позже здесь появились захоронения в одиночных ямах. К коллективной усыпальнице по времени, вероятно, близок и ряд могил восточной части могильника. Наиболее поздние в Деревянском могильнике одиночные могилы, ориентированные по линии юго-запад — северо-восток. Очевидно, близко к ним по времени и сидячее погребение

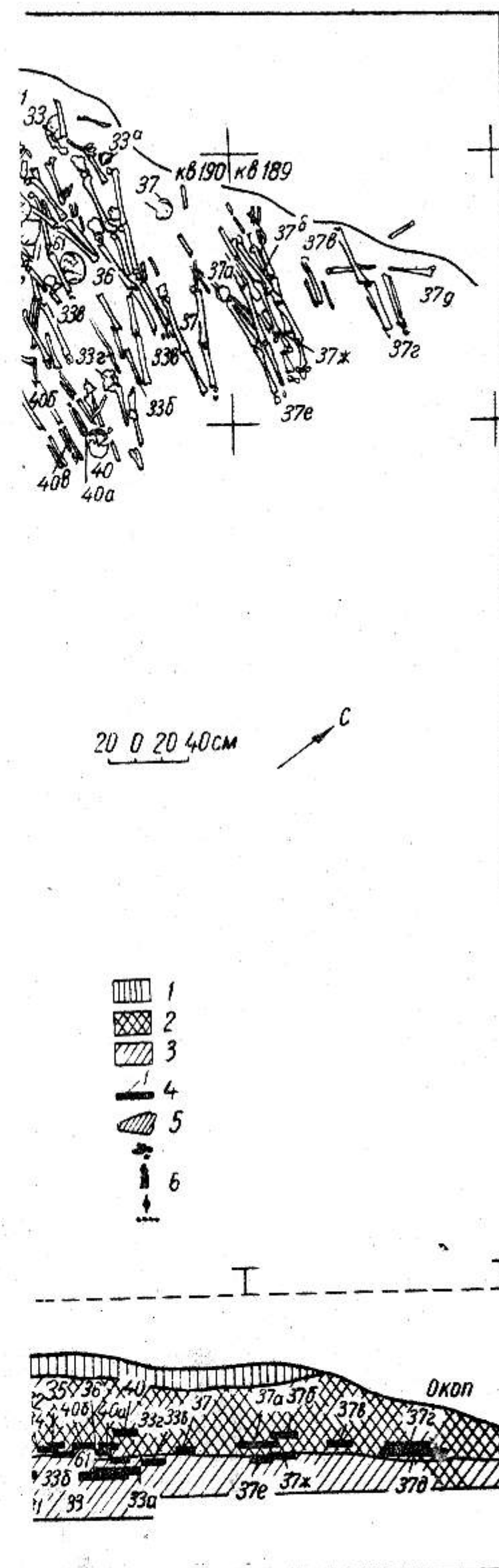
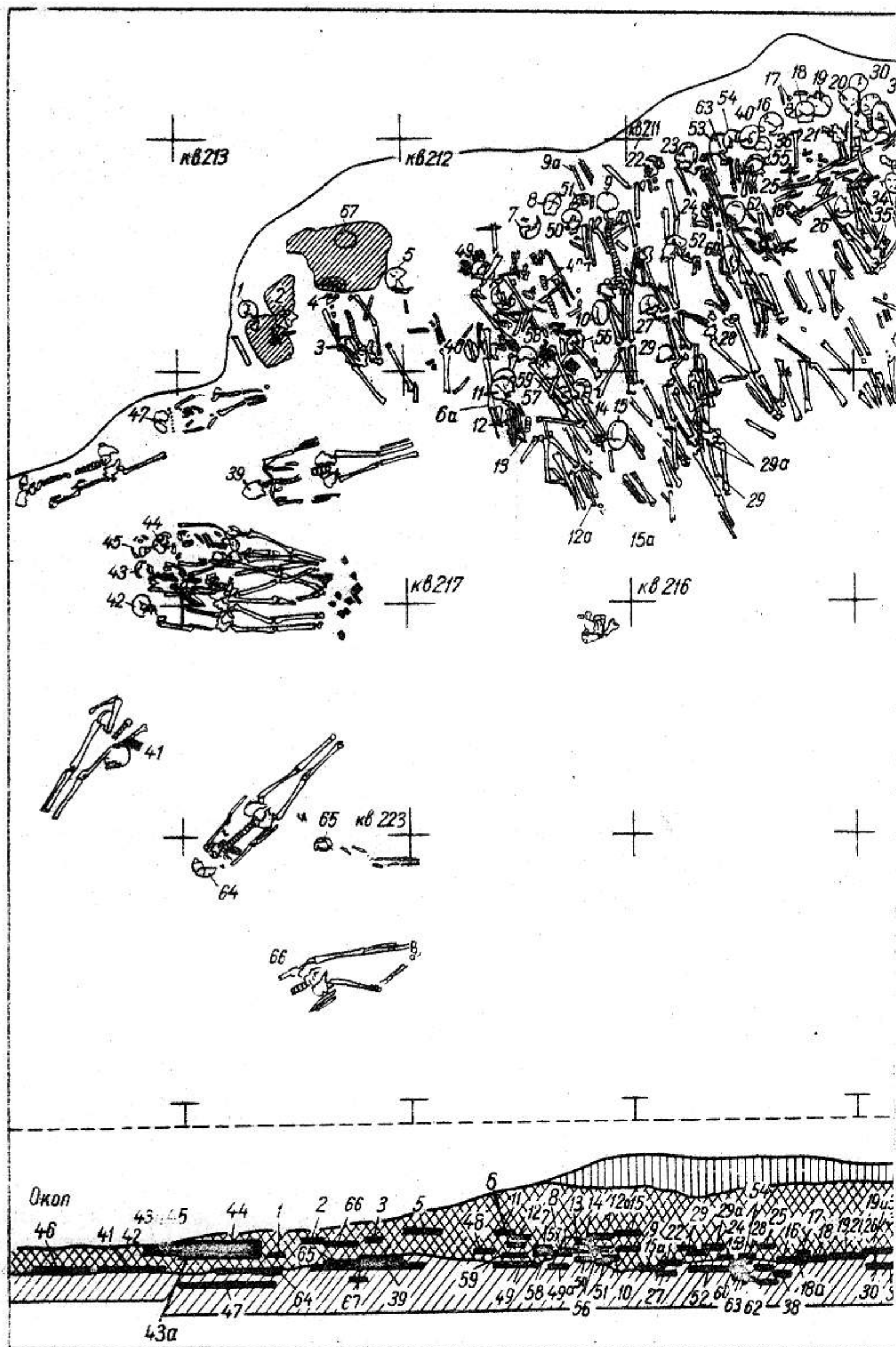

Рис. 40. Деревка. План и разрез западной части некрополя

бение № 41. В целом, разрыв во времени между погребениями всех видов, видимо, не очень большой, на что указывают общие типы находок при многих из них.

Обряд вытянутых на спине погребений в Деревке затем сменяется обрядом скорченных захоронений, что подтверждается стратиграфическим [Телегин, Жилева, 1964, с. 150 и сл.].

Крымская область

с. Долинка Краснопереконского р-на. Вблизи села в процессе раскопок кургана эпохи бронзы под полой последнего А.А.Шепинский в 1965 г. открыл неолитический могильник мариупольского типа, который включал около 50 погребений. Скелеты лежали вытянуто на спине, большинство их ориентировано головой в противоположные стороны. В центре некрополя скелеты залежали в несколько ярусов. Во многих случаях отмечена красная охра. Собраны значительное количество подвесок из недоразвитых клыков оленя и мелкие кремневые изделия: ножевидные пластины, проколки, трапеции со струганой спинкой, скребочки на отщепе и др.

Материалы могильника не опубликованы. Антропологические исследования не проводились.

Полтавская область

с. Каменные Потоки Кременчугского р-на. В уроч. Сиваш на правом берегу Днепра автор и Н.М.Шмаглый при шурфовке неолитического поселения киево-черкасской культуры исследовали неолитическое погребение. Скелет лежал вытянуто на спине, головой к северо-востоку. Найдены плотный зуб рыбы карповой породы и кусочек охры.

Харьковская область

Хут. Александрия Кулянского р-на. При исследовании многослойного поселения на левом берегу р.Оскол автором в 1955–1957 гг. раскопано семь захоронений, залежавших в вытянутом положении

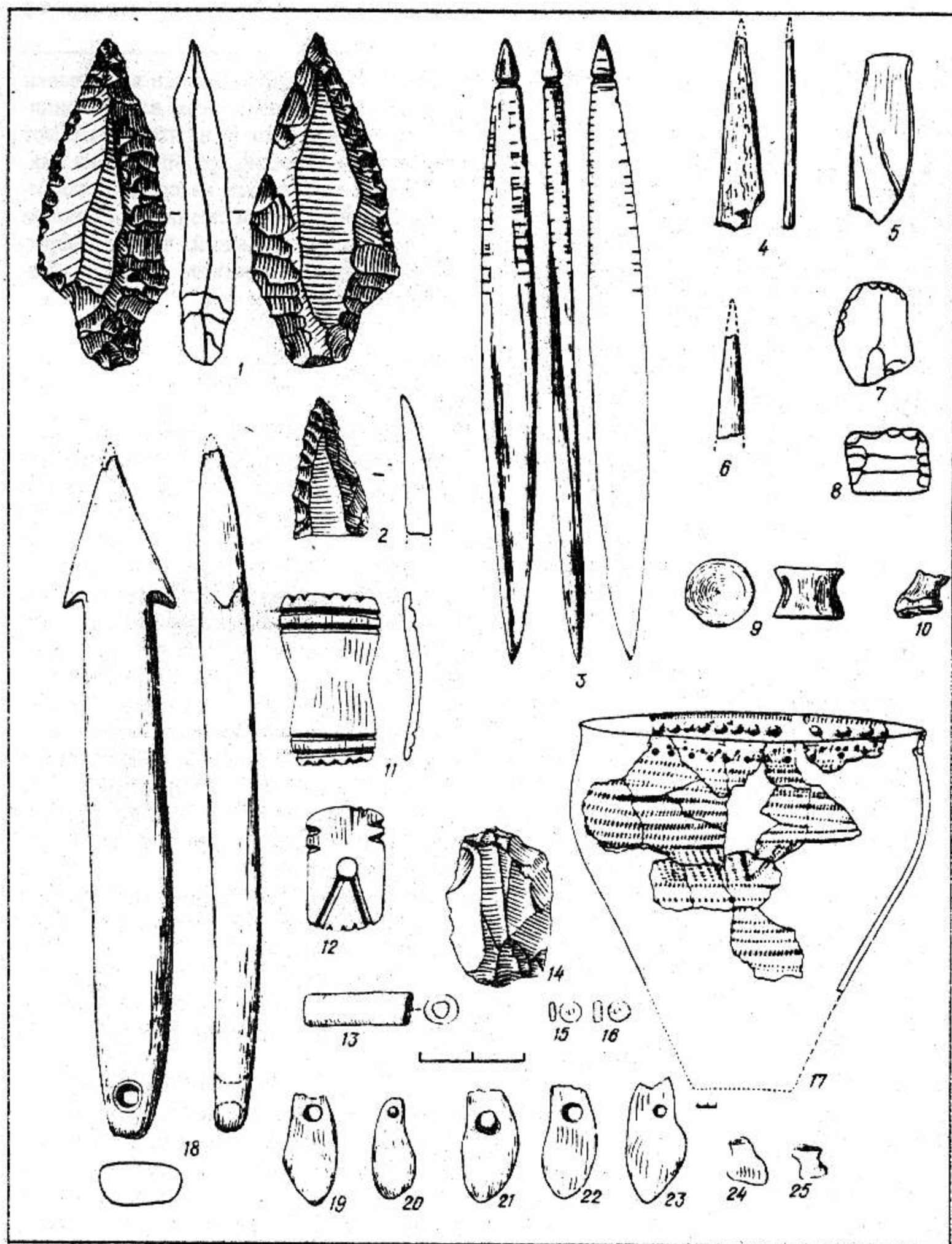

Рис. 41. Деревка. Инвентарь погребений

нии на спине; хорошо окрашены красной охрой (рис. 2, 1). Одна могила включала пять захоронений — взрослых и ребенка; две могилы одиночные. В некоторых погребениях обнаружены крупные ножевидные пластины из кремня энеолитического облика [Телегин, 1973, с. 108—112].

Антропологический материал Т.С.Сурниной [1963].

Госпитальный холм — могильник на берегу р. Орель у с. Залинейное Зачешиловского р-на. Расположен на уровне песчаной береговой террасы. Исследован И.Ф.Ковалевой [1984] в 1981—1982 гг. Содержал 90 неолитических захоронений, которые залегали вытянуто на спине, обычно сильно стиснуты с боков ("спеленутые"). Преобладали одиночные могилы, но есть также двойные и тройные. Могильные ямы располагались в один ряд длиной более 30 м по направлению запад — восток. Погребенные ориентиро-

ваны головой по принципу антитезы к северу и югу. В одних случаях скелеты залегали ярусами, в других захоронения перекрывали или прорезали друг друга. Кроме того, около десяти погребенных залегали в индивидуальных ямах за пределами основного ряда с различной ориентацией (рис. 42).

На костях часто встречались следы красной охры. Погребальный инвентарь крайне редок; найдены лишь каменное шлифованное тесло, ступка, кремневый нож, скребок и др. В засыпке ям отмечены фрагменты гребенчато-накольчатой керамики. Такие же находки встречаются на площади всего могильника. Возможно, в могилы они попали случайно. По определению Р.А.Мкртчян [1984], среди погребенных — мужчины и женщины.

На площади могильника, кроме того, исследовано значительное количество скорченных на спине захоронений, видимо, среднестоговской культуры.

ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ

с.Змиевка Бериславского р-на. При раскопках поселения поздней бронзы в 1951—1952 гг. А.В.Бураков исследовал четыре погребения, видимо, неолитического времени. Залегали они в лессе на глубине 1,75 м без следов погребальных ям. Вытянуты на спине, ноги сведены вместе, кисти рук в области таза. Сохранность плохая, не окрашены, безинвентарные, лишь между ребрами одного скелета (№ 1) найдена трапеция. Все погребения располагались в ряд с интервалом 2, 4, 6 м.

с.Каиры Горностаевского р-на. Вблизи села, в 200 м к северу устья Новоселовской балки, в размыве берега Каховского водохранилища автором совместно с А.В.Бодянским в 1957 г. обследованы остатки довольно крупного неолитического могильника. Под смытым черноземом на поверхности суглинка зафиксировано пятно размерами 2,5 × 8 м, окрашенное красной охрой. На его площади в размокшей глине залегали разрозненные кости, покрытые красной охрой, а также потревоженные кости скелетов в вытянутом положении на спине, три черепа, которые едва показались на размытой поверхности глины. Непосредственно около скопления костей просматривалась небольшая каменная закладка (1 × 1,5 м), под которой залегали окрашенные кости. К сожалению, из-за высокого уровня грунтовых вод исследовать могильник не представлялось возможным, а на следующий год он был уже полностью размыт.

ЧЕРКАССКАЯ ОБЛАСТЬ

с.Бузьки Чернобаевского р-на. На неолитической стоянке около с.Бузьки (теперь затоплено) в 1958 г. автором исследовано неолитическое погребение. Скелет залегал в удлиненной яме вытянуто на спине. Слегка окрашен красной охрой. Находок не обнаружено [Телегин, 1961].

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ РСФСР

с.Чир. При сооружении железной дороги в 1898 г. на высоком берегу р.Чир в 10 верстах от хут.Орский обнаружены две овальные ямы, заполненные красной глиной. В большей находилось пять скелетов, в меньшей — три. Все они лежали на спине, плечом к плечу, головой на запад. Кургана нет.

Обнаружены кремневые изделия: три наконечника стрел треугольной формы высотой до 2 см, несколько ножей длиной 6—7 см и каменная булава [Яковлев, 1901].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Л.И. Погребальный обряд земледельцев энеолита Центральной и Юго-Восточной Европы // Вестн. МГУ. Сер. ист. — 1981. — № 3. — С. 56–69.
- Авилова Л.И. К изучению поздне трипольского погребального обряда // СА. — 1978. — № 3. — С. 58–68.
- Авилова Л.И. О погребальном обряде культуры Гумельницы // *Studia Praehistorica*. — 1984* — 7. — Р. 153–169.
- Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. — Л., 1986. — 190 с.
- Артеменко И.И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. ИА АН СССР. — М., 1977. — 63 с.
- Археология Украинской ССР. — Киев, 1985. — Т. 1. — 565 с.
- Бадер О.Н. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунтирь // СА. — 1967. — № 3. — С. 142–159.
- Белановская Т.Д. Погребение близ неолитического поселения Ракушечный яр у станицы Раздорской Ростовской обл. // МИА. — 1972. — № 185. — С. 262–270.
- Болянский О.В. Неолітичний могильник біля Ненаситцького порога // Археологія. — 1951. — 5. — С. 163–172.
- Болянский О.В. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпорожжі // АП. — 1956. — Вип. 6. — С. 179–182.
- Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // Тр. этнографии. — 1959. — 49. — С. 80–82.
- Бутримас А., Гириникас А. Новейшие материалы каменного века в Литве (1976–1980). — Вильнюс, 1980. — С. 17.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с.Съезжее на Самаре // СА. — 1979. — № 4. — С. 147–166.
- Вулли Л. Ур халдеев. — М., 1961. — 195 с.
- Гадзятская О.С., Крайнов Д.А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА АН СССР. — 1965. — № 100. — С. 29.
- Гофман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита: Антрополог. очерк. — М., 1966. — 196 с.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. — 1956. — № 47. — С. 429.
- Даниленко В.Н. Энеолит Украины. — Киев, 1974. — 175 с.
- Дебец Г.Ф. Физический тип людей днепро-донецкой культуры // СА. — 1966. — № 1. — С. 14.
- Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. — Рига, 1975. — 402 с.
- Добровольский А.В. Восьма Ігрінська неолітична стоянка // АП. — 1949. — Вип. 2. — С. 243–252.
- Добровольский А.В. Могильник в с.Чапли // Археологія. — 1954. — № 9. — С. 106–118.
- Долуханов П.М., Третьяков В.П. Днепро-донецкий неолит и культура воронковидных кубков к северу от Карпат // *Acta archaeol. Carpatica*. — 1979. — 19. — Р. 47–50.
- Дымов Т., Бояджев Я., Тодорова Х. Праисторический некрополь край Дуранкулак, Талбухинский окр. // Добруджа. — 1984. — 1. — С. 74–88.
- Загорский Ф. Неолитический могильник Крейчи // *Archeologia un Etnografia*. — 1962. — 3. — 18 р.
- Загорский Ф. Типология и хронология погребений могильника каменного века Звейниски // *Ibid.* — 1974. — 11. — Р. 22–23.
- Зимина М.П. О работе Северо-Западной экспедиции // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 8–9.
- Зимина М.П. Могильник на стоянке "Репище" // КСИА АН СССР. — 1984. — № 177. — С. 63–71.
- Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. — Киев, 1967. — 223 с.
- Зиневич Г.П. Краниологичний матеріал з ранньонеолітичного могильника : Матеріали з антропології України. — К., 1964. — С. 29.
- Зиневич Г.П., Круц С.І. Антропологічна характеристика давнього населення території України. — К., 1968. — С. 102.
- Иванов И. Новые данные о погребальном обряде Варненского энеолитического некрополя // *Thracia Prehistorica*. — 1982. — 3. — С. 81–85.
- Казakov Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. — 1978. — № 2. — С. 165–177.
- Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке. — Днепропетровск, 1984. — 115 с.
- Ковалева И.Ф. Неоэнеолитический могильник "Госпитальный холм" // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1984. — С. 25–43.
- Кондукторова Т.С. Черепа из Вовнигских позднеэнеолитических могильников // КСИА АН УССР. — 1956. — № 6. — С. 58–71.
- Кондукторова Т.С. Палеоантропологічні матеріали Вовнизьких пізньонеолітичних могильників // Матеріали з антропології. — 1960. — № 1. — С. 66.
- Крайнов Д.А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1973. — С. 55.

- Кру́глов А.П., Пиатровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. Моги́льный в г.Нальчике // МИА. — 1941. — № 3. — С. 67–133.
- Крупнов Е.И. Прикаспийская экспедиция // КСИИМК АН СССР. — 1954. — № 55. — С. 95–106.
- Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. — Киев, 1977. — 158 с.
- Круц С.И. Население территории Украины эпохи меди — бронзы. — Киев, 1972. — 189 с.
- Макаренко М. Мариупольский могильник. — К., 1933. — 148 с.
- Массон В.М. Кара-Деле у Артыка // Тр. Южнотуркменской экспедиции. — 1960. — № 10. — С. 319–463.
- Матюшин Г.Н. Неолитическое поселение и погребение у г.Давлеканово на Южном Урале // СА. — 1970. — № 4. — С. 160–172.
- Мерперт Н.Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА АН СССР. — 1965. — № 105. — С. 10–20.
- Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры // Археология Старого и Нового Света. — М., 1982. — С. 28–49.
- Мкртчян Р.А. Палеоантропологический материал неолитических погребений могильника "Госпитальный холм" // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1984. — С. 44–59.
- Мовша Т.Г. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения // Материалы и исследования Юго-Запада СССР и РНР. — Кишинев, 1960. — С. 59–76.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. — М., 1975. — 414 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. — М., 1981. — 318 с.
- Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. — М., 1983. — 293 с.
- Пакрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии : Мезолит. — М., 1978. — 136 с.
- Потехина И.Д. К антропологической характеристике Деревянского могильника // Использование методов естественных наук в археологии. — Киев, 1978. — С. 109–128.
- Потехина И.Д. О носителях культуры Средний Стог II по данным антропологии // СА. — 1983. — № 1. — С. 144–154.
- Потехина И.Д. Антропологические материалы из раскопок 1971–1978 гг. в Поднепровье и на Орле // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. — Киев, 1984. — С. 97–121.
- Потехина И.Д. Краниологические материалы из неолитического могильника Ясиноватка на Днепре // СА. — 1988. — № 4. — С. 18–25.
- Рогачев А.Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки (Маркина гора) // СЭ. — 1955. — № 1. — С. 29–38.
- Рудинский М.Я. Вовнигские позднелитические могильники // КСИА АН УССР. — 1955. — № 4. — С. 147–151.
- Рудинский М.Я. Перший Вовнизький пізньолітичний могильник // АП. — 1956. — Вип. 6. — С. 151–161.
- Рыкунина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Батай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1984. — С. 121–136.
- Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. — 1965. — Вып. БЗ-8. — 53 с.
- Сидоров В.В. Стоянки из Наволок // АО 1979 г. — 1980. — С. 76.
- Столяр А.Д. Мариупольский могильник как исторический источник // СА. — 1955. — № 23. — С. 16–37.
- Сурнина Т.С. Палеоантропологический материал из Вильнянского неолитического могильника // Антропол. сб. — 1961. — № 3. — С. 3–25.
- Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из Александрийского энеолитического могильника // Тр. Ин-та этнографии. — 1963. — 82. — С. 144–153.
- Телегин Д.Я. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре // СА. — 1961. — № 4. — С. 3–10.
- Телегин Д.Я. Некрополи днепр-донецкой культуры и их историческое место // Там же. — 1966. — № 1. — С. 3–13.
- Телегин Д.Я. Днепр-донецкая культура. — К., 1968. — 254 с.
- Телегин Д.Я. Новые раскопки неолитических могильников в Надпорожье // АИУ. — 1968а. — Вып. 2. — С. 89–95.
- Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. — К., 1973. — 168 с.
- Телегин Д.Я. Мезолітичні пам'ятки України. — К., 1982. — 252 с.
- Телегин Д.Я. Радиоуглеродные и археомагнитные датирования трипольской культуры // Археология. — 1985. — Вып. 52. — С. 10–22.
- Телегин Д.Я. Керамика раннего энеолита типа Засуха в лесостеповом Левобережье Украины // Там же. — Вып. 64. — С. 73–81.
- Телегин Д.Я., Жилева С.И. Деревянский неолитический могильник // Там же. — 1964. — № 16. — С. 144–171.
- Титова Е.Н. Неолит Среднего Поднепровья : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. ИА АН УССР. — Киев, 1985. — 18 с.
- Урбан Ю.Н., Ивановская Н.И. Работы Кулининского отряда Верхневолжской экспедиции // АО 1969 г. — 1970. — С. 35.
- Федосеева С.А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск, 1980. — 223 с.
- Цветкова И.К. Погребения на стоянке Владычинская-Береговая // История и культура Евразии по археологическим данным. — М., 1980. — С. 8–14.

- Цвєткова И.К. Черногорский неолитический могильник : Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы // Тр. ГИМ. — 1985. — № 60. — С. 80–98.
- Черных Е.Н. Первые спектральные исследования меди днепро-донецкой культуры // КСИА АН СССР. — 1966. — № 106. — С. 66–68.
- Шапошникова О.Г., Бодянский О.В. Капулівський енеолітичний могильник на Нижньому Дніпрі // Археологія. — 1970. — Вип. 24. — С. 112–118.
- Шаталин Ю.А. Курган у станицы Старонижнестеблевской, раскопанный в 1982 г. // Материалы к научно-практическому семинару. — Краснодар, 1984. — С. 10.
- Шпет Г.И. Зуби з Вовнизького лівобережного могильника // АП. — 1956. — Вип. 6. — С. 160.
- Яковлев А. Плоские могилы на р. Чир в Донской обл. // Зап. имп. комис. Харьк. ун-та. — 1901. — С. 19.
- Albrithsen S.E., Brihch-Petersen E. Excavation of a Mesolithic Cemetery of Wedbek, Danmark // Acta archaeologica. — Copenhagen. — 1976. — 47. — S. 1–28.
- Behrens H. Die jungsteinzeit im Mitteleble-Saale-Gebiet. — Berlin, 1973. — S. 366.
- Boev P. Die Rassentypen der Balcanhalbinsel und der Ostägäischen inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft inner Bevölkerung. — Sofia, 1972. — 268 S.
- Bognar-Kutzian J. The copper age cemetery of Tiszapolgar-Basatanja. — Budapest, 1963.
- Boroneant V. Recherches archaeologiques culture Schela Cladovei de la zone des "Portes de Fer" // Dacia. — 17. — 1973. — P. 5–39.
- Breuil H., Lantier R. Les hommes de la pierre ancienne. — Paris, 1959. — 350 p.
- Cantacuzino Cn., Morinz S. Die jungsteinzeitlichen Funde im Cernica // Dacia. — 1963. — 7. — P. 27–89.
- Chmielewska M. Grób kultury tardenoasskiej w Janislawicach, pow. Skierniewice // Wiadom. arch. — 1954. — 12, 1.
- Comsa E. Die Bestattungssitten im rumanische Neolithikum Jahreschr. mittald. Vorgeschichte, 58. Halle/Saale, 1974. — S. 113–156.
- Coon C. Cave Explorations in Iran 1949. — Philadelphia, 1951.
- Срјобух Д. Лепенски Вир. — Београд, 1969. — 325 p.
- Dumitresku V., Bolomey A., Mogosanu F. Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie. — Bucarest, 1983. — 203 p.
- Fischer U. Die Gräber der Steinzeit im Saalegebiet // Vorgeschichtliche Forschungen. — 1956. — 15.
- Garašanin M. Pontski i stepski uticaji u Donjem Podunavlju i na Balkanu na prelazu iz neolitskog u metalno doba // Glasnik zemaliskog muzeia u Saraevu. N.S. — Sarajevo, 1961.
- Garrod D., Bate D. The stone age of Mount Carmel: Excavation of the Wady-el-muhara. — 1937. — 1.
- Glosik J. Grób skieletowe barwione z Pievkunova, pow Gizycko nad Jeziorom Kisajno // Wiadom. arch. — 1969. — 34, 2. — S. 189–203.
- Gramsch B. Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder // Veröff. Museums Potsdam. — Berlin, 1973. — 172 S.
- Häusler A. Die Grabsitten der mesolithischen und neolithischen Jäger und Fischergruppen auf dem Gebiet der UdSSR // Wissenschaft. Zeitschrift Universität, 11/10. — Halle, 1962. — S. 1141–1183.
- Häusler A. Zur Frage der Beziehungen zwischen dem nordpontischen Raum und den neolithischen kulturen Mitteleuropas // J. aschr. mitteld. Vorgeschichte. — 1981. — 64. — S. 229–236.
- Hausler A. Zu den Grab und Bestattungssitten der Walterienburg — Bernburg Kultur // Ibid. — 1981. — 63. — S. 76–87.
- Kalke D. Die Bestattungssitten des Donauländischen Kulturkreises der Jüngerer Steinzait. — Berlin, 1954. — 156 S.
- Kirsch E., Plabe D. Ein Körpergräberfeld der Haveilandischen Kultur bei Dreetz Kr. Kyritz // Veröff. Museums Potsdam. — Berlin 1984.
- Korek J. Archaeologischer Forschungsbericht aus dem Bercich der zweiten Theiss-Standstufe // Folia Arch. — 1974. — 25. — S. 247–262.
- Lichardus J. Rössen-Gatersleben-Baalberge // Saarbrücker Beitrag Allertumskunde. — 1976. — 17.
- Meiklejohn C., Constandse-Westermann T.S. The human skeletal material from Swifterbant, Earlier Neolithic of the Northern Netherlands // Palaeohistoria. — 1978. — 20. — P. 39–89.
- Meldgaard J., Mortensen P., Thrane H. Excavations of Tepe Guran, Luristan // Acta Arch. Kobenhavn. — 1963. — 34. — P. 112.
- Mellaart J. The Neolithic of the Near East. — London, 1975. — 330 p.
- Morgan J. La Préhistoire Orientale. — 3. — Paris, 1927.
- Necrasov O., Cristescu M. Contributie la studiul antropologic al schelelor din complexul mormitelor cu ocru de la Brăilita // Studii Si certetări de istovie vechi. — 1957. — 8. — P. 75–88.
- Patay P. Die hochkupferzeitliche Bodrogkerastur-kultur // Bericht der Röm-German. kommission. — 1974. — 55, 1. — S. 3–71.
- Patay P. A Magyarhomogori rézkövi temető // Közlönyomat a deri Museum 1975. — Debrecen, 1976. — P. 173–254.
- Singh P. Neolithic Cultures of Western Asia. — London, 1976. — 240 p.
- Stekla M. Polary ludu svoluton a vypichanou keramicou // Arch. roshledy. — 1956. — 8. — P. 697–723.
- Tobler A.J. Excavations at Tepe-Gawra, 11. — Philadelphia, 1950.
- Vanden-Berghe L. La neolithique de Hakalan // Archeologia. — Paris, 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	— Археологические исследования на Украине
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки
Вестн. МГУ	— Вестник Московского университета
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
Тр. ГИМ	— Труды Государственного Исторического музея

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ

Александрия 87
Бузьки 89
Васильевка 2,5 44
Видынянка 63
Виноградный 70
Вовниги 1 70
Вовниги 2 48
Гадючая балка 70
Госпитальный холм 88
Переяска 87
Долинка 87
Змиевка 89
Игрень 49
Капры 87
Каменные Потоки 87
Капуловка 49

Клауса балка 70
Лысая гора 71
Маркуполь 63
Марьевка 50
Ненасытецкий порог 58
Никольское 50
Осиповка 59
Скеля-Каменоломня 64
Уроч. Собачки
Скубова балка 64
Сурской 62
Собачки 74
Чапли 64
Чир 89
Ясиноватка 74
Ясиноватка 1,2 74

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА	4
II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОГИЛЬНИКОВ. ПУТИ СЛОЖЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА	7
III. СОСТАВ ИНВЕНТАРЯ И ЕГО ТИПОЛОГИЯ. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МО- ГИЛЬНИКОВ МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА	16
IV. ПЕРИОДИЗАЦИЯ МОГИЛЬНИКОВ И ИХ АБСОЛЮТНЫЙ ВОЗРАСТ	26
V. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО МОГИЛЬНИКОВ МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА . . .	33
VI. УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ	44
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	90
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	93
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ	94

Научное издание

ТЕЛЕГИН Дмитрий Яковлевич

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МОГИЛЬНИКИ МАРИУПОЛЬСКОГО ТИПА

(Свод археологических источников)

Художественный редактор *И.П.Савицкая*
Технический редактор *Н.И.Кудрик*
Оператор *Л.Н.Федоренко*
Корректоры *М.Т.Крачук, Н.Б.Кудряцева*

ИБ № 10802

Сдано в набор 11.02.91 г. Подп. в печ. 09.07.91. Формат 70х108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Пресс Роман. Офс. печ. Усл.печл. 9,10. Усл.кр.-отт. 9,63. Уч.-издл. 9,67 + 0,60 вкл. = 10,27. Тираж 740 экз. Заказ 1-162. Цена 3 р.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка".

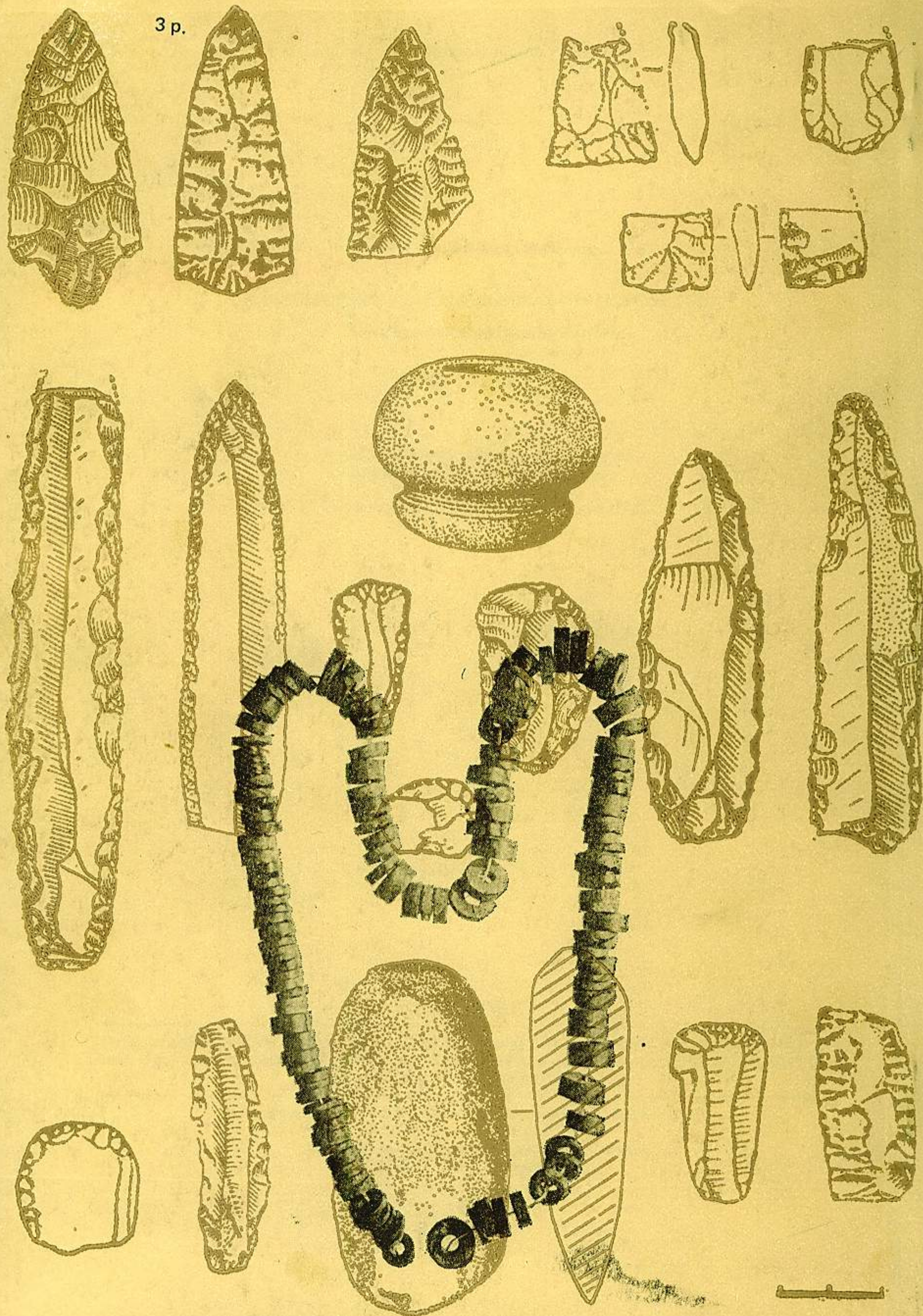
252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Киевская книжная типография научной книги.

252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

3 р.

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР